

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ГОУ «ХУДЖАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА Б. ГАФУРОВА**

На правах рукописи

Кобилова Фариза Хурсанджоновна

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СВЯЗИ В
СТРУКТУРИРОВАНИИ ТЕКСТОВ
(НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Специальность: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Джамshedов Парвонахон
д.ф.н., профессор

ХУДЖАНД – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ СВЯЗИ В ТЕКСТАХ.....	19
1.1. Понятие текста и текстовых жанров в современной лингвистике...	19
1.1.1. Текст как единица коммуникации.....	19
1.1.2. Категория текстуальности и её характеристика.....	40
1.1.3. Текстовые жанры и их функционально-коммуникативные особенности. Классификации текстовых жанров в лингвистических исследованиях.....	51
1.2. Понятие и классификация лексико-семантических средств связи...	61
1.3. Функциональная роль лексико-семантических средств связи.....	64
Выводы по главе 1.....	69
ГЛАВА 2. ЖАНРОВО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ ТЕКСТОВ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ	72
2.1. Текст как средство коммуникации в организациях и учреждениях и лексико-семантические связи текстов	72
2.1.1. Основные характеристики институциональной коммуникации...	76
2.2. Лексико-семантические связи в комиссивных текстовых жанрах...	79
2.2.1. Текстовый жанр «заявка»	79
2.2.2. Лексико-семантические средства связи в структурировании текстового жанра «контракт»	89
2.2.3 Лексико-семантические средства связи жанра «уведомление о готовности».....	98
2.3. Анализ лексико-семантических средств связи в односторонних комиссивах.....	107
2.3.1. Лексико-семантические средства связи в жанре «предложение».	107
2.3.2. Лексико-семантические средства связи в жанре «авторизация/утверждение»	119
Выводы по главе 2.....	126
ГЛАВА 3. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СРЕДСТВ СВЯЗИ ТЕКСТОВ В ИССЛЕДУЕМЫХ ЯЗЫКАХ.....	129
3.1. Текст и его модель в сопоставительном аспекте.....	129
3.2. Анализ лексико-семантических средств связи текстов в английском и таджикском языках.....	144
3.3. Особенности стилистической организации текстов в английском и таджикском языках.....	158
3.3.1. Лексико-семантические средства связи в таджикских официально-деловых текстах: системный анализ.....	197
Выводы по главе 3.....	202
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	204
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	213

ВВЕДЕНИЕ

Язык как важнейшее средство человеческого общения реализуется прежде всего в тексте — основной единице речевой коммуникации, в которой сосредоточены все уровни языковой системы. Именно в тексте слово обретает своё полное смысловое наполнение, а грамматические структуры приобретают коммуникативную направленность. В современной лингвистике текст рассматривается не просто как последовательность предложений, но как сложное смысловое, структурное и коммуникативное единство, организованное по определённым законам. Центральным вопросом теории текста является вопрос о его связности — о тех механизмах, которые превращают разрозненные высказывания в целостное, логически выстроенное сообщение.

Среди многообразия средств организации текстовой связности особое место занимают лексико-семантические средства связи. В отличие от формально-грамматических механизмов когезии (союзов, местоименных замен, порядка слов), лексико-семантические средства обеспечивают глубинную смысловую преемственность между частями текста: они создают тематические цепочки, формируют лексические поля, обеспечивают повтор ключевых понятий и их синонимическое варьирование.

Коммуникация представляет собой процесс передачи информации от одного субъекта к другому — будь то индивидуум, группа или общество в целом. Именно через тексты люди осуществляют это взаимодействие, используя при этом разные жанры, каждый из которых обладает собственными закономерностями текстовой организации. Все текстовые жанры преследуют определённые социальные цели и выполняют конкретные функции, находя своё отражение в лексической и семантической организации. Понимание того, как лексико-семантические средства связи функционируют в текстах различных жанров на английском и таджикском языках, позволяет не только глубже понять природу каждого из этих языков, но и выявить

универсальные закономерности текстообразования, свойственные человеческому языку в целом.

Настоящая диссертационная работа посвящена сопоставительному исследованию лексико-семантических средств связи в структурировании текстов на материале английского и таджикского языков.

Актуальность темы исследования. Лексико-семантические средства связи играют ключевую роль в организации текстов разного жанра, а их анализ в сопоставительном плане требует детального рассмотрения, поскольку живые языки находятся в состоянии непрерывного изменения и развития: в них регулярно появляются новые слова и выражения для обозначения новых понятий и явлений. Признание текста единицей высшего уровня языковой структуры повлекло за собой постановку вопроса о конститутивных признаках текста и механизмах его внутренней организации. Решение данного вопроса невозможно без детального изучения тех средств, которые обеспечивают связность и целостность текста, — в том числе и лексико-семантических.

Актуальность темы определяется рядом взаимосвязанных факторов. Во-первых, несмотря на значительный интерес лингвистов к проблеме текстовой связности, сопоставительный анализ лексико-семантических средств связи на материале английского и таджикского языков остаётся недостаточно изученной областью. Типологически разноструктурные языки — аналитический английский и флективный таджикский — демонстрируют принципиально различные стратегии текстовой организации. Сопоставительное изучение этих стратегий позволяет не только описать специфику каждого из языков, но и выявить универсальные закономерности функционирования лексико-семантических средств связи, присущие человеческому языку как таковому.

Во-вторых, в современной науке неуклонно возрастает интерес к тексту как объекту исследования. Текст всё активнее осмысливается не только как продукт речевой деятельности, но и как средство социального взаимодействия, культурной памяти и трансляции знаний. В этом контексте

изучение механизмов текстовой связности приобретает особую значимость: именно лексико-семантические средства связи в значительной мере определяют то, насколько текст воспринимается как единое смысловое целое, а не как сумма отдельных высказываний.

В-третьих, стремительное развитие межкультурной коммуникации, расширение переводческой практики, а также активное внедрение систем автоматической обработки текстов актуализируют потребность в системном описании лексико-семантических связующих механизмов на материале контрастирующих языковых систем. Адекватный перевод, эффективное обучение иностранному языку, разработка систем машинного перевода — всё это требует чёткого понимания того, как работают средства связи в каждом конкретном языке и каковы их аналоги в другом языке.

В-четвёртых, в условиях интенсификации двуязычия на постсоветском пространстве изучение контактирующих языков в аспекте текстообразования приобретает не только теоретическое, но и прикладное значение для методики преподавания иностранных языков в таджикской аудитории. Знание закономерностей функционирования лексико-семантических средств связи в родном языке учащихся позволяет прогнозировать типичные ошибки и разрабатывать более эффективные обучающие стратегии при изучении английского языка.

Таким образом, исследование лексико-семантических средств связи в сопоставительном аспекте на материале английского и таджикского языков отвечает актуальным тенденциям развития лингвистической науки и имеет выраженную практическую направленность.

Степень разработанности темы исследования. Формирование лингвистики текста как самостоятельной дисциплины языкознания принято относить к концу 1970-х – началу 1980-х годов. Именно в этот период появились первые фундаментальные монографии, научные сборники и тематические антологии, посвящённые теоретическому осмыслению текста как объекта лингвистического исследования. В частности, сборники

«Лингвистика текста» (1974) и «Синтаксис текста» (1979) объединили статьи ведущих советских и европейских специалистов: А. А. Леонтьева, А. И. Новикова, Л. Ельмслева, Хорст Изенбург и других. Опубликованные в них работы заложили основу для последующего интенсивного развития текстолингвистики.

Начиная с конца 1980-х годов лингвистика текста активно развивается в трудах Л. Г. Бабенко, Э. Бенвениста, И. Р. Гальперина, А. И. Новикова, З. Я. Тураевой, Н. М. Разинкиной, Б. Тошовича, Ф. де Соссюра, А. А. Чувакина, Ю. В. Рождественского, Ф. К. Зикрияева, М. В. Зикрияевой и других исследователей. Особого внимания заслуживают работы И. Р. Гальперина, разработавшего развёрнутую концепцию текста как лингвистической единицы с присущими ему категориями связности, информативности, завершённости и членимости. Не менее значимы труды З. Я. Тураевой, исследовавшей семантику и структуру художественного текста, а также работы де Богранда и В. Дресслера, предложивших семь стандартов текстуальности (когезия, когерентность, интенциональность, акцептабельность, информативность, ситуативность, интертекстуальность), которые стали общепринятым инструментарием в мировой текстолингвистике.

В таджикском языкознании отдельные проблемы лингвистики текста рассматривались в трудах ряда исследователей. Вопросы группировки предложений и их взаимных связей затрагивались ещё в работах Н. Маъсуми, а также в статье Д. Т. Таджиева «Проблемы изучения сложноподчинённого предложения», вышедшей на рубеже 1950–60-х. С начала 1980-х годов таджикская лингвистика заметно повернулась к проблематике синтаксического сцепления предложений и особенно к сложному синтаксическому целому (ССЦ). К числу заметных работ той поры относится диссертация С. Облокуловой о ССЦ с присоединительной связью в таджикском языке: автор разбирает, как такие единицы устроены структурно и семантически, и обосновывает их статус самостоятельной синтаксической единицы.

Среди таджикских учёных, внёсших существенный вклад в изучение данного направления, следует особо отметить Ф. К. Зикрияева, опубликовавшего цикл статей по текстологии: «Средства формирования организации и композиции текста», «Вопросы лингвистики текста», «Суперсинтаксис», «Факторы формирования структуры текста» и ряд других работ, в которых систематизированы достижения отечественной и зарубежной лингвистики в области текстологии. Учёный выделяет следующие «особые отличительные черты» текста как грамматической единицы: общую тему текста; смысловую целостность, или коммуникативное содержание текста; способы связи предложений в тексте; границы текста — начало, содержание и конец.

Следующий важный шаг — монография М. В. Зикрияевой «Способы, методы и факторы текстообразования на сопоставительном материале таджикского и английского языков»: насколько нам известно, это была одна из первых таджикских работ, целенаправленно обращённых к сопоставительному анализу того, как формируется текст в двух исследуемых языках. К ним примыкает и монография З. М. Мухторова «Структура и семантика текста» (2013). В ней впервые приведены в систему принципы текстуальности, прослеживаются разновидности текстовой прогрессии, дана классификация лингвистических категорий текста и введён ряд новых терминов — «мимотекст», «тематический мегатекст», «внутренняя текстуальность языка». В учебнике профессора Б. Камолиддинова «Нахви забони тоҷикӣ» текст рассматривается как самостоятельная синтаксическая единица, обладающая особыми структурно-семантическими характеристиками.

Значительный вклад в изучение средств связи в таджикском, русском и английском языках внесли А. И. Муродов и Н. Ш. Рахмонова. А. И. Муродов провёл сопоставительный анализ подчинительных союзов таджикского, русского и английского языков, уделив особое внимание их структурно-семантическим особенностям как связующих элементов в тексте. Среди работ,

на которые мы опираемся, особое место занимает докторская диссертация Н. Ш. Рахмоновой (2019). В ней дана классификация придаточных предложений и раскрыт вклад грамматических средств в построение сложных синтаксических конструкций. Нельзя обойти вниманием и труды С. Назарзода, где разбирается терминологическая система таджикского языка и то, как термины формируют научный дискурс.

Однако при всём богатстве уже накопленного материала до сих пор никто не брался за монографическое сопоставительное описание лексико-семантических средств связи в текстах английского и таджикского языков — двух типологически разных систем. Имеющиеся работы либо охватывают только один из языков, либо сосредоточены на грамматических средствах связи, либо написаны слишком обобщённо. Этим и объясняется научная новизна нашего исследования и его востребованность.

Особого внимания заслуживает вопрос о том, как текст был включён в программу таджикского языка для общеобразовательных школ в объёме около 14 часов под названием «Текст и его семантико-грамматическая структура». Данная программа, разработанная на основе нового государственного стандарта с учётом компетентностной системы образования, свидетельствует о признании текста самостоятельной языковой единицей на уровне государственной образовательной политики. Это наглядно демонстрирует, что проблематика текстообразования и текстовой связности перестала быть исключительно теоретической: она приобрела практическое измерение в рамках языкового образования. Вместе с тем существующие учебные материалы лишь в незначительной мере освещают вопросы лексико-семантических средств связи, что дополнительно подчёркивает актуальность и практическую востребованность настоящего исследования.

Цель исследования состоит в комплексном сопоставительном изучении и системном описании состава и функциональной роли лексико-семантических средств связи, обеспечивающих структурно-смысловую организацию официально-деловых текстов в английском и таджикском

языках, а также в выявлении универсальных и идиоэтнических характеристик данных средств в двух исследуемых языках.

Поставленная цель требует решения следующих исследовательских **задач**:

- **рассмотреть** теоретические основы лингвистики текста и уточнить понятийно-категориальный аппарат исследования (текст, связность, когезия, когерентность, лексико-семантическая связь);

- **охарактеризовать** официально-деловой стиль и институциональную коммуникацию как сферу функционирования исследуемых средств связи и описать систему её комиссивных жанров;

- **установить** состав лексико-семантических средств связи в официально-деловых текстах и разработать их единую классификацию применительно к английскому и таджикскому языкам;

- **описать** функциональную роль каждого разряда средств связи (лексический повтор, синонимическая замена, антонимия, гипоним-гиперонимические отношения, тематические цепочки) в обеспечении когезии и когерентности официально-делового текста;

- **провести** сопоставительный анализ состава и функций лексико-семантических средств связи в английских и таджикских официально-деловых текстах и установить типологические сходства и различия;

- **выявить** количественные характеристики распределения средств связи по жанрам институциональной коммуникации и подтвердить ими сделанные выводы;

- **определить** универсальные и идиоэтнические закономерности функционирования лексико-семантических средств связи в исследуемых текстах.

Объект исследования — лексико-семантические средства связи в текстах официально-делового стиля (институциональной коммуникации) на английском и таджикском языках. Привлекаемые в работе образцы художественной прозы используются как сопоставительный иллюстративный

материал, позволяющий оттенить специфику средств связи в институциональном дискурсе и проверить устойчивость выявленных закономерностей за его пределами.

Понятие «лексико-семантические средства связи» охватывает все лексические единицы и семантические отношения между ними (лексический повтор, синонимия, антонимия, гипо-гиперонимия, тематическое единство), которые обеспечивают структурно-смысловую целостность текста и связность его компонентов.

Предмет исследования — структурные, семантические и функциональные особенности лексико-семантических средств межфразовой и межабзацной связи, реализующих текстовую когезию и когерентность в официально-деловых текстах английского и таджикского языков; закономерности их распределения по комиссивным жанрам институциональной коммуникации (заявка, контракт, уведомление о готовности, предложение, авторизация/утверждение); универсальные и идиоэтнические характеристики данных средств в двух исследуемых языках.

Материал исследования. Источниковую базу исследования составил корпус текстов на английском и таджикском языках. Ядро корпуса (основной материал анализа) образуют тексты официально-делового стиля — институциональная коммуникация: контракты, договоры, заявления, официальные уведомления, тексты-предложения, документы авторизации/утверждения и деловая переписка.

В качестве вспомогательного (иллюстративного и сопоставительного) материала привлекаются:

- образцы художественной прозы на английском и таджикском языках (произведения С. Айнй, Қ. Восеъ, J. Austen, С. Dickens, G. Orwell, E. Hemingway, W. Shakespeare, O. Wilde, M. Twain и др.), на которых демонстрируются отдельные семантические отношения (синонимия, антонимия, гипонимия) в их наиболее наглядной форме;

- материалы периодической печати («The Guardian», «The New York Times», «Чумхурият», «Садои мардум»), привлекаемые для контроля за устойчивостью выявленных закономерностей.

Привлечение вспомогательного материала носит контрастивно-иллюстративный характер и не меняет основного объекта исследования: количественные подсчёты и обобщающие выводы строятся на корпусе официально-деловых текстов. Использование примеров переводов отдельных английских текстов на таджикский язык и таджикских на английский позволяет непосредственно наблюдать трансформации лексико-семантических средств связи при межъязыковом переносе.

Научная новизна исследования определяется тем, что лексико-семантические средства связи в структурировании текстов на материале английского и таджикского языков исследуются в сопоставительном аспекте впервые. Научная новизна работы состоит конкретно в следующем:

- впервые проведено комплексное монографическое исследование лексико-семантических средств связи в разноструктурных языках — английском и таджикском — в сопоставительном аспекте;

- разработана единая классификационная схема лексико-семантических средств связи (лексический повтор, синонимическая замена, антонимия, гипонимические отношения, тематические цепочки, семантические поля), применимая к типологически далёким языкам;

- установлены универсальные механизмы лексической когезии, общие для английского и таджикского языков, и выявлена языковая специфика их реализации в каждом из них;

- описана зависимость выбора лексико-семантических средств связи от функционально-стилистических особенностей текстового жанра в каждом из сравниваемых языков;

- в научный оборот введён новый языковой материал — корпус текстов на английском и таджикском языках, специально отобранный и

систематизированный для целей сопоставительного анализа лексической когезии.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что её результаты вносят вклад в развитие нескольких смежных областей лингвистической науки. Применительно к теории текста и лингвистике текста наша работа уточняет понятийный аппарат, связанный с описанием лексико-семантических средств связи, и предлагает классификацию, удобную для сопоставительных задач. Полученные выводы по-новому раскрывают природу когезии и когерентности текста: эти явления удаётся описать не как абстрактные категории, а как конкретные системы средств, работающие в текстах определённых жанров. Анализ показал, как разные типы лексических повторов, синонимические цепочки и тематические поля сцепляются между собой и держат смысловое единство текста на разных уровнях.

Что касается сопоставительного языкознания и контрастивной лингвистики, наше исследование расширяет эмпирическую базу типологии за счёт подробного анализа лексики как уровня текстообразования в обоих языках. Выявленные универсальные и идиоэтнические черты лексико-семантических средств связи помогают точнее очертить более общую проблему — соотношение языковых универсалий и специфики. Предложенная нами методика сопоставительного анализа лексической когезии применима и к другим языковым парам, что расширяет её типологический потенциал.

Для таджикского языкознания значимость работы определяется тем, что мы заполняем серьёзный пробел: впервые системно описываем текстообразующие механизмы таджикского языка с опорой на современный теоретический аппарат. Полученные результаты пригодятся при создании описательных и типологических грамматик английского и таджикского языков, а также при разработке курсов по лингвистике текста и сопоставительному языкознанию. Сделанные выводы вносят ясность в ряд проблем лингвистики текста двух исследуемых языков и работают на развитие

таджикской текстолингвистики как самостоятельной отрасли. Ещё один важный теоретический итог — взгляд на текст как на многоуровневое коммуникативное явление, где лексико-семантические средства связи — не отдельные элементы, а часть единой системы, связывающей содержательный, композиционный и стилистический планы текста. Именно такое системное видение позволяет преодолеть традиционный разрыв между изучением лексики как компонента языковой системы и лексики как инструмента текстопостроения.

Практическая значимость исследования определяется широким спектром возможных приложений его результатов и материалов.

В учебно-педагогической сфере результаты работы могут быть использованы в учебных курсах по теории языка, лингвистике текста, стилистике, сравнительной типологии английского и таджикского языков, а также при разработке учебных программ и рабочих планов по данным дисциплинам. Предложенная классификация лексико-семантических средств связи может служить основой для практических занятий по анализу текста.

В переводческой практике описание эквивалентных и безэквивалентных средств лексической когезии в английском и таджикском языках создаёт надёжную теоретическую базу для переводчиков, помогая избежать ошибок при передаче связности текста. Результаты исследования могут быть использованы при разработке учебных пособий и методических материалов по практике перевода с английского языка на таджикский и в обратном направлении.

В лексикографии и вычислительной лингвистике полученные данные применимы при составлении двуязычных словарей с учётом текстообразующих функций лексических единиц, а также при совершенствовании систем автоматической обработки, анализа и генерации текстов на английском и таджикском языках.

Материалы диссертации могут быть также использованы в качестве основы для создания специальных курсов по анализу текста на факультетах

иностранных языков таджикских вузов, а также при проведении научно-исследовательских работ студентов и аспирантов, специализирующихся в области сопоставительного языкознания и лингвистики текста.

Теоретическую базу исследования составляют труды отечественных, таджикских и зарубежных учёных в области лингвистики текста, дискурсивного анализа, синтаксиса и стилистики.

В сфере общей теории текста и лингвистики текста исследование опирается на работы О. В. Александровой, Р. Барта, М. М. Бахтина, А. В. Бондарко, Н. С. Валгиной, В. И. Виноградова, И. Р. Гальперина, О. В. Долговой, Г. А. Золотовой, Е. С. Кубряковой, Ю. М. Лотмана, Г. Я. Солганика, З. Я. Тураевой. В сфере зарубежной текстолингвистики теоретической базой послужили труды В. О. Матезиуса, А. К. Халлидея, А. С. Штерн, а также G. Brown, R. de Beaugrande, W. U. Dressler, T. A. van Dijk, M. Diewald, L. Hoffmann, J. Firbas, G. Genette, Z. Harris, H. F. Plett, J. Searle, E. Werlich.

В области таджикского и иранского языкознания теоретическую основу исследования составили работы Н. Маъсуми, М. Н. Касымовой, Б. Камолиддинова, Ф. К. Зикрияева, М. В. Зикрияевой, З. М. Мухторова, Д. Ходжаева, С. М. Ибрагимова, С. Назарзода, А. И. Муродова, Н. Ш. Рахмоновой и других исследователей, чьи труды заложили основу для изучения синтаксиса и текстовой организации таджикского языка. В работе также учтены положения когнитивной лингвистики и прагматики, актуальные для анализа текстообразующих функций лексико-семантических средств связи.

Методология и методы исследования. Для достижения поставленной цели и решения исследовательских задач использовался комплекс взаимодополняющих методов лингвистического анализа.

Описательный метод с приёмами наблюдения, обобщения и классификации языкового материала применялся для систематизации и описания выявленных лексико-семантических средств связи. Сравнительно-сопоставительный метод составил основу исследования: он позволил

установить сходства и различия в системах лексико-семантических средств связи в английском и таджикском языках и охарактеризовать специфику каждого из них. Метод дистрибутивного анализа применялся для исследования контекстуального окружения лексических единиц, выступающих в роли средств межфразовой связи.

Метод компонентного анализа использовался для выявления семантической структуры лексем, участвующих в создании текстовой когезии, и описания семантических отношений (синонимии, антонимии, гипонимии), лежащих в основе лексической связности.

Метод контекстуального анализа позволил рассмотреть функционирование каждого средства в конкретном текстовом окружении и определить его роль в создании смысловой целостности высказывания. Методы стилистического и жанрового анализа применялись для установления зависимости между выбором лексико-семантических средств связи и жанрово-стилистической принадлежностью текста.

Положения, выносимые на защиту:

1) В английском и таджикском языках существуют как универсальные, так и национально-специфические способы обеспечения текстовой связности, обусловленные типологическими и лингвокультурными особенностями рассматриваемых языков.

2) При общности логико-семантической организации текста средства реализации когезии и когерентности в английском и таджикском языках обладают национально-специфическим характером.

3) На микроструктурном уровне текст содержит коммуникативную цель, согласованный объём информации, указание источника полученных сведений, а также выводы и заключение; лексико-семантические средства связи обеспечивают реализацию этих элементов в конкретной языковой форме.

4) Система лексико-семантических средств связи в английском и таджикском языках представляет собой иерархическую структуру, где

ведущую роль играют повторы (лексические, синонимические), анафорические замены и тематические цепочки. При этом в английском деловом дискурсе классификация средств связи тяготеет к эксплицитности (явному выражению), а в таджикском — к кумулятивности (накоплению смысловых связей через изафетные конструкции).

5) Специфика функционирования средств связи в текстах институциональной коммуникации определяется жанровым канонem: если в английских контрактах связность (когезия) обеспечивается преимущественно **дистантным лексическим повтором**, исключающим двусмысленность, то в таджикских официальных текстах сопоставимого жанра связность поддерживается **логико-смысловыми коннекторами** (бинобар ин, хамин тарик, аз ин лихоз) и **синтаксическим параллелизмом**.

6) Существует закономерное различие в механизмах текстообразования: английский текст чаще использует **местоименную анафору** (it, this, they) для поддержания связности, в то время как таджикский текст, в силу грамматических особенностей, отдает предпочтение **лексической реитерации** (повтору однозначных слов) и **изафетным цепям**, которые служат маркером межфразовой связи.

7) Структура и тематика текста большой протяжённости может быть раскрыта посредством анализа названий, присвоенных его частям, а также через систему ключевых слов и тематических доминант, организующих лексико-семантическое пространство текста.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается совокупностью следующих факторов: достаточным объёмом проанализированного языкового материала — корпуса официально-деловых текстов институциональной коммуникации на английском и таджикском языках (привлечение художественных и публицистических текстов носит вспомогательный, иллюстративный характер); применением комплекса взаимодополняющих и взаимоверифицирующих методов лингвистического анализа (описательного, сравнительно-сопоставительного, дистрибутивного,

компонентного и контекстуального); количественной обработкой материала и опорой на фундаментальные труды отечественных и зарубежных учёных в области лингвистики текста, сопоставительного языкознания и контрастивной лингвистики.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры теории и практики английского языка Худжандского государственного университета, были представлены в докладах на научно-практических конференциях и отражены в опубликованных работах. К числу значимых мероприятий, на которых осуществлялась апробация результатов исследования, относятся:

- XV международная научно – практическая конференция. «Человек в системе коммуникации в цифровую эпоху», г. Нижний Новгород, 2022.

- Критические вопросы типологического языкознания, германистики и методики преподавания иностранных языков. Научные статьи преподавателей, соискателей, аспирантов и аспирантов. Издательство Худжанд, Меъродж, 2022, №13.

- Актуальные вопросы проблемы теории и практики перевода и лингвистики в высших школах профессионального образования. Мероприятие республиканской научно-практической конференции в целях реализации «Государственной программы по совершенствованию преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на период до 2030 года» Душанбе, 2023.

- Мероприятие турецкой международной научной онлайн конференции “Теоретические и аналитические аспекты последних исследований ”. - Стамбул, 2024.

- Маводи конференсияи чумхуриявии илмӣ-амалӣ. Масоили мубрами методикаи муосири таълими забонҳои хориҷӣ ва забоншиносии типологӣ, Хучанд 5-уми март, 2024.

- Материалы международной научно-практической конференции, посвященной реализации «Государственной программы совершенствования

преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан в период до 2030» (2024).

По теме диссертационного исследования опубликовано 13 статей, из которых 4 размещены в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией (ВАК), а 9 — в других периодических изданиях. Опубликованные работы отражают основное содержание диссертации, авторскую позицию и результаты проведённого исследования.

Диссертационная работа обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры теории и практики английского языка ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова», где она выполнялась (протокол №9 от 30 апреля 2026 г.)

Объём и структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, содержащих несколько разделов, заключения и списка использованной научной литературы по исследуемой теме.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ СВЯЗИ В ТЕКСТАХ

1.1. Понятие текста и текстовых жанров в современной лингвистике

1.1.1. Текст как единица коммуникации

До 1960-х годов внимание лингвистов было сосредоточено на анализе звуковой системы, структуры слов, словарного состава, грамматических конструкций и значений языка. Однако, в период с конца 60-х по начало 70-х годов акцент ученых был перенесен на анализ текстов. Эволюция языкознания привела к тому, что лингвистика текста сложилась как самостоятельная область — её предметом стало то, как контекст общения влияет на создание и восприятие текстов. Тексты перестали восприниматься как обособленные языковые единицы. Текст, как замечает И. Гловацки-Бернарди, нельзя описывать только лингвистическим инструментарием и считать его исключительно лингвистической единицей [Glovacki-Bernardi 1990: 17]. Основой любого сообщения служит текст, а сам акт коммуникации органично встроен в общественную практику общения. Заметный рост интереса к текстам и их жанровым разновидностям пришёлся на рубеж 1970–1980-х годов. В 1980-е и в начале 1990-х данное направление продолжило развиваться уже в русле когнитивной психологии. Когнитивная лингвистика существенно изменила наши представления о языке и тексте: текстовый анализ позволил выявить психологические закономерности и принципы, по которым организован язык.

Существует несколько определений текста, де Богранд, рассуждая о языке, тексте и дискурсе, предлагает понимать текст как «коммуникативное событие, в котором сходятся лингвистические, когнитивные и социальные действия, а не просто как ряд произнесённых или написанных слов» [Beaugrande 1997: 11]. Иными словами, де Богранде считает, что текст представляет собой целостный комплекс лингвистических, когнитивных и социальных действий, что даёт возможность рассматривать его как модель понимания мира. Через эту модель текст транслирует информацию о

предметах, высказываниях, фактах, событиях и поступках, то есть о внеязыковой реальности — людях, институтах, положении дел [Beaugrande 1997: 128]. Любая часть высказывания или текста соотнесена со своим окружением и наследует свойства целого; рождаются эти свойства из суммарной или оценочной значимости.

Де Богранде трактует текст как глобальную модель — связку взаимосвязанных данных и фактов, которыми располагают люди и организации в качестве накопленных знаний и опыта. К таким данным он относит идентичность, связность, временную и пространственную ориентацию, наблюдаемость, размерность и предсказуемость [Beaugrande 1997: 82]. По его мысли, мир должен быть осмыслен, а опыт процессов и событий — приобретён; предметы и события должны быть тождественны самим себе, чтобы их можно было опознать, и видимы, чтобы их можно было наблюдать.

Текст — это языковой знак или комбинация знаков, опирающаяся на социальные конвенции. Х. Ф. Плетт указывает, что совокупность языковых знаков, то есть текст, представляет собой «суперзнак», внутри которого заключены второстепенные знаки или их части [Plett 1989: 43]. То, как эти второстепенные знаки разделяются или распределяются в конкретных текстовых реализациях, приводит к различным классам, типам и текстовым жанрам. Тексты формируются из определённого набора языковых знаков, образующих код, причём этот набор может быть далее разделён на части. Код охватывает не только языковую опись знаков, но и правила их соединения и значения, что и обеспечивает возможность их комбинирования. Все возможные сочетания языковых знаков в тексте регулируются текстовой грамматикой. Код содержит указания на текст, а фактическая информация или сообщение позволяет подготовить текст. Текст состоит из списка определенных лингвистических символов, образующих код, причем список кодов можно подразделять и дальше. Код содержит не только лингвистический набор символов, но и правила их соединения и значения,

которые делают возможными комбинации символов. Все возможные комбинации лингвистических символов в тексте определяются грамматикой текста. Знаки содержат текстовые инструкции, а текст подготавливается фактической информацией или сообщением. Другими словами, текст не существует сам по себе, но текст — это элемент реализации, который успешно передал сообщение, т.е. реализовал его. Тексты, которые К. Бринкер называет «высказываниями», нельзя свести к одному значению — эти множества всегда нужно соотносить с конкретной коммуникативной ситуацией [Brinker 2014: 133–175]. Поэтому текст рассматривается как продукт коммуникации; согласно Бринкеру, текст представляет собой совокупность языковых признаков, обладающих как грамматической, так и тематической связностью и при этом выполняющих определённую коммуникативную функцию. В лингвистике существуют различные трактовки понятия «текст». Известно, что предметом теории текста является текст. Его основные черты также могут быть установлены в рамках противопоставления текстов по отношению к их микросреде. Микросреда существования текста — это акт человеческого общения посредством текста, то есть коммуникация.

Как пишет Х. Вайнрих, «мы — хозяева текста» [Weinrich 1987: 44–54]. И. Новиков справедливо отмечал, что познавательная и коммуникативная функции текста имеют разные приоритеты: «если автор в первую очередь стремится к коммуникации, то адресат сосредоточен на извлечении информации» [Новиков 2003: 96]. Активность участников общения обусловлена, как минимум, двумя факторами: межличностным характером коммуникации, обусловленным субъективностью каждого человека [Чувакин 1995: 10–12], и тем, что человек как *Homo Loquens*, используя свои когнитивные знания, решает конкретные коммуникативные задачи. У адресанта и адресата есть ряд важных характеристик, которые обычно рассматриваются на следующих уровнях:

- демографические и этнические данные;
- социально-психологические факторы;

- культурные и антропологические аспекты;
- философские взгляды и мировоззрение;
- когнитивные процессы и коммуникативное поведение;
- лингвистические особенности;
- ситуативно-поведенческие факторы и другие.

В соответствии с логикой текста, эти особенности можно соотнести с понятием "внутренней среды человека", предложенным В.А. Энгельгардтом: каждая из них, в различной степени, формирует внешний вид текста. Влияние характеристик адресанта и адресата на текст традиционно описывается через такие понятия, как:

- языковая личность;
- речевая личность;
- коммуникативная личность;
- образ автора и читателя;
- образ оратора и аудитории и т.д. [Engel 1988: 306-315].

Концепция текстовой личности проявляется в тексте через двойственность, отражающую характеристики как адресанта, так и адресата.

Джон Роджерс Серл выдвинул идею о том, что коммуникативные акты включают в себя прежде всего то, что она называется внешние условия речевого выражения — понимание (место, время, контекст и т.д., «подкрепленные» совместным активным действием коммуникаторов) и с другой стороны «внешний мир» («реальный мир» и «возможный мир» [Searle 1972: 109], так вот о чем идет речь в тексте). Таким образом, эта структура соответствует «внешним факторам, потенциально значимым в коммуникативном контексте» [Franke 1987: 257–281]. Составляющая отношения относится к самому процессу коммуникации. Однако зачастую коммуникация не ограничивается одним моментом, а разворачивается во времени и охватывает разные контексты. В рамках теории коммуникативного действия тексты классифицируются на ситуативные и суггестивные. Первые

интерпретируют содержание текста через призму прагматики, а вторые – через взаимосвязь текста с окружающим миром (реальным, воображаемым или другими текстами).

Элементы коммуникативного акта в комплексе описывают внутреннюю среду текста и связывают его с внешней средой. Текст – это, по сути, практическая цель, коммуникативная задача. Целевой компонент играет ключевую роль в этой модели, поскольку он взаимодействует и объединяет все остальные компоненты. Это объясняется тем, что цель является характеристикой человеческой деятельности и неотъемлемой частью языка. С практической точки зрения важно, что она обозначает форму социальной деятельности, с которой связано общение. Фактическая цель — это представление о конечном результате, к которому стремится говорящий.

Какой бы ни была связь — внутренней или внешней, — средства коммуникации в корпоративной среде играют большую роль. Эта среда сама по себе насыщена типовыми, повторяющимися ситуациями общения [Fox 2006: 28], и для них требуется свой инструментарий. К повседневным средствам относятся: беседа (лицом к лицу либо по электронным каналам — здесь подкупают гибкость и скорость); дискуссия, построенная на обоюдном участии (на её эффективность влияет физическое расположение участников, размер группы и их количество); деловая отчётность и проч. [Rouse и др. 2005: 46].

Коммуникативная цель — это намерение или установка, которая воплощается в процессе создания текста и относится к самому тексту. Для описания текста с точки зрения его цели необходимо различать коммуникативную и риторическую модели текста.

Так, согласно коммуникативному подходу к текстам, текст может быть определен как составной знаковый комплекс языковых свойств, коммуникативной направленности и прагматического значения, представляющий участников коммуникации. Коммуникативный акт в текстовых образах *Nomo locuens* несет на себе отпечаток эвокации и

ситуативности, а его онтологический механизм основан на способности к коммуникативной трансформации. Это определение не включает в себя многие традиционные характеристики, приписываемые текстам, такие как цельность, связность, полнота и понятность [Гальперин 1980: 86]. Данное положение обусловлено тем, что подавляющее большинство общепринятых критериев выявляются и формулируются при внутреннем анализе текста, рассматриваемого как совокупность смысловых единиц, а не при сопоставлении с внешними факторами, окружающей средой. К тому же, одни и те же общепринятые признаки нередко интерпретируются по-разному применительно к различным языковым единицам, в особенности к словам и предложениям. Предложенный выше перечень признаков текста не отменяет общепринятых, а скорее предполагает возможность их деривации из характеристик, описанных в данной работе. Мы полагаем, что лингвистические принципы теории текста остаются актуальными (достаточно вспомнить, что современная лингвистика существенно отличается от той, что была в 1980-е годы). На данном этапе развития теории текста приоритетной является задача исследования самого факта существования текстов. И именно функциональный подход в первую очередь позволяет решить эту задачу. Он базируется на понимании коммуникативной сущности текстов и позволяет проводить всестороннее и глубокое изучение «жизненного цикла» текста.

Под связным текстом часто понимают ряд законченных предложений, смыслы которых связаны в рамках общего замысла автора. Х. Вейль писал о правилах и идеях порядка слов [Вейль 1944: 65], а многие лингвистические истины текста были известны основателям Пражской школы.

Задача лингвистики текста заключается в установлении связей между грамматическими категориями текстов и структурно-семантическими единицами конкретной области [Harweg 1973: 81–93].

Ключом к грамматике текста является идея линейного сопоставления единиц. Особое внимание неизбежно обращается на компенсаторные связи трех основных текстовых приемов как:

- 1) интонации;
- 2) порядка слов;
- 3) показателей сегментации текстовых связей.

Знаменитый лингвист А.И. Новиков на 9-м конгрессе лингвистов стал важным теоретическим толчком для создания лингвистики текста [Новиков 2003: 59]. Современные трактовки лингвистики текста ставят задачу изучения условий успешной «правильной» коммуникации с целью прояснения проблемы коммуникативного характера, то есть учета единиц создаваемого текста.

Хорст Изенберг в своей статье о лингвистической теории текста подчеркивает четыре момента:

1. Общие границы области исследования.
2. Критерии правильного форматирования и правильного построения текста.
3. Задача теории текста-построить теорию (любая исследовательская программа должна учитывать отсутствие степеней свободы и постоянную доступность, которая может быть сформулирована в определенный момент всех названных Хомским характеристик, мы в некотором смысле говорим о человеческих навыках (We are talking about human skills) [Isenberg 1983: 303–342].
4. По мнению Р. Харвега, текст представляет собой непрерывную последовательность замен и основных употреблений, в которой выделяются три типа имен, выполняющих различные роли. Значимость элементов может быть подчеркнута с помощью порядка слов, выделения, противопоставления, опущения и использования частиц. Размытость границ текстовой семантики объясняется не только недостаточной разработанностью теории, но и тем фактом, что эта семантика основана на отношениях, а не на тождестве [Harweg 1973: 81–93].

Семантическая интерпретация должна учитывать синонимические пары, взаимосвязь между отдельными предложениями и всей последовательностью,

и быть интегрирована в языковое описание. Любой текст создаётся ради того, чтобы автор смог передать свои идеи, осуществить творческий замысел, поделиться знаниями о человеке и мире и донести всё это до читателя. При этом тексты — материал крайне непростой для исследователя. Под текстом мы понимаем последовательность речевых единиц, объединённых во времени или пространстве в единое целое. Любой текст или его фрагмент с повторяющимся мотивом можно рассматривать как дискурсивный текст. Лингвистика текста выходит за рамки традиционной грамматики и сосредоточивается на тех явлениях, которые в классической грамматике обычно разбирают в синтаксисе предложения. Причин у такого подхода три.

1. Предложение само может быть текстом. Даже одно предложение работает как текст, если оно представляет собой завершённое высказывание со своей коммуникативной и смысловой самостоятельностью.

2. **Наличие межфразовых отношений внутри предложения.** В пределах одного предложения могут наблюдаться связи, характерные для межфразового уровня, например, **анафорическая связь**, обеспечивающая когезию и семантическую связность высказывания.

3. **Смысловая корреляция между соседними предложениями.** Взаимосвязь между соседними высказываниями, если она отражена средствами языка, может быть выражена в одном из предложений или одновременно в обоих. При этом в смысловом описании такого предложения обязательно присутствует **утверждение**, указывающее на логическую и содержательную завершённость единого текстового фрагмента.

В фокусе лингвистики текста находятся не только речевые явления, но и связи между предложениями, которые могут быть представлены речевыми актами, формирующими текст.

В контексте лингвистики текста рассматриваются аспекты функциональной грамматики, изучающей:

1) разграничение семантического уровня и соотношение понятий "текст" и "смысл текста";

- 2) взаимодействие системы и среды (в контексте текста и дискурса);
- 3) функции, проявляющиеся на уровне словоформы, высказывания и текста в целом;
- 4) анализ языковых и речевых фактов на основе инвариантности и прототипа.

Различение значения и семантики, поверхностного и глубинного смысла восходит к лингвистическим традициям (например, суждения А.А. Потебни). Семантическое ядро текста представляет собой целостную структуру, где компоненты взаимодействуют, реализуя лексические и грамматические значения языка [Потебня 1958: 20].

Смысл дискурса – это информация, передаваемая автором и воспринимаемая аудиторией на основе содержания, выраженного языковыми средствами, контекста, речевой ситуации, опыта и знаний участников коммуникации.

Источниками смысла в дискурсе служат прагматические элементы, включая текстовое содержание, контекст, ситуативную и энциклопедическую информацию, референциальные, аффективные и экспрессивные аспекты. Семантическая структура текста – это композиция языкового значения с формальными показателями, определяемая семантическими единицами. Семантические структуры несут важные информационные элементы, добавляющие новое в передаваемую информацию.

В языках, где существенным признаком грамматической категории является избыточность грамматического значения, грамматическое значение обязательно должно быть выражено в каждой части речи. Смысл должен быть сохранен путем опущения текста. Сжатие текста, или конденсация, неизбежно ведет к сокращению его языкового содержания. В то же время, можно расширить текст, не меняя его основного смысла. Содержание текста охватывает как прямое, денотативное значение, так и его стилистические нюансы, то есть то, что сказано, и то, как это сказано, то есть его коннотативное значение.

Все эти атрибуты являются источниками денотативных элементов смысла в текстах. Аффективный компонент смысла — это общий информационный результат взаимодействия аффективных и экспрессивных элементов ПСТ. Содержательный план текста может выполнять эстетическую функцию. Он передает художественную выразительность и оригинальность выражения того или иного смысла в языке. На этой основе проводится стилистический анализ художественного текста, который выявляет обычную тематику текста и национальное своеобразие того или иного языка, к которому он относится.

Маргот Хайнеманн показал, что «текст также является результатом языковой деятельности лиц, участвующих в социальном взаимодействии, и эта деятельность зависит от когнитивной оценки участников коммуникационного процесса, и они используют всевозможные знания адресата. Это знание проявляется в текстах определенным образом и составляет их пространственную структуру» [Heinemann 1991: 126]. Поскольку у текста существует множество определений, столь же многочисленны и модели его анализа. Среди наиболее известных и подробно разработанных — модель функций коммуникации и интегративная модель. Первая делает акцент на взаимодействиях в процессе общения: социальный контекст с его параметрами охватывает когнитивные стороны порождения и восприятия текста и определяет, каким именно образом мы общаемся посредством текста или жанра [Jurin 2010: 28]. Эта модель опирается на представление о тексте как о средстве действия; в её основе лежит теория речевых актов и коммуникативных намерений.

Дж. Серл [Searle 1972: 67] называет речевой акт минимальной функциональной единицей человеческого общения; внутри него он выделяет несколько одновременно совершаемых актов: акт высказывания, пропозициональный акт (содержание предложения), иллокутивный и перлокутивный акты. Акт высказывания заключается в произнесении или написании сообщения посредством ряда фонем, графем и слов; пропозициональный акт, или содержание сообщения, отсылает к объектам,

событиям и процессам внешнего мира — к лингвистической реальности, которой приписаны определённые свойства, а вместе с ними и иллокутивная цель.

В рамках теории речевых актов — одного из ключевых направлений лингвистической прагматики — речевой акт определяется как минимальная единица речевого взаимодействия. С её точки зрения, наименьшей единицей человеческой коммуникации является не предложение и не высказывание, а само действие, реализующееся через различные типы речевых поступков: утверждения, вопросы, приказы, побуждения.

Исследователи, работающие в русле теории речевых актов, ожидают от неё решения ряда методологических и прикладных задач, в частности:

1. **Разработка надёжного инструментария**, который позволит анализировать речевые данные не только в рамках традиционной лингвистики, но и с учётом прагматических факторов.
2. **Описание и объяснение стратегий языкового воздействия** на основе базовых категорий теории речевых актов.
3. **Расширение «конститутивного принципа»** Г. Флёге на сферу языкового взаимодействия, то есть установление структур и правил преобразования речевого общения, при которых интерпретация компонентов высказывания обеспечивает целостное понимание коммуникативного акта.
4. **Обоснование механизмов связности высказываний**, показывающих, каким образом несколько, казалось бы, автономных утверждений формируют единый связный контекст.
5. **Пояснение взаимосвязи между чёткостью артикуляции и эффективностью воздействия**, поскольку риторическая «ясность» речи тесно связана с её коммуникативной действенностью. Теория речевых актов в этом контексте может служить ключом к пониманию того, как достигаются риторические цели коммуникации.

6. **Создание таксономии языковых средств** и разработка **металингвистических инструментов** для описания лексики, в частности — объяснение семантики глаголов с позиции теории речевых актов.

7. **Интеграция в прагматический анализ коммуникативных намерений**, а также психологических и поведенческих реакций, характерных для адресата в процессе восприятия речи.

8. **Учёт не только логических, но и коммуникативных связей** между предложениями, близкими по смыслу.

9. **Уточнение соотношения между универсальными и национально-специфическими речевыми актами**, то есть определение особенностей их функционирования в конкретном языке.

10. **Описание меток сообщений** как функций высказываний, смысл которых определяется ситуативными факторами и формой речевого акта, что составляет основу модели «отображения сообщения» [Флёге 2008: 63].

В рамках лингвистического подхода к теории речевых актов обычно выделяются два ключевых направления:

- собственно теория речевых актов, занимающаяся классификацией и анализом типов речевых действий независимо от личности адресанта;

- и **анализ речевых актов**, предполагающий изучение конкретных проявлений речевого поведения с учётом субъективных факторов — интенций, установок и прагматических условий коммуникации.

В первом направлении не рассматриваются проявления целей и намерений в реальных взаимодействиях. Второе направление фокусируется на языковых материалах. Таким образом, здесь кроется суть лингвистической экспертизы. Исследователи концепции речевых актов подчеркивают различные аспекты, которые имеют значение в лингвистике.

Исследователи понятия речевых актов подчеркивали различные моменты, важные для лингвистики. Приведем, как пример, краткий перечень основных особенностей речевых актов (далее РА – автор), которые L. Hoffmann выделил с помощью различных лингвистических понятий.

1) В обычной справочной литературе условия для успешного использования РА установлены как режимы. Интрасентенциал - соответствующий компонент предложения, т.е. его перформативная часть;

2) РА рассматривается как рудиментарная языковая единица, представляющая собой совокупность языковых выражений, произнесённых носителем языка и воспринимаемых (а также интерпретируемых) хотя бы одним из других носителей данного языка;

3) РА может выступать как заключительный элемент в цепи других речевых актов. При этом степень универсальности РА варьируется: универсальные речевые акты отличаются от социально обусловленных. К первым относятся, например, высказывания, а ко вторым — речевые формы, имеющие культурно-специфическое значение (например, вопрос о рождении ребёнка, используемый в некоторых африканских племенах как форма приветствия);

4) Универсальность РА противопоставляется лингвистической специфике. Если язык как явление универсален, то конкретные языки обладают как универсальными, так и уникальными чертами выражения. Подобное соотношение универсального и специфического раскрывает новые аспекты в изучении языковых универсалий и межъязыковых различий;

5) РА может быть по своему объёму как больше, так и меньше отдельного предложения, что подчёркивает его независимость от синтаксической структуры и ориентацию на коммуникативную функцию;

6) РА представляет собой сочетание вербального и невербального поведения, то есть объединяет речевые и паралингвистические элементы, формирующие единый коммуникативный акт;

7) РА трактуется как поверхностная структура высказывания, не выводимая из глубинных грамматических моделей, а описываемая в рамках лингвистического анализа с учётом прагматического контекста;

8) **РА** обеспечивает разграничение текста и подтекста, поскольку в его структуре отражаются как эксплицитные, так и имплицитные значения высказывания;

9) В некоторых концепциях **РА** соотносится с понятием **«фрейма»** или **«рамки»**, применяемым в моделях речевой деятельности для описания когнитивных схем, структурирующих процесс коммуникации;

10) Основная функция **РА** заключается во **влиянии на мышление и интерпретацию адресата**. При этом характерной чертой речевых актов является их кооперативная природа, предполагающая сознательное и интеллектуальное взаимодействие участников коммуникации. Это, в свою очередь, позволяет рассматривать категории **языковой адекватности и приемлемости** на макроуровне, выходящем за пределы грамматики отдельного предложения;

11) **РА** включает в своё описание прагматический контекст и учитывает роли адресанта и адресата, действующих в рамках социокультурных норм и коммуникативных конвенций конкретного общества;

12) Буквальное значение текста само по себе не гарантирует полного понимания; вследствие этого приемлемость (acceptability) высказывания рассматривается как важный компонент языкового анализа.

13) **РА** связывают высказывания [Hoffmann 1998: 852–867].

В работе Д. Дэвидсона подчеркивается еще один важный момент: речевой акт — это не только логическая структура, но и логическая структура [Дэвидсон 1986: 9]. Иными словами, **прагматический и синтаксический подходы к речевым актам** тесно взаимосвязаны, что подтверждается существованием феномена так называемых *модальных речевых актов*. Следовательно, грамматическая теория, стремящаяся к целостному описанию языка, должна имплицитно включать в себя и положения **теории речевых актов**.

Ввиду того, что речевой акт — это разновидность действия, разбирать его удобно по тем же признакам, по которым описывают любую деятельность:

субъект, объект, цель, способ, средства, техника исполнения, результат, условия и степень успешности. Адресант здесь играет роль субъекта, инициирующего коммуникативное действие, адресат — того, кто высказывание принимает и истолковывает. Само высказывание работает в двух режимах сразу: оно одновременно и продукт речевого акта, и средство для достижения коммуникативной цели [Дэвидсон 1986: 10]. Удался речевой акт или нет, решают конкретные обстоятельства и условия его совершения. Если коммуникативное намерение реализовано — акт успешен; если нет — нет. Чтобы он сработал, ему нужно вписаться в прагматические и ситуативные нормы, иначе адресант рискует разрушить коммуникативную связь, и тогда наступает сбой или вовсе разрыв взаимодействия.

Условия, которые должны быть соблюдены для того, чтобы признать речевой акт целесообразным и успешным необходимо соблюдение определенной совокупности условий: когда мать произносит фразу "Садись и делай уроки!" своему сыну, она осуществляет конкретный речевой акт с целью побудить к выполнению указанного действия. Эффективность данной коммуникации зависит от следующих факторов:

- 1) Необходимость выполнения задания (оно еще не сделано).
- 2) Способность сына самостоятельно его выполнить.
- 3) Отсутствие обычной, привычно выполняемой без напоминаний обязанности.

Таким образом, речевые акты представляют собой весьма сложные явления. Для их изучения теория речевого акта предлагает три уровня, или, иначе говоря, аспекта, анализа. Прежде всего, речевые акты можно рассматривать как действия, выражающие какую-либо информацию. С этой точки зрения, они выступают как акты красноречия (от латинского *locutio*, что означает «говорить»). Речевые акты представляют собой сложные конструкции, так как требуют произнесения звуков (то есть самих речевых актов) и использования слов, а также их сочетания в соответствии с грамматическими правилами.

Отдельно рассматривая произносимое высказывание вне его коммуникативного окружения, фонетика сосредоточена на акустических характеристиках произнесения, лексикология охватывает спектр используемых слов, синтаксические нормы определяют структурирование предложений, тогда как семантический план раскрывает суть и значение высказывания. Однако, как правило, люди говорят не ради самого акта речи. Говоря (в латинском *locutio*), человек одновременно совершает действия, имеющие экстралингвистическую цель: спрашивает или отвечает, информирует, заверяет или предупреждает, кого-то на что-то назначает, кого-то критикует в чем-то. С точки зрения экстралингвистических целей речевые акты функционируют как речевые акты. Иными словами, обобщенные общие черты высказывания как средства совершения речевых действий называются иллокутивными функциями или речевыми функциями. И наконец, говоря, человек достигает определенного результата, вызывая определенное изменение в окружающей его действительности, и особенно в сознании собеседника. С точки зрения действительных последствий речевые акты функционируют как акты убеждения.

Главной особенностью речевого акта является его цель. Под этим подразумеваются не все цели, для достижения которых мы совершаем речевые действия, а лишь одна из целей, которую мы планируем донести до реципиента. Только такие когнитивно доступные цели называются невербальными. В принципе, это может противоречить истинной цели адресанта.

Некоторые речевые акты обладают особенностями, присущими сразу нескольким классам высказываний, образуя так называемые «смешанные типы». Высказывание репрезентативно, потому что описывает реальный случай, и одновременно экспрессивно, потому что выражает недовольство адресанта. К тому же оно директивно: цель жалобы не просто известить адресата, но и подтолкнуть его к действию. Внутри основных категорий речевые акты могут различаться по ряду дополнительных признаков.

Во-первых, важным аспектом является связь речевого акта с предшествующим текстом: и ответ, и утверждение могут быть составлены одинаково, но ответ предполагает ранее заданный вопрос.

Во-вторых, важен социальный статус участников общения, так как и **команда**, и **просьба** относятся к инструкциям, но под командой подразумевается, что адресант стоит выше адресата, тогда как просьба может исходить от кого угодно. Социальный статус коммуникантов определяет прагматические границы директивных речевых актов, трансформируя приказ в просьбу при обращении к лицу, находящемуся выше по иерархической лестнице.

Различия между поздравлениями и похвалами заключаются не только в эмоциональных чувствах радости или печали, но и в характере события и восприятии этого события. Событие, из-за которого адресант ощущает необходимость поздравить, воспринимается им как что-то благоприятное, в то время как повод для жалости ощущается как негативное событие. Каждое событие, воспринимаемое как празднование, относится к благословениям, а события, вызывающие жалость, ассоциируются с горестями. Кроме того, различаются степени интенсивности невербального выражения намерения, что также влияет на классификацию просьб и запросов, которые могут пересекаться с командами, но отличаются по этому параметру. Учитывая вышеуказанные аспекты, локутивная функция высказывания может аналитически рассматриваться как уникальный набор значений с указанными характеристиками. Эти значения могут быть представлены условиями, необходимыми для успешного завершения речевого акта. В теории речевых актов различаются разнообразные аспекты речевого действия, которые структурируются в соответствии с **четырьмя группами условий успешности**:

- 1) условия, относящиеся к пропозициональному содержанию;
- 2) подготовительные (предварительные);
- 3) условия искренности;

4) обязательные условия назначения.

Первая группа задаёт смысловые рамки высказывания и его соответствие контексту. Существенные условия отвечают за цель речевого акта — за ту коммуникативную интенцию, которую адресант намерен донести. Подготовительные условия (или условия готовности) фиксируют объективные и субъективные предпосылки, без которых задуманное не сработает: подходящие роли, статусы, обстоятельства. Условия искренности касаются внутреннего состояния адресанта и его отношения к содержанию адресата — на них держатся доверие, достоверность и серьёзность намерения. Получается, что подготовительные и искренностные условия вместе работают как особый, имплицитный пласт информации, передаваемой в речевом акте.

С учётом нарушения условие готовности обычно происходит явный коммуникативный сбой, тогда как нарушение условия искренности адресат, как правило, даже не замечает. Тем не менее подобное нарушение способно вызвать искажение смысла, подмену интенции или — в более крайних случаях — привести к **обнаружению неискренности или лжи**.

Поскольку **перформативная (или афатическая)** функция речевого акта напрямую связана с условиями его успешности, адресат способен распознать характер речевого действия даже при отсутствии формальных лингвистических индикаторов, указывающих на его иллокутивный тип. Например, если говорящий осознаёт своё положение начальника, а слушающий выступает его подчинённым, то коммуникативное взаимодействие выстраивается на иерархических отношениях, при которых адресант получает возможность регулировать как поведение адресата, так и сферу, к которой относится содержание высказывания. В подобном случае речевой акт приобретает авторитарный характер.

Аналогичная взаимосвязь между функцией высказывания и условиями его успешности проявляется и при интерпретации **косвенных речевых актов**, то есть таких, в которых коммуникативная цель выражается не напрямую, а посредством форм, внешне принадлежащих к другому типу высказываний.

При этом их речевые функции часто различаются. Например, вежливые просьбы, представленные в форме вопросов (Могу я занять эту книгу на еще одну неделю?), а также риторические вопросы являются примерами косвенных речевых актов. Упоминается, что косвенные речевые акты может восприниматься как проявление языковой полисемии. Мало того, эта функция требует большего, чем вежливость; Дж. Серл оспорил это мнение в своей статье «Акты косвенной речи» и объяснил механизм, с помощью которого намерение адресанта выражается косвенно [Searle 1975: 8].

Обращаясь к косвенным методам передачи своих невербальных намерений по различным причинам (например, из учтивости или для достижения более глубокого влияния на собеседника), адресант основывается не на своих личных знаниях, а только на языковых умениях партнера по общению. Это включает как формальные показатели языка, так и способность делать выводы, опираясь на различные аспекты невербального общения. Это знания о факторах, способствующих успешности речевых действий, принципах взаимодействия и, в конечном итоге, об окружающей реальности. Поэтому вопросительное предложение «Не могли бы вы одолжить мне эту книгу еще на неделю?» обычно используется по прямому назначению. Выполнение им действия является необходимой предпосылкой успеха языкового акта допроса, такими вопросами адресант действительно выражает именно соответствующую просьбу.

N. Ivanetić показал, что применение теории речевых актов к анализу текста имеет свои особенности. Например, иллокутивный акт преимущественно служит точкой входа в исследование текста, поскольку именно он задаёт коммуникативное намерение высказывания; на текстовом уровне такое намерение принято называть текстовой функцией [Ivanetić 2003: 102].

Интегративные модели анализа обычно объединяют прежние подходы — системный, семантический и прагматический — и направлены на разбор тематической структуры текста и текстового жанра.

Широкое признание получила модель К. Бринкера [Brinker 1997: 73]. Она опирается на критерии, которые одновременно используются и для разграничения текстовых жанров: критерий функции, критерий контекста (его задаёт коммуникативная форма, основанная на конкретном медиа, плюс сфера — частная, официальная, государственная) и структурный критерий, в рамках которого различают тип темы (временная и пространственная ориентация) и способ её развёртывания (описательный, экспликативный, повествовательный или аргументативный). По Бринкеру, тексты (тексты-жанры) разбираются на трёх уровнях.

Первый — коммуникативно-прагматический. Здесь в фокусе текстовая функция и характеристики высказывания: форма коммуникации (тип носителя, СМИ, канал — отсюда различие разговора, телефонного звонка, теле- или радиопрограммы, письма, газетной статьи, флаера, рекламы, плаката, книги, e-mail, SMS-сообщения и пр.) и поле высказывания. Каждый канал привносит свои особенности, формирующие текст. К. Бринкер и др. [Brinker и др. 2014: 85] оговариваются, что границы этих форм не жёсткие и поэтому удобнее анализировать тексты через жанры и формы общения. Под полем высказывания понимаются конкретные социальные сферы со своими нормами и ценностями — частная, официальная, публичная.

Второй уровень — тематический. Он связан с контекстом высказывания, который во многом определяет структуру текста. Речь идёт о структуре содержания: значимый сегмент анализируется и помогает раскрыть общий смысл текста. Главные параметры здесь — тема текста и шаблоны тем высказывания. Темой текста выступает совокупность тем отдельных его частей, выстроенных в иерархию: чтобы текст был понят как целое, темы частей оцениваются по значимости, а связи между ними считываются по тематической схеме — по тому, как тема разворачивается.

Известные в настоящее время методы разработки тем носят описательный, эксплицитный и аргументирующий характер. На этом уровне анализа важное значение имеет также отношение адресанта к теме текста. Это

отношение, или отношение адресанта, может быть, например, оценочным, и здесь принято различать положительные и отрицательные оценки заявления. Этот сегмент отношения адресанта способен модифицировать текстовую функцию.

На третьем или стилистическом уровне наблюдаются синтаксически-семантические отношения текста. К таким отношениям относятся повторение и повторное употребление языковых единиц в идущих друг за другом предложениях, гипонимические связи, которые могут быть как явными (через грамматические средства, союзы), так и неявными (через семантические и когнитивные механизмы). Затем рассматриваются лексико-семантические и стилистические особенности связности текста — изотопные уровни, а также социолектные и диалектные вариации стиля [Brinker и др. 2014: 39]. Интегральная аналитическая модель самой Хайнеманом [Heinemann и др. 1991: 199] построена по нескольким измерениям и работает как инструмент классификации текстов сразу по ряду критериев. Она включает интерактивный фреймворк (определение текстового жанра, типа коммуникации, способа построения текста, области и носителя, а также текстовой функции — выразительной, конъюнктивной, информативной или директивной) и новый компонент, добавленный самим Хайнеманом, — эстетическую функцию текста.

Помимо этого, авторы разграничивают глобальный ориентационный компонент (включающий макроструктурирование текста, тему, разработку темы, сегментацию текста, тематические разделы и т. д.) и второй компонент — описание локальных единиц, таких как парафразы для семантического содержания, актуальные и лексические единицы, синтаксические структуры, согласованность и интертекстуальность.

Заключительным компонентом выступает комплексная характеристика и оценка текста с точки зрения его функции и коммуникационных результатов, жанровых условностей, способа тематического развития и стилистической адекватности.

1.1.2. Категория текстуальности и её характеристика

Де Богранд и В. Дресслер [Beaugrande и др. 1981: 94] установили семь основных критериев идентификации текста:

а) Первым критерием является когезия, то есть грамматические и синтаксические отношения, обеспечивающие связь между различными частями текста.

М. А. Шиллинг определяет когезию как синтаксические связи слов в синтагматические группы [Schilling 2000: 9]. Н. Иванетич утверждает, что «...когерентность включает в себя отношения, связывающие компоненты структуры поверхностного текста грамматическими формами (...) и относится к формальным связующим инструментам» [Ivanetić 2000: 7]. Когезивные средства преимущественно представляют собой явные и неявные повторения фраз, реализуемые в виде повторений или воспроизведения одного и того же высказывания в новых предложениях, замен или повторений с использованием семантически связанных высказываний, прономинирования или повторения через содержание служебных слов — например, личных, указательных или притяжательных местоимений, наречий, — а также параллелизма или повторения структуры, эллипсиса или опущения структуры, метакоммуникации, времени и аспекта, а также коннекторов. Связность в тексте устанавливается посредством явного повторения высказывания или повтора, лексического замещения (синонимы, гиперонимы, парафразы и местоимения), имплицитного повторения высказываний, не имеющих идентичной референции, но семантически близких, а также через коннекторы.

б) Вторым критерием текстуальности выступает связность, то есть текстовая семантика. Это зависимость понятий и отношений в текстовом мире, иными словами — логические и семантические связи между предложениями в тексте, формирующиеся в результате когнитивных процессов пользователя [Ivanetić 2003: 10]. Эти отношения раскрываются через связующие средства, изотопию, выбор общей темы, временные связи на лексическом и морфологическом уровне, а также фоновые знания о мире. Текст здесь

воспринимается как целое — он живёт в контексте, и именно контекст помогает понять и истолковать его смысл. Развивая идеи де Богранда и В. Дресслера, Н. Иванетич предлагает понимать контекст как совокупность различных типов знаний: фоновых, знаний о стереотипных действиях и событиях (так называемых сценах), а также причинно-следственных и временных связей. Конкретные коммуникативные намерения нельзя передать одними лишь языковыми средствами: их необходимо интерпретировать на концептуальном уровне восприятия текста — то есть смысл должен быть содержательно или последовательно выстроен. Согласованность — это именно то, что отличает тексты от простой серии собранных вместе предложений. Когерентные отношения устанавливаются связными связями посредством местоимений и других функциональных слов или повторений номинальных фраз. Семантические связи между различными лексемами или изотопия, тема текста, предположения, различные типы связующих элементов поверхностной и глубинной структур играют важную роль, однако подлинная согласованность устанавливается на концептуальном уровне. Это отражает намерение построить текст связно для достижения определённой коммуникативной цели.

в) Интенциональность в узком смысле включает иллокутивный акт, направленный на создание связного и последовательного текста и его принятие.

г) Критерий **приемлемости** включает принятие адресатом связного текста как соответствующей единицы коммуникации.

д) Критерий **ситуативности** включает в себя наблюдение за экстралингвистическим контекстом и оценку жесткости текста по отношению к экстралингвистическому контексту. Ситуативность включает все элементы текста, которые определяют релевантность текста в данной ситуации общения.

е) Интертекстуальность, или связь с другими текстами, признаёт зависимость текста от ранее подготовленных текстов и относится к взаимозависимости между порождением и восприятием текста с учётом

знаний участников коммуникации о других текстах. Н. Иванетич утверждает, что критерий текстуальности может помочь определить текстовые жанры как классы текстов с типичными особенностями, поскольку каждый текстовый жанр включает повторения из предшествующих текстов того же жанра — явление, известное в литературе как типологическая интертекстуальность [Ivanetić 2003: 12].

ё) Де Богранд и В. Дресслер предлагают добавить к существующим стандартам стандарт эффективности. Эффективность описывается как минимальные усилия по созданию адекватных условий для достижения цели, а также уместность или соответствие текста стандартам, на которых он основан [Beaugrande и др. 1981: 61].

Помимо упомянутых критериев, такие авторы, как Г. Хельбиг [Helbig 1986] и Х. Файльке [Feilke 2000: 64], подчёркивают необходимость признания следующих критериев: сложность, тематическое единство, целостность, коммуникативность (тексты обладают признанной коммуникативной функцией), генеративность (способность адресанта создавать неограниченное количество новых текстов), универсальность (универсальные коммуникативные навыки и традиции), контекстуальность (контекстуально определяемые нормы порождения текста, знание текстовых и контекстных связей как часть коммуникативной компетенции), процессуальность (процесс построения текста), интенциональность (языковые сущности рассматриваются как формы общественной деятельности, а текст — как реализация функции) и диалогизм (каждая форма общения, включая текст, по сути, является диалогом).

С развитием текстовых исследований были введены новые критерии текстуальности. М. Хайнеман и В. Хайнеман добавили стандарт дискурсивности, признающий участие каждого текста в коммуникации с другими текстами, то есть формирование сети связей между текстами [Heinemann и др. 2002: 108]. Д. Шиффрин также упоминает, «стандарт декларативности при определении текстуальности, включающий как

адресанта, так и адресата, поскольку именно они принимают решение о границах текста или дискурса» [Schiffrin 1994: 11].

У. Фикс рассматривает стандарт культуры в качестве одного из значимых критериев, поскольку, по мнению автора, не существует текста, который не был бы маркирован культурой адресанта или адресата при его порождении или восприятии, ведь любой текст помещён в определённую социальную среду и ситуацию [Fix 1998: 15].

Таким образом, если рассматривать текст как совокупность всех коммуникативных элементов, которые в конкретной ситуации общения образуют когерентную сущность и, следовательно, сигнализируют о конкретной функции связи [Schröder 1991: 195].

Мы рассматриваем текст, вслед за В. Sandig, как коммуникационную единицу с фиксированной лингвистикой, владеющей морфологическими и графетическими особенностями, темой, и содержащей несколько когнитивно связанных элементов предложения, которые выполняют социальные, культурные и коммуникационные функции [Sandig 2006: 300].

В исследованиях языкового значения высказываний и текстов в целом большое внимание уделяется понятию «интенциональность», или намерения. Существует связь между языковым значением и целями адресанта, а также коммуникативными целями речевой и мыслительной деятельности. В области грамматического значения имманентность проявляется в семантической реализации временного значения в высказываниях, включая отношения между временами:

англ.: I have worked here, I am working and I will continue to work;

русс: Я работал здесь, работаю и буду работать;

тадж.: Ман дар ин ҷо кор мекардам, кор мекунам и кор хоҳам кард.

Исследователи указывают на цель высказывания, то есть на то, что адресант хочет выразить, в связи с такими категориями как время (в более широком смысле – темпоральность), аспект, другие средства выражения и сущности. А именно:

1) цель адресанта в речевом акте, внутренняя активность адресанта, коммуникативная цель, т.е. актуальность того, что адресант выразить в определенных условиях общения - как аспект «внутренней реальности»;

2) семантическая информация отдельных элементов текста характер, т.е. возможность того, что данное языковое значение является одним из компонентов передаваемого и воспринимаемого смысла.

Интерпретация намерений автора основывается исключительно на имманентных характеристиках текста, отражающих его замысел. Нагрузку, однако при чтении можно достичь лишь определенных последствий. В этом контексте понятность выступает в роли семантической функции того или иного языкового инструмента. Когда и в каком виде оно представлено, а также с какой целью осуществляется? Какие мысли хочет озвучить автор? И каким образом он намерен это сделать? В лингвистическом контексте интенциональность включает в себя два аспекта: «активный» и «результативный». В рамках этих категорий смысл можно рассматривать как умственную и речевую активность, а также как процесс и итог (в значении устной речи – «завершенная речь» и как письменная речь – «готовое письмо»).

Понятие системы также тесно связано с понятием среды. Система представляет собой совокупность элементов, которые формируют определенную целостность, при этом сохраняя связи и отношения между собой, что позволяет выражать и формировать все характеристики во взаимодействии с окружающей средой. Необъяснимый концепт представляет собой систему единиц, классов и категорий, которые проявляются в дискурсе. Среда по отношению к языковой единице, ее категориям и группам может быть понята как первичная система многих языковых элементов (иногда включающая экстралингвистические элементы). В грамматических категориях роль среды выполняют контекстуальные факторы и речевые ситуации. Понятие среды используется как в лингвистике (в целом), так и в лингвистике текста. Окружение, относящееся к отдельным высказываниям, включает в себя все элементы артикуляционной среды и все элементы речи, которые

взаимодействуют с первичной артикуляционной системой и влияют на ее свойства. Понятие языковой среды также применимо к произношению и включает в себя элементы более широкого контекстуального отрывка и всего текста, который с ним взаимодействует. Это элементы проксимального и дистального окружения с постепенным переходом от одного к другому. Нелингвистическая среда, или невербальная среда, включает в себя все, что сопровождает текст и взаимодействует с языковым содержанием текста в процессе текстообразования, восприятия и осмысления текста.

В частности, невербальная обстановка охватывает определённые социальные аспекты, такие как статус адресанта и его предполагаемого адресата, стили изложения, разные формы презентаций, интервью, политические высказывания, публицистическую, философскую и научную литературу, а также мнения и установки участников общения, основные знания, политическую атмосферу, культуру создания и восприятия текста и так далее. Структура текста может формироваться на основе единства языкового содержания и формы. В этом контексте носителем информации выступает «текстовая ситуация», соединяющаяся с социальными и социально-психологическими факторами, которые её определяют. В общем, все это принимается во внимание в речевой среде в теории текстового дискурса, рассматриваемой через призму концепции взаимодействия системы и среды. Именно такой подход к анализу темы позволил достичь определённых результатов в развитии системных принципов в области лингвистики текста. Специфические вариации категориальной ситуации (особенно аспектуальной, временной и индивидуальной) участвуют в формировании семантической структуры текста в целом. Функциональная направленность высказывания – это нарратив, определяющий вероятностную закономерность выделения категориальных признаков отдельных высказываний, в конечном счете, выделение настроения, временных рамок, конкретного лица и т.д. Текстовая категориальная доминанта формулируется как фактуальная или императивная доминанта, нарративная временная плоскость или абстрактная плоскость

настоящего времени, доминанта первого лица или доминанта третьего лица и т.д. Компетенция – это латентная рассматриваемая единица языковой системы, а результативность – процесс и результат взаимодействия этой единицы с факторами среды, проявляющийся в высказывании и тексте в целом.

Потенциальный аспект – это семантическая функция высказывания, то есть тот потенциал, который существует при создании программы высказывания и при формировании высказывания или текста в целом. Потенциальное назначение высказывания обуславливает выбор соответствующих средств и определенные тенденции в его деятельности в процессе его формирования. Задачей функциональной грамматики является изучение и описание системы семантических категорий в языковых выражениях. Одним из основных направлений исследования является рассмотрение категорий речевой реализации в их взаимосвязи с особенностями категорий речевой реализации. Это характеристики темпоральности, временной локализации и модальности, лица, длительности и временного аспекта, а также характеристики речевого аспекта, аспектуальной ситуации и ситуации временной локализации/нелокализации. Такие выражения, как «темпоральный текстовый блок» и «ключ темпоральной локализации», используются по отношению к различным типам высказываний. Существуют высказывания и речевые модели, характеризующиеся определенными «ключами идентичности». В прототипических выражениях есть определенные семантические категории, которые появляются в определенных типах высказываний. Это категория временного порядка. Темпоральный порядок понимается в науке как языковая репрезентация «времени в событиях», отраженная в высказываниях и в целом тексте. ср.:

Англ.: the next day, five minutes later etc.:

Русс.: на следующий день, через пять минут и т.д.:

Тадж.: рузи дигар, баъд аз панҷ дақиқа и др.

Термин «**дискурс**» – это обобщающий термин, объединяющий все виды использования языка. Несмотря на то, что термин «дискурс» стал общеупотребительным, до сих пор не существует четкого, универсального определения, которое могло бы охватить все виды его использования: в 1999 году был опубликован сборник русскоязычных работ по дискурс-анализу во французском стиле. В нем П. Серио перечисляет восемь различных интерпретаций термина во французской традиции [Серио 2001: 126].

Неоднозначность термина может проявляться в наличии двух вариантов ударения. В современной лингвистике "дискурс" часто понимается как нечто близкое к "тексту", но с важным отличием: текст рассматривается как статичный результат, а дискурс – как динамический процесс. Многие лингвисты подчеркивают, что дискурс включает в себя не только текст, но и социальный контекст, в котором он создается и интерпретируется. Поэтому замена термина "дискурс" на "связный текст" считается некорректной. Дискурс, подобно диалогу, предполагает активное взаимодействие между адресантом и адресатом, которые могут меняться ролями в процессе коммуникации. Если же роль адресанта остается неизменной, то возникает монолог. Монолог также требует наличия адресата. По сути, монолог – это частный случай диалогов, тогда как диалоги и традиционные монологи – прямо противоположные понятия.

Структура речи предполагает существование двух принципиально противоположных ролей – адресанта и адресата, и сам процесс языковой коммуникации может быть рассмотрен с этих двух позиций. Моделирование процесса построения (формирования, синтеза) дискурса отличается от моделирования процесса понимания (анализа) дискурса. В исследовании дискурса одна группа изучает построение дискурса (например, выбор лексических единиц для наименования объектов), а другая – понимание дискурса слушателями (например, вопросы о том, как слушатели понимают лексические единицы, такие как опущенные слова) и местоимения, и ассоциируют их с конкретными объектами). выделяются из двух других групп.

Третья перспектива в изучении языковой коммуникации сосредотачивается на тексте, порожденном в процессе дискурса. Дискурс, являясь объектом междисциплинарного анализа, рассматривается как единица языка, отражающая связь между поведением человека и его окружением. Дискурс держится на двух ключевых сторонах: содержательной (лексика, эмоциональная окраска) и поведенческой (невербальные средства — мимика, жесты). Изучение дискурса даёт возможность анализировать те уникальные коммуникативные ситуации, которые складываются между адресантом и адресатом или внутри письменного текста. Взаимодействие автора и аудитории тоже имеет свою специфику, и она хорошо видна, когда мы разбираем внутреннюю структуру дискурса как особой человеческой деятельности. Текст — это непрерывное продолжение языка, тогда как дискурс — единица действия со своей внутренней структурой. Понимание текста сродни тому, как мы воспринимаем увиденное глазами, пропускаем через «внутренний» голос и заново его проговариваем.

Дискурс, таким образом, — это сложный, разворачивающийся во времени речевой акт, который определяется и объективными условиями коммуникации, и субъективным восприятием участников в конкретной ситуации. То есть, это не просто речь, а динамичный процесс, разворачивающийся в конкретной ситуации и зависящий от множества факторов, как объективных (место, время), так и субъективных (восприятие участников). В отличие от текста, дискурс, наряду с текстом, характеризуется жанровым разнообразием и различными способами реализации, что порождает дискуссии в лингвистике. Речь и дискурс подчеркивают роль языка как гибкого и спонтанного инструмента социального взаимодействия. Речь и дискурс демонстрируют четко, что язык — это живой и спонтанный инструмент общения, а не просто набор правил. Как важнейший механизм коммуникации, речь уникальна, она состоит из взаимодействия, адресанта и адресата, всегда направлена на достижение цели и отражает интересы участников коммуникативного акта. Речь и текст взаимосвязаны и не могут

рассматриваться как единое понятие или, наоборот, отдельно. Определение структуры речи требует изучения большого количества текстовых источников. Это связано с тем, что изучение отдельных текстовых характеристик не позволяет выявить все особенности речи. Характеристика структуры и содержания речи и текстов связана также с их стилистическим разнообразием. На этой основе можно выявить различия между структурой и содержанием речи и текста. Основное различие между текстом и речью заключается в способе реализации языковой функции, которая состоит из языкового и многокодового характера, имеющего переходный характер от одной формы к другой.

Дискурс охватывает не всю речь в принципе, а только конкретные речевые ситуации, акты и виды деятельности, в которых участники общаются на определённую тему. Если речь — категория более абстрактная, то дискурс фактологичен: он связан с конкретными обстоятельствами и описывает определённые речевые явления и коммуникативные процессы со всеми их культурными и социальными особенностями. Есть и ещё одно важное различие: при анализе дискурса в фокус попадает авторство, тогда как в речи любое произведение служит просто материалом для изучения речевых и мыслительных процессов. Получается, что высказывания в конкретных временных и пространственных условиях — это и есть речевые акты, или дискурс. Дискурс можно воспринимать как процесс воплощения индивидуальной модели восприятия мира и его взаимодействия с конкретным собеседником в конкретной коммуникативной ситуации. В последние годы когнитивные установки в лингвистической науке изменились, и преобладает мнение, что все языковые явления могут быть полностью поняты и описаны на основе рассмотрения употребления и его дискурсивных аспектов. Исходя из этого, дискурс-анализ стал одним из центральных разделов лингвистики. Подобно тому, как морфемы, слова и предложения подчиняются грамматическим правилам, речь также структурирована в соответствии с языковыми нормами, специфичными для каждого языка. Эти правила и

ограничения часто выявляются путем анализа нарушений в речи, например, в экспериментальных исследованиях. Дискурс-анализ, как отдельная область исследований, берет свои корни в двух основных направлениях:

1. **Этнолингвистика:** Эта традиция, ярким представителем которой является американская школа Франца Боаса, занималась сбором и изучением устных текстов на различных языках [Боас 1997: 343–345].

2. **Чешская лингвистическая школа:** Основанная Вилемом Матезиусом, эта школа вновь обратила внимание на такие аспекты текста, как тема и организация коммуникации [Methfessel 2013: 29].

Термин "дискурс-анализ" впервые появился в работах Зеллига Харриса в 1952 году [Harris 1952: 1-30]. Становление дискурс-анализа как самостоятельной дисциплины связано с работами европейских лингвистов, таких как Т. ван Дейк, В. Дресслер и Дж. Петефи, а также с американскими исследованиями, которые интегрировали анализ дискурса с традиционными лингвистическими темами, представленными работами В. Лабова, Дж. Граймса, Р. Лонгакра, Т. Гивона и В. Чейфа. Более подробно эта тема была разработана в синтезирующих работах, справочных работах и учебных материалах, таких как «Дискурсивный анализ» [Brown 1983], «Структуры социального действия: исследования по анализу бытового диалога», «Четырехтомный справочник по дискурсивному анализу» [Dijk 1985], «Транскрипция дискурса» [Diewald 1991], «Подходы к дискурсу» [Schiffrin 1994], «Дискурс, сознание и время» [Chafe], двухтомный труд «Дискурсивные исследования: Междисциплинарное введение» [Dijk].

Что касается определений словосочетаний, данных в классических трудах по русскому языкознанию, то предпринимаются попытки отразить многоаспектность словосочетаний или положить их семантику в основу. Создание единого метода описания и установление основных принципов сопоставления различных языковых систем давно интересовало лингвистов и до сих пор остается одной из важнейших задач лингвистической типологии. В области методов сопоставительного исследования достигнуты определенные

успехи в разработке методов определения общих признаков языковых единиц разных уровней, в определении принципов сопоставительного описания значимых языковых единиц и в установлении параметров. При систематической классификации языков единый универсальный метод сравнительного описания структуры всех языков пока не найден. Одним из направлений лингвистических исследований в научных и практических целях является сопоставительно-морфологическое изучение языков, принадлежащих к различным системам.

Сравнительные исследования таджикского и других языков начались давно, и продолжаются по сей день. В них заложены основы сравнительных научных исследований, обозначены проблемы исследований, определены многоаспектные задачи и цели, обозначены методы работы и др. Но с развитием жизни, техники и технологии, новых видов коммуникации в повседневной жизни всё еще есть нерешенные проблемы в сопоставительной лингвистике таджикского языка. И поэтому разработка новых теорий дискурса, использование различных лексико-семантических средств связи в организации текста о различных жанрах требует детального анализа, что и стоит в центре исследования нашей работы. Проблема выделения типов текстов оказывается актуальной не только сама по себе, но и потому, что она ставит вопрос о различии языковой способности и коммуникативной способности [Гвенцадзе 1986: 60].

Лингвистическая компетентность означает способность строить и понимать грамматически правильные предложения. Коммуникативная компетентность – это способность понимать и правильно конструировать разные виды текстов с учетом специфики конкретной речевой ситуации.

1.1.3. Текстовые жанры и их функционально-коммуникативные особенности. Классификации текстовых жанров в лингвистических исследованиях

Н. Иванетич утверждает, что текст – это просто теоретическая конструкция, которая организована на основе жанровой модели и только как таковая является доступной для восприятия [Ivanetić 2003: 6].

К. Бринкер и его последователи рассматривают текстовые жанры как стандартные шаблоны сложных языковых действий, которые сопровождаются характерными ситуационными, функциональными и структурными (грамматическими и тематическими) характеристиками [Brinker и др. 2014: 45]. Эти жанры представляют собой часть общих знаний о мире и лингвистических системах и влияют на нормы и стандарты, отвечающие потребностям в коммуникации. Жанры облегчают общение и взаимодействие в сообществе, помогая участникам ориентироваться при создании и восприятии текстов.

Близкой позиции придерживается В. Хайнеманн, но он смещает акцент на когнитивную сторону вопроса и трактует жанры как языковые проявления когнитивных моделей, которые на практике доказали свою эффективность при решении тех или иных интерактивных задач [Heinemann 2000: 523–546].

Н. Иванетич, в свою очередь, видит в текстовых жанрах элементы, которые связывают воедино когнитивный, коммуникативный и структурный планы и существуют как форма социальной практики. Одновременно жанры помогают участникам общения сориентироваться в реальных коммуникативных ситуациях. Любопытно, что Н. Иванетич отдаёт первенство именно когнитивным аспектам: они, по её мнению, ставят под вопрос границы текста и его целостность — что, кстати, подтверждается результатами когнитивной науки, давшими толчок дискуссиям о «распаде» текста [Ivanetić 2003: 14].

Исследуя жанры, опираясь на критерии текстуальности, Н. Иванетич интерпретирует статус маргинальных текстовых жанров через призму теории прототипов. Согласно этой теории, все когнитивные категории включают в себя свои наиболее типичные элементы, или прототипы. Остальные представители категории не обязаны соответствовать всем характеристикам

прототипа, так как членство в категории имеет шкалярный характер: границы прототипов могут быть размытыми. Это свойство может объяснять неопределенные границы текстовых жанров. Он предполагает, что помимо прототипов текстов, которые составляют центр жанровой категории и соответствуют большинству критериям текстуальности, существуют и другие необычные конструкции, имеющие лишь минимальное соответствие стандартам текстуальности, такие как тексты жанров, плохо сочетающиеся с прототипом (например, тексты, представляющие собой всего одно предложение и не удовлетворяющие ряду стандартов текстуальности). Кроме всех вышеперечисленных критериев, функция текста также играет роль в определении его жанра и классификации текста как конкретного типа. Каждый текст обладает своей уникальной функцией.

Согласно De Beaugrande & Dressler, текстовая функция способствует интерактивному процессу, и многие лингвисты (Rolf 1993; Heinemann 2000; Brinker et al. 2014) считают, что функция текста идентична с намерением и целью адресанта [Beaugrande и др. 1981: 182].

Основываясь на теории речевых актов, К. Бринкер и др. дают классификацию текстовых функций и выделяют пять основных функций текста [Brinker и др. 2014: 101]:

1. Информационная функция: Адресант передает конкретное содержание, информацию или знания адресату.
2. Аппеляционная функция: Адресант текста использует текст, чтобы побудить адресата высказать свое мнение, выполнить действие, движение и т.д. По нашему мнению, данная функция идентична с прагматической функцией текста.
3. Функция обязательства. Адресант считает себя обязанным что-то сделать.
4. Функция контакта. Адресант подтверждает адресату, что текст касается личных отношений и контактов с адресатом.

5. Декларативная функция. Адресант информирует адресату о том, что его сообщение или текст изменяет реальность, т.е. состояние дел, или что текст представляет собой введение в институциональную ситуацию или процесс.

Э. Рольф рассматривает создание текста как интерактивный процесс, в котором важны как намерения автора, так и восприятие читателя. Его классификация текстовых функций, основанная на уровнях Серла, позволяет выделить напористые, директивные, коммиссивные, выразительные и декларативные функции. Поскольку текст редко выполняет только одну функцию, а жанр определяется комбинацией функций, где одна доминирует, К. Бринкер и др. предлагают использовать индикаторы, аналогичные тем, что применяются в теории речевых актов, для выявления этой доминирующей функции [Brinker и др. 2014: 92]. Они охватывают традиционные лингвистические и грамматические средства, указывающие на конкретный тип языкового высказывания. Подобные показатели могут проявляться в виде эксплицитной декларации, типов предложений, модальных частиц и слов, а также так называемого рекомендательного содержания [Brinker и др. 2014: 94].

Помимо собственно текста, на понимание сообщения сильно влияет обстановка, в которой происходит общение. Эта обстановка включает в себя: кто говорит (адресант), кто слушает (адресат), где и когда происходит общение, а также общие правила и нормы, принятые в данной ситуации. Иногда именно контекст определяет, что именно означает текст, делая его важнее, чем отдельные слова и фразы.

К. Бринкер и другие исследователи говорят о двух типах показателей, влияющих на понимание текста:

- **текстовые показатели** — то, что встроено в сам текст: грамматика (определённые слова и конструкции), структура (как организованы темы и подтемы), стилистические приёмы;

- **нетекстовые показатели** — элементы как языковые (графики, таблицы), так и неязыковые (например, визуальное оформление).

В отличие от текстовых, контекстные показатели подсказывают, к какому жанру относится текст, — выделяют те признаки, по которым его можно отнести к определённому типу. Газетную статью, например, обычно сразу выдают крупные заголовки, набранные жирным шрифтом.

Учёные, что стояли у истоков Мэри Дж. Роуз и С. Роуз, считали, что реклама как средство передачи сообщений общественности не сводится к продвижению продуктов и услуг. В рекламных текстах одновременно «упакованы» культурные предпосылки, социальные ценности и убеждения. Через рекламу проступают и отношения между полами, между молодыми и старшими, любовные сценарии, корпоративная этика и многое другое [Rouse и др. 2005: 200]. Главная её работа — формировать культурное и когнитивное восприятие продукта, то есть, по сути, создавать бренд.

Среди текстовых, или жанровых, индикаторов разделяют стилистически маркированные (скажем, фигуры речи и другие языковые единицы, которые в определённых контекстах становятся стилистически выраженными) и стилистически нейтральные индикаторы текстовых функций.

Стилистические особенности текста часто указывают на его функцию, особенно когда важна позиция автора и то, как текст воспринимается. Эти указания на функцию текста могут быть как очевидными, так и скрытыми. Сначала определяется функция текста, а затем жанр, который указывает на определённую информационную цель. К. Бринкер и другие исследователи выделяют два способа указания на функцию текста:

- **Прямое указание:** Функция текста явно выражена с помощью конкретных языковых средств (так называемых "базовых показателей"). В этом случае стилистические, тематические и контекстуальные особенности текста полностью соответствуют и подстраиваются под эти базовые показатели.

- **Непрямое указание:** Функция текста не выражена явно, то есть отсутствуют "базовые показатели". В этом случае функция текста определяется исходя из контекста.

Klaus Brinker в частности, описывает, как любая функция текста может быть выражена косвенно, существуют определенные ограничения для некоторых жанров. Например, в рекламе функция текста обычно выражается косвенно, в то время как для "инструкций по использованию" такой подход не подходит, и прямая сигнализация лучше соответствует информационной функции текста [Brinker 2014: 133–175.].

В теории классификации текстовых жанров некоторые лингвисты различают текстовые жанры и текстовые классы, например, Heinemann & Viehweger [Heinemann и др. 1991: 144], в то время как другие также проводят различие между жанрами и типами текста (например, Н. Isenberg [Isenberg 1983]; К. Adamzik [Adamzik 2000]). Поэтому в настоящем разделе будут разъяснены различия между этими терминами.

Тип текста представляет собой письменную реализацию устной речи [Franke 1987: 257–281]. Он служит инструментом для систематизации, классификации и структурирования текстовой информации. Большинство исследователей рассматривают "тип" как способ упорядочения и стандартизации разнообразных форм коммуникации, представленных текстовыми жанрами. "Тип" формирует основу для понимания определенной области знаний и помогает определить роль текстового жанра в этой области [Havelka 1990: 580].

В научной литературе сложно найти четкое разграничение между типологией и классификацией текстов, хотя предпринимаются попытки в этом направлении. Э. Гроссе, с лингвистической точки зрения, определяет тип текста как произвольно выделенную группу текстов, используя этот термин как синоним текстового класса, вне зависимости от его места в иерархии [Große 1974: 185].

Типы текстов также рассматриваются как идеальные модели структуры текста, своего рода схемы, связанные с основными способами выражения мысли в языке: повествованием, описанием, изложением, аргументацией и инструкцией. Иногда термин "тип текста" используется для обозначения

текстовых классов на более низком уровне иерархии, что фактически приравнивает его к текстовому жанру. Однако, типы текста также могут рассматриваться как текстовые классы, находящиеся на одном иерархическом уровне с текстовыми жанрами [Heinemann 2000: 520].

Основное различие между текстовым жанром и типом текста заключается в уровне их абстракции, где тип текста представляет более высокий уровень абстракции, а текстовый жанр – более низкий уровень абстракции.

Текстовые жанры также интерпретируются как прототипные примеры конкретного контекста в широком смысле, а также как прототипы представителей конкретной коммуникационной функции. Поэтому М. Хайнеманн считает, что текстовые жанры являются целостно связанными и зависимыми сущностями, характеристики и компоненты которых относятся к текстовым классам на более низком уровне абстракции. Текстовые жанры следует рассматривать не как статичные и изолированные образования, а как динамичные системы, подверженные влиянию актуальных коммуникативных и когнитивных задач.

Разнообразие жанров проявляется в их охвате, частоте использования, степени стандартизации, содержательном наполнении, тематической направленности и структурной организации. Ввиду разнородности подходов к классификации и выявленных несоответствий в каждой из них, в настоящее время существует множество классификационных схем, из которых в рамках данной работы будут рассмотрены лишь наиболее общепринятые.

Рассматривая попытки классификации текстовых жанров по истории, можно сказать, что классификации делятся на следующие модели [Heinemann 2000: 523]:

- I. Классификации, основанные на традиционных и эмпирических моделях;
- II. Классификации, полученные на основе моделей последовательности и содержания;

III. Классификации из прагматического аспекта, следуя ситуационным и функциональным моделям;

IV. Классификации на основе многоуровневых моделей.

Классификации, опирающиеся на традиционные и эмпирические модели, разработанные в 1970-е годы, ставят целью изучения текстовых жанров распознавание конкретных лингвистических и грамматических показателей, а также грамматически подтверждённых связей между основными текстовыми элементами. Подобная классификация базируется на наличии или отсутствии конкретных языковых сигналов и их сочетаний в том или ином жанре; однако она не способна обеспечить решение проблемы согласованности.

При рассмотрении классификаций, основанных на моделях последовательности и содержания, видно, что они учитывают не только поверхностные сигналы и их связи, но и сложные лингвистические структуры с их значением. Э. Верлих [Werlich 1975: 39] классифицирует текстовые жанры в соответствии с этими моделями и анализирует отношения в последовательности текстовых составляющих при формировании большой группы предложений или текста, уделяя особое внимание правилам, действующим при объединении предложений в текстовые единицы. Таким образом, в сложных текстовых единицах каждый тип текста, то есть текстовый жанр, характеризуется определённой последовательностью (Э. Верлих говорит о типах текста и не использует термин «текстовый жанр»). Он стремится идентифицировать характерные формы, указывающие на секвенирование, такие как инициаторы последовательности, сигналы и терминаторы последовательности. Эти формы располагаются в определённом контексте, что и позволяет распознавать различные типы текста.

При обсуждении классификаций текстовых жанров, основанных на секвенировании и моделях контента, следует также упомянуть ван Дейка [Dijk 1980: 72]. Однако его модель надстроек, представляющих тему текста, то есть макроструктурированный текст и текстовое содержание, была подробно описана в работах нескольких авторов [Brinker 2002: 37]. Согласно ван Дейку,

такие надстройки соответствуют схеме, задающей глобальный порядок в тексте [Dijk 1980: 126].

Классификации, основанные на моделях секвенирования, не способны декодировать надстройки всех текстовых жанров. В то время как ситуационные и функциональные модели, основанные на теориях коммуникации Бюлера, Леонтьева и Серла, являются основой для классификации текстовых жанров, М. Димтер подчеркивал важность учета содержания и семантики. Эти лингвистические факторы, хотя и более значимы для определения поджанров, влияют на идентификацию жанров в целом. Современные подходы к классификации, опирающиеся на ситуационные и функциональные модели, все больше признают роль внутренних лингвистических факторов, таких как синтаксические и семантические структуры, которые формируются под влиянием коммуникативной ситуации [Dimter 1981: 83]. Далее будут рассмотрены наиболее значимые классификации, разработанные с учетом этих факторов.

Первая полноценная классификация, основанная на функциональной модели в немецкой литературе, была представлена Э. Ю. Гроссе и опирается на коммуникационную модель К. Бюлера. Согласно его схеме, текстовые жанры делятся на восемь классов, выполняющих свои функции, причём каждый класс иллюстрируется прототипом [Große 1976: 254]. Поскольку большинство моделей функциональной классификации с 1980-х годов опирались на классификацию речевых актов Дж. Серла, необходимо отметить, что его классификация строится на критериях коммуникативного намерения высказывания, направления действий и психологического отношения адресанта. К. Бринкер и др. используют классификационные критерии Дж. Р. Серла, дополняя их контекстуальными и структурными параметрами [Searle 1972: 101]. Они классифицируют текстовые жанры и текстовые функции следующим образом:

а) Репрезентативы/Утверждения (Assertatives) (термин Серла). К текстовым жанрам, основной функцией которых является предоставление

информации, относятся новости (газетные, радио- и телевизионные), репортажи и описания с различными вариантами, такими как результаты расследования, научные и научно-популярные книги, экспертиза, обзор и т. д.

б) Аппелятивы — жанры, проявляющиеся в виде рекламных сообщений, рекламных материалов в форме газетных статей, радио- и телевизионных программ, комментариев, инструкций по использованию, рецептов, юридических текстов, претензий, запросов, проповедей и т. д.

в) Текстовые жанры, такие как контракты, соглашения (письменные), гарантии, клятвы, обещания, предложения и т. д.

г) Выразительные высказывания (Contactives — в терминологии Серла они называются экспрессивами). Эта функция реализуется текстовыми жанрами, именуемыми текстами участия, такими как тексты, выражающие поздравления, соболезнования, когда адресант передаёт свою радость или печаль. К текстовым жанрам с функцией контакта относятся также открытки, любовные письма и прощальные письма. Contractives, такие как справка о назначении на должность, завещание, постановление об обвинении или оправдании обвиняемого, разрешение, свидетельство и т. д.

Дж. Силич выделяет научный стиль, деловой и административный стиль, газетный и публицистический стиль, литературно-художественный или беллетристический стиль, а также разговорный стиль [Silić 2006: 36].

Катнич-Бакаршич включает сюда также религиозный стиль, рекламный стиль, стиль комиксов, риторический стиль, эссеистический стиль и сценический стиль [Katnić-Bakaršić 2007: 73]. В качестве стилей он рассматривает лингвистические единицы, несущие стилистическую информацию, и утверждает, что каждая языковая единица стилистически маркирована своим употреблением в конкретной коммуникативной ситуации и функциями данной единицы в конкретном сообщении (там же).

Б. Тошович, помимо пяти функциональных стилей (литературно-художественного, публицистического, научного, административного и разговорного), исследует также тексты, демонстрирующие признаки

многофункциональных стилей (автор называет их интерстилями). К ним относятся ораторский, эпистолярный, рекламный, мемориальный, эссеистический и сценарный стили [Тошович 2002: 76].

Таким образом, классификация текстовых жанров, основанная на многомерных моделях, формируется на базе предшествующего опыта и в результате прежних попыток жанровой классификации, когда лингвистам стало очевидно, что одномерная классификация не способна охватить все текстовые жанры конкретной области или жанры нескольких областей. Жанровые классификации начинают опираться на многомерное определение прототипических представителей для каждой категории или уровня [Heinemann и др. 1991: 147].

Э. Грохла утверждает, что коммуникация отражает специализацию и разделение труда в корпорации (организации), а также стандартизацию её процедур и процессов [Grochla 1975: 28].

Компонент глобальной ориентации состоит из макроструктурирования текста, темы и сегментации текста на более мелкие единицы. Компонент описания локальных единиц охватывает семантические и лексические единицы, синтаксические структуры, средства когерентности и интертекстуальности, а также компонент интегративной характеристики и оценки текста с точки зрения его функции и коммуникативной цели, конвенциональности, развития темы и стилистических особенностей.

1.2. Понятие и классификация лексико-семантических средств связи

В этом разделе, в рамках нашей работы мы рассмотрим средства обеспечения лексико-семантической связности. Как известно, по данным учебников и исследований в роли этих средств выступают повторы ключевых лексем, использование синонимов и антонимов, а также референциальные связи, реализуемые через местоименное замещение и параллельные номинации (Брчакова 1979; Басманова 1980; Курьянова 1985; Супрун 1995; Аннушкин 1995; Скребнев 1979; Хлупачева 1995; Данилевская 1992).

Советский и российский лингвист С. И. Гиндин рассматривает виды связности - синтаксические, логические и семантические аспекты текстовой организации как неразрывно связанные. Гиндин приоритетным уровнем считает семантическую связь, которая является основой структуры текста, обусловленная тематическим единством (Гиндин 1971: 127).

По мнению исследователя Глинкиной Г. В. лексико-семантические (внешние) связи - связи, устанавливаемые между лексическими единицами - множеством элементов (лексем=слов) текста, обладающих номинативной функцией (могут называть предметы, их признаки, действия, свойства и др.), способных выражать различные отношения: тождества, неравенства, сходства, противоположности, подчинения, превосходства, включения, исключения и др., образующих целостность текста и позволяющих понять его содержание [Глинкова Г.В., Ковель М.И. 2021, с. 58].

Авторы ряда работ по языкознанию Т. В. Романова и А. Ю. Хоменко акцентируют внимание языковедов на наличии термина «лексико-семантическая группа» (ЛСГ) в русскоязычной семантической школе, в отличие от англоязычной науки. При этом ЛСГ «есть видовое понятие для родового понятия «лексико-семантическое поле», т. е. лексико-семантическая группа есть составная часть лексико-семантического поля» [Глинкова Г.В., Ковель М.И. 2021, с. 52].

Для выражения связности, по мнению М.П. Котюровой, каждый стиль имеет специфический набор языковых средств. Данные лексические средства связи рассмотрим на примере официально-делового стиля речи.

Лексические средства связи предложений в тексте:

1. Лексический повтор (повтор слов, однокоренные слова)
2. Синонимическая замена
3. Использование антонимов
4. Родовидовые слова
5. Употребление слов одной тематической группы

Семантическими связями являются: синонимия, градация, гиперонимия и гипонимия (на таджикский язык они переводятся также).

Как известно, для того чтобы определить лексико-семантические связи между словами в тексте, необходимо выявить: первое, род слов, в который вступают в сочетание слова и второе в каком синонимическом ряду, они, будучи противопоставлены друг другу.

Связи посредством лексико-семантических средств в английском и таджикском языках в официально-деловом стиле являются языковые средства, обеспечивающие их логическую связность, определенную точность, текстовую последовательность и однозначность слов текста.

Названные средства в официально-деловом стиле необходимы, в связи с тем, что:

- в тексте связываются предложения и его части;
- определяются причинно-следственные, временные, условные и другие отношения в тексте;
- в тексте и в словах избегается двусмысленность;
- текст делается четким, стандартизированным и формально-нейтральным.

Основные лексико-семантические средства связи классифицируются по нескольким особенностям

Во-первых это лексический повтор, т.е. повтор ключевого слова или термина, который помогает сохранить тему текста.

Вторая это синонимическая замена слов или словосочетаний. Этот тип используется реже, чем в художественном стиле, потому что в деловом стиле важна точность и синонимы могут быть неуместны. При этом возможна замена близкими по смыслу словами или словосочетаниями, если это не нарушает ясность смысла.

Например, в таджикском языке:

- корхона / ташкилот / муассиса

В английском:

- company / organization / institution

Использование терминологической лексики, которые обеспечивают точность и однозначность текста.

Пример использования терминов в таджикском языке: дархосткунанда, ваколатдорон, ичорадеҳ, иҷрокунанда.

В английском тексте – примеры: applicant, authority, lessor, contractor

Использование местоимений, которые помогают избежать неоправданных повторов, но они используются умеренно в текстах.

Пример таджикских местоимений – додашуда, ин, ӯ, онҳо, чунин. И в английском языке: this, that, it, they, such

Логическая связь при помощи лексики, т. е. слова и выражения, показывающие отношения между частями текста.

Причинная связь в английском языке при помощи слов because, since, due to, в русском при помощи союзов zero, да робита бо, бо назардошти.

Следственная связь в английском языке выражается словами therefore, thus, consequently. А в таджикском языке словами - бинобар ин, ҳамин тавр, дар натиҷа.

Условные связи в тексте определяется словами: if, provided that в английском и словами - агар, пешбинӣ шуда бошад, дар сурате – в таджикском языке.

Связи противопоставления в английском языке посредством - however, whereas и в таджикском языке - аммо, дар айни замон, дар ҳоле ки.

Клише, канцеляризмы и штампы, которые характерны для официально-делового стиля и помогают создавать стандартные модели связи.

Связи в таджикском тексте при помощи: мувофиқи, дар асоси, барои мақсадҳои, да робита бо ин и т.д. В английских текстах посредством: in accordance with, on the basis of, for the purpose of, in this connection.

1.3. Функциональная роль лексико-семантических средств связи

В этом разделе прослеживается функциональная роль лексико-семантического структурирования текста и средств связи внутри текста. Функциональная роль лексико-семантических средств связи и в таджикском, и в английском языках одинаковая. Средства связи служат для организации текста, связать смысловые части и помочь читателю понять смысл и его ход.

Функциональная роль лексико-семантических средств связи — это их способность делать текст связным и логически выстроенным в таджикском и, в нашем случае в английском языках.

В рамках цели нашей работы мы рассмотрим лексико-семантические средства в ОДС, которые выполняют три важнейшие функции.

Когезивная функция (связующая), которые обеспечивают линейную последовательность изложения в тексте.

Функция информативно-уточняющая (дифференцирующая), которая направлена на снятие многозначности и ограничение объема понятий в тексте. Лексические средства связи, в условиях юридической ответственности, служат как бы «якорями», не позволяющими интерпретировать текст двояко. При этом, например если в русском языке уточнение часто достигается за счет распространения именных групп, к примеру, «тартиби ҳалл, ки дар боло зикр шудааст», то в тексте в английском языке отдается предпочтение прецизионным конструкциям, где используется артикли и указательные местоимения, привязывающие последующее упоминание объекта в тексте к его первичному определению, к примеру, «the said amount» против «an amount»).

Основные различия функциональной роли лексико-семантического структурирования текста и средств связи в таджикском и английском языках связаны главным образом с особенностями грамматики обоих языков, порядком слов, частотностью употребления некоторых связующих средств и со стилистическими нормами каждого языка.

Например в английском тексте часто активно используются explicit connectors: however, therefore, moreover, because, а в таджикском тексте соответствующую роль выполняют: аммо, бинобар ин, илова бар ин, зеро.

Christa Gansel, ещё один выдающийся немецкий исследователь, изучала особенности текстовой коммуникации. Она отмечает, что «коммуникация может реализоваться различными методами и средствами, и одним из них является текст. Текст представляет собой продукт языка и коммуникативной деятельности, который стремится в своей репрезентации и модели быть воспринятым в любом месте и времени независимо от своего происхождения» [Gansel и др. 2007: 17].

S. Jurin ещё более явно указывал, что коммуникация в менеджменте с использованием текстовых жанров комиссивного типа текста выступает средством изменения поведения, осуществления изменений, повышения производительности и достижения целей [Jurin 2010: 23].

Текстовые жанры в этом разделе будут классифицироваться как тексты комиссивного типа в двух подтипах – двусторонних и односторонних комиссивов. Мы используем терминологию Дж.Р. Серла, но классифицируем текстовые жанры из корпуса примеров в соответствии с классификацией К. Бринкера и др. (как описано выше).

Дальнейший анализ каждого текста проведен нами в соответствии со схемой анализа С. Юрина [Jurin 2010] (см. выше). Кроме того, все тексты проанализированы на трех уровнях:

- 1) коммуникативно-прагматический уровень,
- 2) тематический уровень и
- 3) уровень стилистического анализа [Brinker 2002: 43].

М. Хундт утверждает, что основными особенностями текстовых типов, используемых в учреждениях и корпорациях, являются схематизация и стандартизация [Hundt 2001: 643]. Говоря о схематизации и стандартизации, он ссылается на типы текста, в которых текстовые различия минимальны

(например, счета-фактуры, квитанции или выписки со счетов), а текстовая схема и языковые средства стандартизированы и предопределены.

По мнению Рольф, назначение комиссивов в организации заключается в обеспечении и реализации конкретных целей. К типичным жанрам данного типа текста исследователь относит банковские гарантии, коммерческие предложения, разрешения на проведение работ, кредитные соглашения и заголовочные комплексы. При этом в лингвистической теории прототипическим жанром комиссивов выступает контракт. Он может быть межгосударственным, межсоциальным, межличностным или внутрикорпоративным [Rolf 1993: 270], поскольку регулирует различные деловые и финансовые отношения. Контракты лингвистически эксплицитны и их роль в организациях может быть сведена к связыванию партнеров по коммуникации с моделями поведения, которые были оговорены в договоре.

Адресанты обязаны выполнять определенные действия или обещания, используя комиссивы, Brinker, K., Cölfen & H., Rappert заявляют, что комиссивы (они объясняют, что имеют обязательную функцию для адресанта) должны действовать в первую очередь связно, где адресант текста соглашается выполнить действие, и нормативно, когда адресант соглашается, что он, в экстралингвистической реальности, будет действовать в соответствии со стандартами [Brinker и др. 2014: 64]. Коммиссивы выступают в роли механизма миротворческой координации между различными сферами интересов [Methfessel 1990: 521], а также правовых норм и установления порядка посредством самоопределения адресанта в свободной зоне (это определение конкретно относится к прототипному тексту комиссива, которым является договор). В коммуникации с комиссивными типами текста адресант принимает обязательство по поведению, определённое в тексте и уже принятому [Rolf 1993: 262].

Рольф Фокс подчёркивал: «Коммиссивы – это тексты, функция которых заключается в том, чтобы заставить адресанта выполнять или не выполнять определенную деятельность (достигать цели или получать прибыль) в

корпорации или учреждении. Психологическое отношение адресанта выражает его намерение выполнить определенную деятельность» [Rolf 1993: 73]. Используя жанры комиссивных текстов, создатель текста обязуется выполнить действие, выполнить обещание. Коммиссивы должны прежде всего действовать связно, они выражают обязанность для адресанта, и тем самым он соглашается, что он будет действовать в соответствии с нормами и стандартами учреждения или корпорации.

В соответствии с направлением обязательства в жанрах текста комиссивного типа мы различаем, вслед за Н. Иванетицем, односторонние комиссивы, или обязывающие, и двусторонние комиссивы [Ivanetić 2003: 73]. Направление воздействия комиссивов эквивалентно директивам, то есть от экстралингвистической реальности к словам, а ментальное отношение адресантом текста представляет собой намерение реализовать действие, в результате чего по направлению воздействия выделяются односторонние и двусторонние комиссивы.

Текстовые жанры двустороннего комиссивного типа текста служат для достижения взаимного идентичного поведения и приверженности [Rolf 1993: 269] либо для реализации идентичных организационных целей, поставленных двумя сторонами, участвующими в коммуникации. Таким образом, используя текстовые жанры двустороннего комиссивного типа текста, как адресант, так и адресат принимают обязательство реализовывать действия, выполнять задачи и вести себя так, как указано в тексте. Тексты, принимаемые самим адресантом, в целом строго институционализированы и схематизированы, и поэтому они напрямую характеризуются эксплицитными перформативными формулами (которые обозначают жанр текста и его функцию), выраженными глаголами и синтагмами: *promise, make a vow, swear, take, agree, guarantee, insist on something, offer* и т. д. Уровень приверженности коммуникантов тесно связан со способом интерпретации темы текстового жанра. Этот режим может быть выражен через следующие исполнительные формулы: *намереваться; планировать; воля; быть определен; решить... и т.д* [Brinker 1997: 117].

В рамках данной работы был проведен сравнительный анализ, который показывает, что, несмотря на типологические различия между таджикским и английским языками, лексико-семантические средства связи в официально-деловом стиле выполняют идентичные задачи. Как было показано, в обоих языках наблюдается тенденция к минимизации экспрессивности в пользу максимальной когезии.

В данном разделе в качестве исследовательской задачи автором была определена попытка оценить лексико-семантические средства связи, и был сделан вывод, что они выполняют связующую, смыслоорганизующую и текстообразующую функцию.

Выводы по главе 1

В первой главе нашей работы мы рассмотрели понятие текста и текстовых жанров в современной лингвистике, определили текстовые жанры и их функционально-коммуникативные особенности, привели классификации текстовых жанров в лингвистических исследованиях, понятие и классификация лексико-семантических средств связи, проанализировали функциональную роль лексико-семантических средств связи.

Итак, подводя итоги первой главы, следует сказать:

1) На макроструктурном уровне текста хорошие формы просты, понятны, обладают логическим хронологическим и концептуальным порядком, текстуально и визуально ясны, имеют соразмерную длину (объём) текста и лингвистически корректны. Помимо форм, следует также отметить доклады, представляющие собой информативные, лаконичные, логичные и прозрачные материалы.

2) На микроструктурном уровне качественный отчёт должен содержать цель (потребность в конкретной информации, обычно включающую имя лица или группы, предмет доклада, согласованный объём информации и сроки), процедуру (источник полученной информации — например, измерение, анализ, расчёт и т. д.), выводы или результаты исследования (систематическое представление наиболее важных данных), заключение (в котором автор

обычно занимает определённую позицию), рекомендации (автор рекомендует дальнейшие действия — они должны быть позитивными, конструктивными и точными), приложения (различные документы: таблицы, диаграммы и т. д.), подпись и дату.

Текстовые жанры, образующие корпус данного исследования, включают предложения и заявочные формы для различных образовательных и обучающих программ, что может рассматриваться как попытки рекламировать конкретную организацию.

И адресант, и адресат характеризуются множеством важных коммуникативных признаков, которые обычно рассматриваются на разных уровнях:

- **Социокультурный уровень:** демографические данные, этническая принадлежность.
- **Психологический уровень:** социальные, психологические и психосоциальные особенности.
- **Культурный уровень:** культурные и антропологические аспекты.
- **Идеологический уровень:** философские взгляды и мировоззрение.
- **Когнитивный уровень:** познавательные способности и особенности общения.
- **Лингвистический уровень:** языковые навыки.
- **Поведенческий уровень:** особенности поведения в конкретных ситуациях.

Эти характеристики, отражающие внутреннее состояние человека, в совокупности влияют на формирование текста. Традиционно, влияние характеристик адресанта и адресата изучается с разных позиций, таких как: языковая личность, речевая личность, коммуникативная личность, образ автора и читателя, а также образ адресанта и адресата. В данной работе концепция "текстовой личности" рассматривается как двойственность, проявляющаяся в текстовой личности адресанта и текстовой личности адресата.

Теоретический обзор показал, что лексико-семантические средства связи (повторы, синонимы, антонимы) занимают пограничное положение между когезией и когерентностью, обеспечивая переход от поверхностной структуры текста к его глубинному смыслу.

Как видно из двух последних разделов, лексико-семантические средства связи являются фундаментальным инструментом текстообразования в рассматриваемых языках, обеспечивающим единство, логическую последовательность и смысловую целостность текста.

Заключается, что несмотря на типологические различия между английским и таджикским языками, лексико-семантические средства связи в текстах выполняют идентичные функции в рассматриваемых языках: когезивную (т.е. обеспечение линейной связности), информативно-уточняющую (т.е. снятие многозначности) и текстообразующую (т.е. организация структуры).

Как видно, различия в реализации данных средств между английским и таджикским языками безусловно обусловлены грамматическим строем, стилистическими нормами, например, использование артиклей и указательных местоимений в английском языке против специфических конструкций в таджикском.

В рамках нашей работы, можно сделать вывод, что лексико-семантические средства связи в официально-деловом стиле выступают не просто как элементы текста языка, а как инструменты обеспечения правовой и логической определенности, минимизирующие экспрессивность в пользу максимальной когезии и однозначности интерпретации текста в рассматриваемых языках.

В данном разделе в качестве исследовательской задачи автором была сделана попытка оценить лексико-семантические средства связи, и был сделан вывод, что они выполняют связующую, смыслоорганизующую и текстообразующую функцию.

ГЛАВА 2. ЖАНРОВО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ ТЕКСТОВ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

2.1. Текст как средство коммуникации в организациях и учреждениях и лексико-семантические связи текстов

Положения, изложенные в первой главе настоящего диссертационного исследования, формируют теоретико-методологическую основу для последующего анализа конкретных типов текстов и лексико-семантических связей в условиях институциональной коммуникации. Рассмотрение текста как единицы коммуникации, а также описание его жанровых, структурных и функциональных характеристик в разносистемных языках позволяют перейти к практическому изучению механизмов текстовой организации в официально-деловом дискурсе. В этой связи во второй главе исследование фокусируется на лингвистическом анализе текстов, функционирующих в организациях и учреждениях, с целью выявления особенностей реализации текстообразующих средств в корпоративных жанрах и установления как универсальных, так и языково-специфических закономерностей их построения. Деятельность организации уравнивается посредством коммуникации. Поэтому коммуникативные процессы, как и позиции и действия сотрудников, требуют направления. В англосаксонской литературе такое управление называют корпоративным публичным дискурсом [Schilling 2000: 242–251].

Корпоративная идеология удерживается через корпоративный (фирменный) стиль и настойчивое его соблюдение. Дж. М. Бальмер и Э. Р. Грей определяют фирменный стиль как все те единообразные процессы, которые компания выстраивает ради формирования своего имиджа [Balmer 2000: 256–262].

Тексты и текстовые жанры выступают в качестве ключевых инструментов для управления любой современной организацией, обеспечивая реализацию ее стратегических целей в рамках утвержденной корпоративной

культуры. Необходимо глубоко исследовать, как эти тексты интерпретируются и применяются в управленческих процессах, а также какие жанры текстов используются в различных коммуникативных ситуациях. При этом важна комплексная оценка коммуникации в организации, учитывающая вертикальные, горизонтальные, симметричные и асимметричные связи.

В процессе анализа Philip Kotler, Kevin Lane Keller, Mick Brady, Malcolm Goodman и Torben Hansen учитываются в том, что различные типы коммуникации: межпрофессиональная, внутрипрофессиональная и внепрофессиональная, а также внутренняя и внешняя. Исследуются виды коммуникативного взаимодействия между предприятием и окружающей средой, при этом разграничивается внутренняя и внешняя коммуникация с ней. Внешнюю коммуникацию с окружающей средой можно классифицировать на общественную или социальную и деловую или целевую [Kotler и др. 2009: 20].

Социальную среду, в свою очередь, часто называют макросредой. Этот аспект включает в себя все внешние факторы и события, на которые предприятие не имеет прямого влияния, но все же должно адаптироваться и реагировать. Деловая среда, или микросреда, включает всех участников непосредственного окружения организации и влияет на ее способность предлагать услуги. Другими словами, взаимодействия в этой среде происходят регулярно и в ходе повседневных контактов.

Внутренняя коммуникация осуществляется в рамках самой организации и может быть довольно изменчивой. Эта форма коммуникации всегда актуальна в управлении, и руководство стремится ее контролировать. В случае внутренних изменений в работе компании руководство получает об этом уведомление. Таким образом, на внешнюю и внутреннюю коммуникацию влияют различные факторы организационной среды. Это происходит, потому что компания является открытой системой, которая постоянно взаимодействует с этими факторами, зависящими от окружения и его

изменений. Анализ текстов выявил языковую специфику в лексике и синтаксисе разных текстовых жанров, применяемых в организации.

Текстовые жанры соединяют когнитивные, коммуникативные и деятельностные элементы и служат формой социальной практики. Они также являются моделями, помогающими участникам в специфических коммуникационных ситуациях.

Рассматривая специализированные тексты и уникальную лексику в них, авторы подчеркивают важность доступности информации о специализированной коммуникации внутри определенного жанра.

Lothar Hoffmann утверждал, что некоторые текстовые жанры с элементами специализированной коммуникации фокусируются на конкретной тематике (регионе, факте или области) и используют определенную терминологию. Чтобы понять такие тексты, необходимо иметь соответствующие знания в данной области. В противном случае они будут не понятны неискушённым читателям, потому что их содержание связано с профессиональной областью и специализированной лексикой. Эти тексты могут различаться по функции и содержанию, но при этом имеют схожие черты, характерные для своего текстового жанра, и соответствуют коммуникационному контексту конкретной профессии [Hoffmann 1988: 233].

Содержание и структура текстов, применяемых в профессиональной сфере, а также адекватное использование языковых средств для формирования и представления информационных структур, отражают их коммуникативную функцию в данной области. Эти тексты также зависят от позиции участника общения относительно взаимодействия и более широкой среды (включающей как внутренние, так и внешние аспекты), участия в конкретных коммуникационных ситуациях и использования определённых стратегий и намерений. Кроме того, жанровая принадлежность текстов в профессиональной коммуникации определяется формальными ограничениями (как внутренними, так и внешними), а также темой и содержанием общения. Это связано с тем, что одно и то же коммуникативное

содержание может быть интерпретировано по-разному в зависимости от коммуникативного намерения (ассертивное, директивное, коммуникативное, экспрессивное, декларативное и т.д.), а также от наличия или отсутствия лексических и грамматических средств и их уместности. Если рассматривать текстовые жанры как компоненты, осуществляющие обмен информацией в конкретной сфере деятельности, то мы исследуем их как инструменты профессиональной коммуникации. Тексты, применяемые в данной коммуникации, представляют собой уникальный тип обмена информацией. Подготовка и извлечение таких текстов необходимы не только базовые знания, но и специфическая экспертиза. Таким образом, анализ данных текстовых жанров должен охватывать не только языковые аспекты, но и частоту их использования. N. Ivanetić также исследовал текстовых жанров, которые используются в качестве специализированных средств коммуникации внутри организации, должно учитывать характеристики этих текстов. Поэтому важно уделить внимание их структурному описанию, которые одновременно являются его основными характеристиками. Текст — это любой объект, который может быть отнесен к какому-либо текстовому жанру [Ivanetić 2003: 94].

Lothar Hoffmann и другие рассматривают текстовые жанры, используемые в качестве профессиональных средств коммуникации в организациях, не могут быть четко отделены от текстов, используемых в качестве непрофессиональных средств коммуникации, учитывая их отличительные особенности [Hoffmann и др. 1999: 409]. Разграничение функций текстов носит скорее субъективный характер. Важным признаком остается макроструктура текста, которая проявляется не только в функции, но и в тематике текста. В зависимости от функции текста можно провести примерную классификацию. Здесь рассматривается коммуникативная функция и реализация текстовых жанров. Имеющиеся источники и литература по данной теме основаны на немецкой лингвистике и лингвистике текста [Brinker и др. 2014: 76].

Чтобы понять роль и значение текстовых жанров для коммуникативных целей в организации, которая приносит прибыль и исповедует определенную идеологию или философию, функция соответствующего текстового жанра должна быть отправной точкой. Классификация текстовых жанров как утверждений, директив, комиссий, выразительных и декларативных может послужить основой для данного анализа.

2.1.1. Основные характеристики институциональной коммуникации

Как отмечалось ранее, Н. Иванетич полагает, что разделение текстовых жанров тесно связано с тем, как автор интерпретирует текстовые категории [Ivanetić 2003: 67]. В своих исследованиях текстовых жанров он опирается на определение текста, предложенное К. Бринкером, который рассматривает его как «связный и ограниченный комплекс языковых единиц, выполняющих конкретную коммуникативную задачу». По мнению Н. Иванетича, данное определение позволяет учитывать и включать в анализ некоторые формы, которые мы обычно считаем текстами, даже если они не соответствуют всем общепринятым признакам текста. Это определение служит отправной точкой для понимания жанра, а главным критерием для классификации текстов в деловой среде оказывается их коммуникативная направленность [Ivanetić 2003: 49].

Коммуникативные функции важны для того, чтобы устанавливать и развивать отношения между людьми. Их основная задача — передавать информацию, идеи и эмоции, налаживая контакт и взаимопонимание. Через функцию общения мы выражаем мысли, желания, потребности и эмоции, а это, в свою очередь, помогает строить эффективное взаимодействие и нормальные отношения. Умение пользоваться коммуникативными функциями — основа любого удачного общения.

Помимо этого, Н. Иванетич отмечает, что на определение жанров текста заметно влияет то, как сам автор видит корпус. Это приводит к тому, что в исследованиях текстовых жанров часто встречаются случаи, когда разные исследователи классифицируют одни и те же жанры в соответствии с

различными функциональными типами, а также возникают непротипичные жанры, чья классификация затруднена [Ivanetić 2003: 68].

Таким образом, автор приходит к выводу, что эти ситуации подтверждают теорию текстовых прототипов, подразумевающую, что степень соответствия текста определенной категории зависит от контекста, поскольку четких границ между ними не существует. В настоящем исследовании учитывается классификация текстовых жанров К. Бринкера и соавторов, основанная на классификации речевых актов Дж.Р. Серла, которая включает 12 критериев, из которых три считаются ключевыми: намерение автора (информирование, побуждение к действию, обещание, выражение эмоций, изменение реальности), направленность (влияние на мир) и психологическое состояние адресанта (искренность) [Searle 1976: 1-23].

Классификация К. Бринкера и др. также выделяет пять основных типов текстов: поучительные, апелляционные, обязательные, связные и декларативные [Brinker и др. 2014: 133]. Эта классификация перекликается с классификацией Дж. Р. Серла, где инструкции соответствуют утверждениям, апеллятивные тексты – директивам, обязательные – комиссиям, связные – выразительным текстам, а декларативные – декларациям Дж.Р. Серла.

Наше исследование во многом основывается на таксономии Дж.Р. Серла, который предлагает классификацию текстовых жанров, разбивая их на пять категорий: утверждения, директивы, комиссивы, выразительные и декларативные тексты.

Несмотря на существование множества классификаций текстов, именно эта выделяется тем, что указанные пять типов позволяют наиболее эффективно объяснить коммуникативные функции различных текстовых жанров.

Выбор текстов институциональной коммуникации (официально-делового стиля) в качестве базы исследования обусловлен тем, что в данных текстах лексико-семантические средства связи проявляются наиболее эксплицитно (явно).

Жесткая структура жанров (контракта, заявки) позволяет четко проследить работу механизмов повтора, анафоры и логической коннекции в английском и таджикском языках, что служит фундаментом для дальнейшего анализа более сложных художественных структур. На коммуникативно-прагматическом уровне мы акцентируем внимание на функции текста в процессе общения – то есть на коммуникативном намерении автора, которое выражается и воспринимается адресатом с помощью традиционных средств, откуда адресат извлекает смысл и интерпретирует намерения адресанта. Функции текста можно разделить на несколько категорий:

а) **информационная функция**, наилучшим образом проявляющаяся в таких жанрах, как новости, репортажи и описания, которые относятся к утверждениям;

б) **апеллятивная функция**, отражающаяся в жанрах, как рекламные тексты, инструкции и законы, классифицируемые как директивы;

в) **коммиссивная функция**, присущая текстам вроде контрактов и предложений;

г) **экспрессивная функция**, проявляющаяся в жанрах, таких как поздравительные открытки и соболезнования;

д) **декларативная функция**, которая относится к таким текстам, как мандаты и разрешения.

Коммуникативно-прагматический уровень анализа также включает в себя ситуативные параметры, которые учитываются при определении жанра текста. К ним относятся форма общения (например, личный разговор или телевидение) и сфера деятельности (использование текстов в различных социальных контекстах: частных, государственных и институциональных). К. Бринкер, Сёльфен и Х. Папперт утверждают, что именно на этом уровне анализа мы исследуем ситуативный контекст, то есть условия, в которых информация передается [Brinker и др. 2014: 45].

Социальный контекст также играет важную роль: он определяет, как адресант воспринимает себя и свои намерения, а также какие культурные нормы регулируют отношения между адресантом и адресатом информации.

На тематическом уровне они отмечают, что анализируется структура содержания текста, включая его отношение к людям, событиям и идеям. Тема текста выступает его основой, и это становится очевидным через различные сегменты, составляющие тематическую иерархию.

Способы разработки могут варьироваться, включая описательные, экспликативные и аргументативные подходы.

Бринкер, К., Сёльфен и Х. Папперт также упоминают важность отношения адресанта к теме как критерия при анализе текстовых жанров, когда оценочное отношение может выражать позитивную или негативную позицию по отношению к содержанию текста [Brinker и др. 2014: 47].

Исходя из вышесказанного, текстовые жанры можно анализировать по следующей модели [Jurin 2010: 53]:

1. Прагматический контекст. Коммуникативный - прагматический уровень (Иллокутивный акт. Функция текста и его отдельных сегментов)

2. Тематический уровень (Развитие темы или предмета текста, а также отдельных сегментов текста)

3. Язык и стилистический уровень (Отдельные сегменты текста, анализ лексики, типов предложений и т.д.)

2.2. Лексико-семантические связи в комиссивных текстовых жанрах

2.2.1. Текстовый жанр «заявка»

М. Хундт полагает, что схематизация и стандартизация являются основными характеристиками текстовых жанров, участвующих в организационной коммуникации [97, с. 643]. Соответственно, в корпоративной коммуникации преобладают директивные и комиссивные типы. На основании исследований, проведённых М. Хундтом, статистически

подтверждено, что использование комиссивов и декларативов доминирует в общем количестве текстовых жанров в организациях [Hundt 1995: 647]. Таким образом, главная роль комиссивов и декларативов заключается в том, чтобы обязать адресанта или адресата, посредством чего деклараты создают новую реальность, а на организационном уровне конкретно указывают на необходимость реализации, преобразование, создание или поддержание институциональной реальности [Rolf 1993: 312], а роль комиссивов заключается в том, чтобы обязать адресата выполнить или не выполнить определенную задачу (цель или намерение) в организации. Поэтому мы выделяем такие текстовые жанры, как заявление, заявка, контракт, письмо к руководству или от руководства, предложение, разрешение на выполнение работ или ведение бизнеса, либо предоставление кредитов, договор обслуживания, тарифное соглашение и т. д., которые относятся к комиссивам и выполняют функцию выражения ожиданий или возможности достижения целей адресанта или адресата в организации.

Е. Rolf, исследует, что прототипом комиссивов выступает контракт, имеющий принципиальное значение для функционирования корпорации, причём на коммуникативном и прагматическом уровне он может быть международным, межличностным или интеркорпоративным [Rolf 1993: 270]. Поскольку функцией текста и иллокутивным актом является регламентация деловых и финансовых отношений. Контракты лингвистически эксплицитны, обычно подразделяются на разделы, статьи, абзацы и пункты, с учётом графического оформления текстового жанра. Текстовая функция и иллокутивный акт, реализуемые в договоре, могут быть охарактеризованы как формирование обязательства между сторонами договора. Эти текстовые жанры на макроуровне обладают рядом общих ключевых элементов, таких как наименование объекта договора, условия и подписи обеих сторон. Основная функция комиссивного жанра данного текста заключается в развёрнутом описании договорного объекта (например, количества, внешнего вида и графика предоставления услуг или продуктов). Тема развивается как

непосредственно, так и опосредованно — через культурные, логические и онтологические способы использования семантического и лексического содержания, хотя преимущественно на тематическом и стилистическом уровнях преобладают чёткие повторения, не допускающие устной передачи или самостоятельной интерпретации, что направлено на изложение содержания текста для предотвращения неверного толкования его положений. Заявка представляет собой текстовый жанр, реализующий коммуникацию при подготовке к участию в различных семинарах, круглых столах, презентациях, мастер-классах и т. д. Было проанализировано около 100 примеров применения лексико-семантической связи в данном текстовом жанре.

Форма применения текстового жанра стандартизирована и схематизирована на макроуровне и микроуровне текста:

Текст называется... Заявка на участие в семинаре или рабочем совещании...

Название «Заявка на участие» или «Заявка» сразу же предоставляет адресату, на когнитивном уровне, необходимую информацию о содержании и теме текста, тем самым активируя соответствующую когнитивную основу и релевантные знания о мире. За ним следует наименование темы, а также сведения о времени и месте на уровне текстовой функции. Эта часть по-прежнему относится к вводному абзацу текста. Последовательность структурных сегментов введения частично определяется логикой вещей, а частично — конвенциями, например:

Pay system and monitoring work performance (logic of things) on Monday, October 16th 2016, 08:00 am, XX, Samuel 21, Italy (not large hall, second floor).

Оба партнера ожидают выполнения обязательств или обещаний после подписания этого заявления. Предложение о том, что адресат собирается взять на себя обязательство принять участие в семинаре, представлено с помощью активного глагола для участия в настоящем простом или будущем времени, или синтагмы, которая звучит:

Англ.: *I would like to apply to participate.*

Русс.: Я хочу подать заявку на участие.

Тадж: Ман мехоҳам барои иштирок дархост пешниҳод намоям.

Завершается заявление обычно разделом примечаний, где сообщаются важные сведения для потенциальных участников. Здесь же оговаривается срок действия заявления — например, крайняя дата подачи заявки на участие в мероприятии. Такое примечание напоминает о необходимости уложиться во временные рамки, что хорошо видно на следующем примере:

Note: Please email or fax completed application by October 16th, 2016, so that we can provide you a spot. Thank you!

Следует отметить, что после этой заключительной формулировки отсутствует традиционная форма приветствия или подпись организатора (адресанта), поскольку текст завершён в пределах своего функционального назначения и не требует дополнительных элементов межличностного контакта.

Вводные сигналы в тексте подаются в форме объявления о проведении совещания или аналогичного мероприятия. В этой части, как правило, указываются тема, название события, а также дата, время и место его проведения. Такие элементы выполняют организационно-информативную функцию, задавая адресату контекст и цель коммуникационного акта.

После вводного блока следует графически отделённый раздел, содержащий сведения об адресате. В него обычно включаются: фамилия и имя участника, наименование компании, адрес электронной почты, факс, почтовый адрес, регистрационный номер компании, а также печать и подпись адресата. Эта структурная часть играет роль официального подтверждения участия адресата в мероприятии и обеспечивает юридическую и документальную достоверность текстового сообщения, соответствуя нормам официально-делового стиля.

Данный фрагмент текста выполняет вводную функцию и служит средством перехода к изложению основного содержания, например:

... Yes, Samuel and John agree the organizers' proposal and apply to participate in the matchup.

После этого приводятся некоторые условия и предложения участия, такие как Регистрационный сбор, что включено в регистрационный взнос (например, обед, рекламные материалы или др.). Если упомянут регистрационный сбор или любая другая форма оплаты, то заявление от функции директивы следует, например:

... please transfer the participation fee to the account of NFL-FNMU no. 5...

Некоторые бланки заявлений даже содержат примечания,

например: *... the venues will be filled in the order of application, so please reserve your place as soon as possible...*

Такие заявления имеют поучительную функцию, поскольку они дают рекомендации адресату и, если он принимает их и заполняет анкету, это идет ему на пользу.

Заключительные сигналы опять-таки имеют директивную функцию, поскольку они обычно касаются заполнения и отправки бланка заявки, а затем заявления о том, что адресант находится в распоряжении для получения дополнительной информации.

Такое заявление может быть информативным, ориентировочным или иногда поучительным, например:

...application one person = 290kn (Eskhata Bank, NF88 86 12 34 56, Model 08, purpose 899- 77 88-55.

Следом обычно размещается директивное заявление, в котором уточняется порядок действий для адресата — в частности, указывается адрес, электронная почта или факс, по которым необходимо направить заполненную заявку. Эта часть текста выполняет организационно-регламентирующую функцию, направляя поведение адресата и обеспечивая выполнение им предписанных действий в установленный срок.

За этим следует интересная формулировка, которая обычно не встречается в заявках организаций: *... Общие условия участия в семинарах...* и

это имплицитное директивное заявление имеет функцию информирования адресата, что делать, и в то же время не дает им выбора, например: ...

...Personalized telephone application (fax, mail, or internet also available) with prepaid in advance...

Конечным сигналом заявки является подпись и имя организатора – адресанта, за которым следует печать компании и дата.

Связность текста заявки обеспечивается не только жесткой структурой, но и специфическими лексико-семантическими средствами.

В **английском языке** ведущую роль играют **лексические повторы** ключевых номинаций (например, *the applicant, the position, the requirements*), которые проходят через весь текст, связывая заголовок, основную часть и заключение. Также активно используются **указательные местоимения** (*this application, these documents*), выполняющие анафорическую функцию – они отсылают к уже упомянутым фактам, создавая непрерывную текстовую ткань.

В **таджикском языке** связность текста заявки («ариза») часто реализуется через **тематическое единство**, поддерживаемое цепочками слов одной семантической группы (корхона – рохбарият – вазифа). Важным средством связи выступают **союзы и союзные слова** (бинобар ин, бинобар ҳамин), которые логически соединяют мотивировочную часть заявки с основной просьбой, обеспечивая плавный переход между блоками текста.

Жанр application (заявка) относится к официально-деловому типу текстов и широко используется в институциональной коммуникации для формального выражения просьбы, запроса или намерения получить определённый ресурс, услугу либо разрешение. Основная функция данного жанра — инициировать административную процедуру и зафиксировать обращение в нормативно допустимой форме.

В английском и таджикском языках данный жанр выполняет сходные коммуникативные задачи, однако отличается лексико-семантическими формулами вежливости, синтаксической организацией и культурно обусловленными стратегиями официального общения.

Пример на английском языке:

I kindly request that Classroom No. 204 be made available for conducting a methodological seminar on March 15, 2025, from 2:00 p.m. to 5:00 p.m.

С точки зрения лексико-семантической связности различаются следующие особенности:

- Формула вежливой просьбы “I kindly request” является нормативной для официально-делового английского языка и выполняет функцию смягчения директивности.

- Использование стандартных клише: be made available, conducting a seminar, methodological seminar.

- Высокая степень конкретизации: номер аудитории, дата и временной интервал указаны точно, что соответствует требованиям деловой коммуникации.

- Лексика нейтральная, лишённая экспрессивных и оценочных элементов.

Стилистические особенности

- Строго официальный регистр.

- Преобладание пассивной конструкции (be made available), что характерно для институционального английского дискурса.

- Одно развернутое сложное предложение, в котором содержится вся ключевая информация.

Пример на таджикском языке:

Лутфан имкониятро барои ҷудо намудани синфхонаи таълимии № 204 барои гузаронидани семинари методӣ рӯзи 15 марти соли 2025 аз соати 14:00 то 17:00 баррасӣ намоед.

Лексико-семантические особенности

- Формула «лутфан ... баррасӣ намоед» является стандартной вежливой конструкцией таджикского официально-делового стиля.

- Активное использование арабо-персидских заимствований, характерных для делового регистра: имконият (возможность), баррасй (рассмотрение), гузаронидан (проведение).

- Чёткое обозначение объекта просьбы и временных параметров.

Стилистические особенности

- Использование повелительно-вежливой формы глагола (баррасй намоед), допустимой и нормативной в таджикском официальном дискурсе.

- Более выраженная эксплицитная вежливость по сравнению с английским вариантом.

- Строгая формализованность и отсутствие разговорных элементов.

Сравнительный анализ (английский — таджикский)

Параметр	Английский язык	Таджикский язык
Формула просьбы	I kindly request...	Лутфан ... баррасй намоед
Стиль	Официально-деловой, нейтральный	Официально-деловой, подчеркнуто вежливый
Лексика	Книжная, стандартная административная	Книжная, с арабо-персидскими заимствованиями
Синтаксис	Сложное предложение, пассивные конструкции	Сложное предложение, активная повелительная форма
Выражение вежливости	Имплицитное	Эксплицитное
Культурная специфика	Формальная дистанция	Уважительно-иерархическая модель общения

Сравнительный анализ жанра application / заявка в английском и таджикском языках показывает, что при функциональном сходстве и общей стандартизированной структуры наблюдаются различия, обусловленные национально-культурными нормами деловой коммуникации. Английский язык тяготеет к имплицитной вежливости и пассивным конструкциям, тогда как таджикский официальный дискурс характеризуется эксплицитными формулами уважения и более выраженной адресной направленностью.

В заключение следует отметить, что текстовая форма приложения жанра в основном используется для внешнего общения в организациях или учреждениях. Формы заявок стандартизированы и схематизированы, и они имеют следующие элементы на макроструктурном уровне:

Заголовок введения

Подвергать

Основная часть: информация о мероприятии

Структура раздела обычно включает следующие компоненты:

- сведения о мероприятии;
- данные об участниках (в табличной форме);
- положения об участии;
- инструкции по заполнению и подаче заявки;
- формулировку возможности получения дополнительной информации;
- подпись ответственного лица.

На лексическом уровне во вводном разделе и в тексте, описывающем предмет мероприятия, отмечается регулярное использование существительных форм, что характерно для всех типов подобных текстов.

В центральной части текста преобладают числовые данные, отражающие время и место проведения мероприятия. Эти элементы дублируются и в заключительном разделе, где дополнительно указываются финансовые условия участия — например, размер взноса или регистрационной платы.

Регулярное использование номинативных конструкций из сферы организации образовательных и научных мероприятий (семинар, практикум, симпозиум, конференция, участие, регистрационный сбор, условия участия, крайний срок подачи заявки и т. п.) показывает, насколько устойчива терминологическая система официально-делового стиля в этой разновидности текстов.

Кроме того, мы обнаружили, что часто употребляются глагольные формы отчётного типа: они указывают на необходимость совершить конкретное действие — заполнить анкету, забронировать участие в мероприятии и т. д.

Рассмотрим механизм связности на примере фрагмента заявки.

В английском тексте:

*“I am writing to apply for the **position** of Marketing Manager. I believe my experience makes me a perfect fit for this **position**. ”*

Здесь ключевым средством связи выступает **лексический повтор** слова **position**, который соединяет два предложения в единый смысловой блок.

В таджикском тексте:

*«Аз Шумо эҳтиромона **хоҳиш менамоям**, ки аризаи маро барои қабул ба кор баррасӣ намоед. **Бинобар ин**, нусхаи ҳуҷҷатҳоро замима мекунам.»*

В данном случае межфразовая связь реализуется через вводную конструкцию (союзное слово) **бинобар ин** (поэтому), которая логически связывает просьбу автора с последующим действием (предоставлением документов).

Завершающая часть текста, где приведены инструкции по подаче заявки и сведения о стоимости участия, выделяется синтагмами с существительными, обозначающими цену и оплату: цена семинара, цена для частных лиц, цена для компаний, регистрационные сборы, оплата регистрационных сборов, банковский счёт компании, предоплата и др. Из этих элементов формируется финансово-информационный блок, делающий организационные условия прозрачными и завершающий коммуникативную структуру текста.

На синтаксическом уровне мы признаем формы, которые не содержат всех элементов обычного предложения, а только синтагму, которая, находясь в определенной коммуникативной ситуации, обеспечивает синтаксическую функцию, например, „ *How to be a successful leader “Friday, 18th August 1990 at 10.00 am. но в целом на синтаксическом уровне преобладают зависимые конструкции.*

Причины отнесения формы заявки к текстовому подтипу двустороннего коммиссива следующие [Hoffmann 1998: 518].

1. Первым коммуникантом выступает адресант текста, который сообщил базовую информацию через анонсированный текст или уже привлёк адресата посредством директив и обязательств заявления. Таким образом, как адресант, так и адресат располагают доступом к базовой информации, а адресат подтверждает своё участие и заинтересованность путём заполнения анкеты.

2. Основная цель сообщения заключается в установлении связывающих отношений адресата с адресантом и наоборот; ожидается, что обязательства, изложенные в форме заявления, будут выполняться;

3. Основным процессом коммуникации в форме заявки выступает заявление и обязательство;

4. Ситуация связи с использованием формы заявки, чтобы установить прибытие и участие, и, следовательно, платежи, и таким образом гарантировать место и необходимые материалы, и оборудование для семинара, а также подготовить счет-фактуру и др.;

5. Предметом общения является завершение содержания намеренного действия.

У. Энгель различает нетипичные и типизированные формы приложений, хотя некоторые авторы не признают нетипичные формы приложений в качестве отдельных текстовых жанров, но классифицируют их как текстовые бизнес-письма или частные письма [Engel 1996: 135].

2.2.2. Лексико-семантические средства связи в структурировании текстового жанра «контракт»

Контракт (англ. contract, тадж. шартнома) представляет собой базовый жанр официально-деловой письменной коммуникации, используемый для юридического закрепления взаимных обязательств сторон. Данный жанр выполняет регулятивную функцию, поскольку устанавливает права, обязанности, условия исполнения и ответственность участников взаимодействия.

В английском и таджикском языках контракт как жанр характеризуется высокой степенью стандартизации, нормативности и формальной точности. Вместе с тем, способы языковой репрезентации обязательств, структура предложений и модели выражения юридической силы различаются в зависимости от языковой и правовой традиции.

В текстовой лингвистике прототипом текстовых жанров двустороннего коммиссивного подтипа текста является контракт, который очень важен для

функционирования организации. John Rogers Searle отмечает: «Договор — это взаимная пара обязательств, взятых двумя договаривающимися сторонами. Сторона А обещает сделать что-то для стороны В, в обмен на то, для какой стороны В обещает сделать что-то для стороны А. Эти два обязательства не являются независимыми; в подлинном договоре одно обязательство заключается в обмен на заключение другого. И это приводит к появлению стандартной доктрины о сделке за услугу» [Searle 1985: 197]. Контракт представляет собой текстовый жанр, который нередко изучается в рамках лингвистики текста. Согласно утверждениям J. C. Sager, D. Dungworth и P. F. McDonald, договор — это соглашение между двумя или более сторонами, подтверждающее ранее достигнутые соглашения или обсужденные устные договоренности [Sager и др. 1980: 156].

Обычно процесс подразумевает юридическую посредническую роль третьих лиц — адвокатов, которые в письменной форме фиксируют условия, согласованные сторонами, и которые становятся предметом договора.

Основная цель договора состоит в координации различных интересов на основе взаимного доверия. Только сами стороны могут определить содержание договора и с помощью правовых норм юридически оформить его в соответствии со своими целями. Существует несколько причин, по которым контракт классифицируется как текстовый жанр двустороннего коммиссивного подтипа:

1. Коммуникатор — это адресант текста, который, используя директивные и обязательные формулировки, стремится "заставить" адресата действовать определённым образом. Как адресант текста, так и адресат стремятся к выполнению заранее согласованных условий, изложенных в юридически оформленных пунктах контракта.

2. Основная коммуникативная цель договора заключается в установлении связывающих отношений между адресантом и адресатом, и наоборот, ожидается, что обязательства, изложенные в договоре,

3. Основополагающий коммуникационный процесс договора является обязательным в соответствии с положениями договора.

4. Ситуация связи договора заключается в том, чтобы определить режим поведения.

5. Субъектом связи является завершение содержания договора.

Также следует отметить работы Lothar Hoffmanna, который подчёркивал, что контракт, представленный в текстовой форме, является уникальным сочетанием общих и специализированных знаний, воплощённых в языке [Hoffmann 1998: 535].

Общий язык используется для описания и указания цели контракта, в то время как специализированный язык, часто определяемый третьими лицами (например, юристами), применяется в правовых положениях. Данное исследование фокусируется на контрактах спонсорства, используемых многонациональными корпорациями, что подразумевает внешнее, симметричное и межпрофессиональное общение.

На макроструктурном уровне данный текстовый жанр подразделяется на пункты или статьи, которым предшествует вводный сигнал — наименования, регистрационные номера, адреса, законные представители и их должности, а также стороны договора. Затем следует следующая формулировка:

... on the 6th March 2019 Larisa and Svetlana have signed the following SPONSORSHIP AGREEMENT... ZZ... in XXXX...

Это заявление ориентировано на прошлое, и в нем отмечается, что обязательство и выполнение обязательств обеих сторон были подписаны в прошлом, но для достижения целей в будущем.

Таким образом, прошедшее время и более эффективный Perfect Tense используются с формулой *..., они подписали... или...обе стороны подписали...и т.д.* Очень распространенные составы представлены в непрерывных формах, например: *... Corporation X and Corporation Y are signing a mutual SPONSORSHIP agreement for...*

Некоторые проанализированные контракты (40%) показывают различия в использовании пассивного голоса, например: ... *Contract nr. The following parties sign DD: XX and YY in order to...*

Жёстко связывающим элементом в каждом варианте договора жанра является утверждение о дате подписания договора, т.е. в день У... (см. выше) или ..., подписанный на ХХ... потому что контракт является действительным с этой даты и все обязательства, и обязательства считаются с этой даты начала.

Обязательная формулировка договора, также относящаяся к категории вводных сигналов, включает указание номера договора и предмета соглашения. Полный текст договора, как правило, структурируется по статьям (например, статья 1 — статья 9), каждая из которых выступает самостоятельным текстовым разделом и функционирует как отдельная смысловая единица.

Как отмечают М. Brandt и другие, именно такое членение облегчает аналитическое восприятие содержания документа, обеспечивая понимание как целостного смысла договора, так и отдельных его положений. При этом коммуникативная функция договора заключается в побуждении обеих сторон — коммуникаторов — к выполнению предусмотренных действий и рассматривается как доминирующая функция. Содержательная сторона каждой статьи, напротив, выполняет вспомогательную роль, конкретизируя правовые и организационные аспекты соглашения [Brandt и др. 1991: 9].

Каждая статья договора обладает определённой тематической самостоятельностью, выраженной через сигналы-заголовки, которые обозначают её предмет и функциональное назначение. Примерами таких формулировок могут служить:

Article 2 – Acting Party Obligations

Article 3 – Employer Obligations

Article 4 – Service Price, и др.

Следовательно, функция каждой статьи не только служит раскрытию её содержания, но и укрепляет прагматическую целостность всего договора, создавая единую смысловую систему.

L. Hoffmann, который рассматривает согласованность отдельных статей и разделов достигается посредством изобразительного «призыва» к действующим сторонам или к обозначенным в тексте деноминациям и принципалам, с указанием сроков и порядка исполнения договорных обязательств [Hoffmann 1998: 536].

Прагматическая согласованность реализуется как через явное и неявное повторение ключевых положений и предмета регулирования, так и через семантические связи, формируемые лексическими средствами, принадлежащими к одному тематическому полю. К числу таких существительных относятся: *действующая сторона, принципал, договорные споры, соглашение, правила профессии* и др.; среди глагольных форм можно выделить: *поддерживать, выполнять, публиковать, обеспечивать, признавать, доставлять, оплачивать* и др.

Таким образом, внутренняя структурная организация и лексико-семантическая согласованность статей обеспечивают не только юридическую точность договора, но и его прагматическую цельность как особого типа официально-делового текста.

Если обратиться к лексическому уровню текста, то частое повторение существительных, глаголов и словосочетаний, таких как: *...действующая сторона, главное, обязательства, должны, обязаны* и т. д., свидетельствует об использовании терминологии законодательной сферы, и можно утверждать, что язык контракта располагается на грани законодательного языка, например: *Acting party obligations: The principal is obliged to ensure the production of promotional materials and promotional messages, according to Article 2 of the contract and deliver it beforehand... etc.*

Последняя или предпоследняя статья каждого договора озаглавлена Заключительные положения, и приводимое ниже заявление имеет декларативную функцию, например:

... This contract comes into effect and becomes effective when signed by the authorized representatives of both parties, and is applicable from ... to...

Окончательный сигнал договора обычно относится к числу копий:

This Agreement is made in 4 (four) copies, of which the acting party retains 2 (two) and principal 2 (two) copies.

Подписи адресата и адресанта следуют (при разговоре о контрактах их лучше называть коммуникаторами): ... Для актёрской партии... и.... для директора... Подпись имеет комиссив и обязывающую функцию, поскольку функция директивы проявляется в подписи в случае соответствия положениям договора, и обязательная функция отражается в необходимости выполнения положений подписанного договора.

Связность текста контракта отличается высокой степенью избыточности, что необходимо для юридической точности. Рассмотрим **английский текст**:

В **английском тексте** договора термины (**the Seller, the Buyer, the Goods**) повторяются в каждой статье, что исключает двумысленность и «цементирует» текст. Взамен личных местоимений (he, she), которые могут ослабить связность используются определительные местоимения и наречия (the said, here in after, here under), которые жестко связывают текущее положение дел с предыдущим контекстом.

В **таджикском контракте** («шартнома») помимо лексических повторов (**фурӯшанда, харидор**), активно используются синонимические замены для обозначения действий сторон, что позволяет избежать монотонности при сохранении семантической связности. Межфразовая связь здесь часто поддерживается изафетными конструкциями, которые на морфо-синтаксическом уровне «сшивают» семантически значимые блоки договора.

Example 1

This Contract is entered into on April 1, 2025, between ABC Ltd. (hereinafter referred to as “the Company”) and John Smith (hereinafter referred to as “the Contractor”). The Contractor agrees to provide consulting services in accordance with the terms and conditions set forth herein.

Лексико-семантические особенности

- Использование юридически закреплённых формул: This Contract is entered into, hereinafter referred to as, agrees to provide.
- Ключевая семантика обязательства выражена через глагол “agree”, который в контрактном дискурсе имеет юридически обязательную силу.
- Термины terms and conditions, services, Contractor относятся к специализированной правовой лексике.
- Отсутствие оценочной и эмоциональной лексики — текст ориентирован исключительно на фиксацию фактов и условий.

Стилистические особенности

- Официально-деловой, юридический стиль.
- Преобладание пассивных и безличных конструкций.
- Сложные синтаксические структуры, направленные на точность формулировок.
- Формальный, обезличенный характер изложения.

Пример на таджикском языке

Ин шартнома санаи 1 апрели соли 2025 байни ҶДММ «АВС» (минбаъд «Ширкат» номида мешавад) ва Ҷон Смит (минбаъд «Иҷрокунанда» номида мешавад) баста мешавад. Иҷрокунанда ӯҳдадор мешавад, ки хизматрасониҳои машваратиро мутобиқи шарту талаботи ҳамин шартнома пешниҳод намояд.

С точки зрения лексико-семантической связности различаются следующие особенности:

- Стандартная формула начала контракта: «Ин шартнома ... баста мешавад».

- Использование ключевого комиссивного глагола «ӯҳдадор мешавад», который прямо обозначает принятие обязательства.

- Юридическая терминология: шартнома, шарту талабот, хизматрасонӣ, иҷрокунанда.

- Чёткая номинация сторон с помощью клише минбаъд ... номида мешавад.

Стилистические особенности

- Строго официальный деловой стиль.
- Прямое выражение обязательств через активную форму глагола.
- Высокая степень нормативности и клишированности.
- Отсутствие разговорных и эмоционально окрашенных элементов.

Сравнительный анализ лексико-семантических средств связи жанра

«контракт»

Параметр	Английский язык	Таджикский язык
Название жанра	Contract	Шартнома
Выражение обязательства	agree to, shall	ӯҳдадор мешавад
Характер вежливости	Юридически нейтральный	Формально-обязательный
Лексика	Юридическая, стандартизированная	Юридическая, с арабо-персидским пластом
Синтаксис	Сложные, часто пассивные конструкции	Преимущественно активные формы
Культурная модель	Обезличенно-контрактная	Иерархически-нормативная

Контракт в английском и таджикском языках демонстрирует функциональное и жанровое сходство, обусловленное его юридической природой. Вместе с тем, анализ выявляет различия в языковых механизмах выражения обязательств: английский контрактный дискурс ориентирован на формально-нейтральные конструкции и пассивные формы, тогда как таджикский язык предпочитает эксплицитное обозначение обязательства через активные глагольные формы. Эти различия отражают национально-правовые и культурные особенности официальной коммуникации.

По мнению М. Хайнеманной, все характеристики текстового жанрового спонсорского контракта в основном связаны с процессом их производства и

приема, поскольку обе стороны (оба коммуникатора) пытаются реализовать свои цели, подписав договор. Однако, в отличие от большого количества текстовых жанров (и не только их), общение с спонсорскими контрактами не связано с процессом когнитивной оценки ситуации [Heinemann 1991: 92].

Для планирования и оценки всех действий, которые связывают цели и средства их реализации, так как содержание корпоративных контрактов схематично и стандартизировано. Поэтому они не оставляют коммуникаторам места и времени для индивидуальных оценок. Они следуют только прототипным шаблонам и коммуникаторы ведут себя в соответствии с этой моделью.

Схематические контракты представляют собой коды, характеризующиеся традиционно макроструктурированной формой, такой как наименование текстового жанра с указанием даты и подписи. Поэтому вводная и заключительная части контракта стандартизированы. Эта стандартизация распознаётся в повторении составных частей текста и языковых форм, известных в текстовой лингвистике как стиль текстового жанра. Такие исследователи, как Б. Зандиг [Sandig 1986: 194] и Хайнеман & Фивегер [Heinemann и др. 1991: 164], называют его типичным текстовым стилем или типичной формулировкой.

Контракт служит для поддержания связи между корпорациями и учреждениями и на макроструктурном уровне содержит следующие элементы:

Introduction	Corporation data
Signing the contract formulation	
Central part	Contract content
Conclusion Formulation on the number of copies of the contract	
Signature	

Как указывает Н. Иванетич: «В лингвистике текста восприятие отталкивается от гипотезы о том, что носители языка обладают интуитивным знанием о текстовых жанрах, используемых в повседневной жизни или

повседневной коммуникации, и об их прототипической структуре. Соответственно, носители языка должны также обладать интуитивным знанием об обычных ситуационных обстоятельствах текстовых жанров, их содержании, структуре фраз и текстовом дизайне» [Ivanetić 2003: 141]. Однако это предположение нельзя в полной мере применить к пониманию и восприятию жанрового контракта, поскольку носители языка, если они не работают в определённых организациях и не читают и не пишут контракты ежедневно, не обладают интуитивным знанием о его содержании, структуре фраз и структуре текста. Это область специализированных (законодательных) знаний. Однако коммуниканты этой специализированной области обладают подобным интуитивным знанием.

Помимо этого, контракты схематизированы, чтобы позволить коммуникантам незамедлительно интерпретировать необходимую когнитивную основу для понимания законодательного содержания. Использование жанрового контракта ограничено определённой областью коммуникации в организациях, то есть конкретными социальными сферами с присущими им нормами и кодексами. Социальные взаимодействия существуют в тех областях, которые содержат конкретные коммуникационные модели, согласно которым коммуниканты должны действовать [Heinemann 2000a: 36].

2.2.3 Лексико-семантические средства связи жанра

«уведомление о готовности»

Уведомление о готовности (англ. notice of readiness, тадж. огоҳнома дар бораи омодагӣ) относится к официально-деловым текстам и используется для формального информирования адресата о завершении определённого этапа работ либо о готовности объекта, услуги или документа к дальнейшему использованию. Коммуникативная цель данного жанра заключается не в выражении просьбы, а в констатации факта, имеющего юридическое, административное или организационное значение.

Уведомление о готовности представляет собой самостоятельный текстовый жанр, по своей структурной организации во многом схожий с договором. В ходе данного исследования было проанализировано более десяти образцов уведомлений о готовности, используемых в практике коммуникации многонациональных корпораций. На уровне макроструктуры эти тексты отличаются высокой степенью схематизации и стандартизации, что обеспечивает устойчивость формы, предсказуемость содержания и, как следствие, стабильность коммуникативных результатов.

Основная цель подобного уведомления заключается в том, чтобы обязать участников коммуникации — адресанта и адресата — перейти на следующем этапе к подписанию и реализации другого текстового жанра, а именно контракта, который фиксирует договорённости сторон и предусматривает выполнение определённого действия или услуги. По классификации Л. Хоффмана, уведомление о готовности относится к текстовым жанрам двустороннего комиссивного типа, что объясняется [Hoffmann 1998: 402]:

1. Коммуникаторы являются адресантом, который, используя директивы и обязательные заявления, попытка навязать адресату поведение, которое впоследствии фиксируется через контракт. Как адресант текста, так и адресат требуют выполнения определенных договоров, которые будут определены посредством юридических формулировок договора.

2. Основное коммуникативное намерение уведомления о готовности заключается в установлении взаимно обязательных отношений между адресантом и адресатом, что предполагает последующее подписание юридически обязывающего договора. Таким образом, уведомление выполняет функцию прагматического связующего звена между предварительной договорённостью и формализацией обязательств в виде контрактного документа.

3. Базовый коммуникативный процесс уведомления о готовности — обязательный по своему характеру и протекает в соответствии с теми соглашениями, к которым пришли стороны. Он не только подтверждает

готовность к действию, но и придаёт юридическую силу намерениям, закреплённым в тексте.

4. Сама ситуация извещения о готовности сводится к определению режимов поведения сторон.

5. Субъект сообщения действует в рамках того, что прописано в уведомлении о готовности.

Уведомление о готовности нужно для того, чтобы установить взаимное доверие между адресантом и адресатом — на этом доверии затем строится дальнейшее взаимодействие в форме договора. Получается, что у такого уведомления есть преддоговорная функция: уже на стадии его оформления закладываются будущие условия предстоящего соглашения.

Иногда некоторые корпоративные действия так и ограничиваются уведомлением о готовности, не доходя до следующего шага — заключения контракта. Это означает, что коммерческое сотрудничество может осуществляться на основе уведомления о готовности, которое, по своей сути, приобретает характер соглашения, а не просто предварительного извещения.

Вводные сигналы уведомления о готовности идентичны структуре договорного текста: они включают сведения об адресанте и адресате, почтовые и электронные адреса, регистрационные номера, а также иные идентификационные данные сторон.

Функция данного текстового жанра чётко обозначается заглавием, которое указывает на юридическую природу документа и его функциональную направленность. Следовательно, с прагматической точки зрения, уведомление о готовности может рассматриваться как форма двустороннего соглашения, регулирующая отношения между участниками коммуникации без необходимости заключения отдельного контракта.

Вводные сигналы уведомления о готовности такие же, как и в договоре (информация об адресанте и адресате, адреса, регистрационные номера и т.д.), а функция текстового жанра обозначается заглавием: *Уведомление о готовности между ХХ и У...*

Этот текстовый жанр является монотематическим, потому что он касается не только одной функции текста (согласовать условия, которые будут оговорены и зафиксированы позднее в договоре), но в нем есть только одна тема (предварительное заключение). За заголовком следует формулировка, которая выражает содержание или цель уведомления о готовности. Все это представляет собой вводную часть текста.

Как упоминалось выше, тема текста закреплена во вступительной части и в основном зависит от функции текста. Таким образом, он определяет язык, потому что от него зависит разнообразие лексики. Корреляция между тематическими и языковыми выражениями даёт когнитивное предсказание лексем, которое будет использоваться в тексте [Ivanetić 2003: 50]. Поэтому вводная часть текстового жанра уведомления о готовности проектирует использование лексики из семантической области законодательства - договорных условий.

Далее, есть одно заявление:

...The parties agree to the following: ..., с последующим формулированием для адресанта и адресата функции, имеющей право, как XX's obligations или YY's obligations.

Это представляет собой центральную часть текста, которая выражает основную тему текста. Согласованность вводной и центральной части заключается в ссылке на наименование сторон в названии (Notice of readiness between XX and YY) и синтагму в центральной части: ...The parties agree to...

Н. Иванетич обозначает, что функция текста определяет способ описания темы. Лингвистическая теория текста выделяет приблизительно четыре модальности описания темы: описательную, нарративную, аргументативную и экспликативную. Также он определяет, что текстовые жанры редко включают лишь один способ описания [Ivanetić 2003: 51]. На практике текстовые жанры, как правило, сочетают два способа описания темы.

В тематическом описании уведомления о готовности преимущественно используется аргументативный метод. В основе аргументации лежит тезис и аргумент, поскольку аргументации не существует, если нет данных, подтверждающих предположения. Кроме того, К. Brinker определяет, что в аргументативных текстах нередко отсутствуют эксплицитные данные, подтверждающие тезис и выводы текста, однако они выступают скорее имплицитными частями аргументационного дискурса и могут быть сделаны более эксплицитными посредством анализа аргументации [Brinker 1997: 74].

В отличие от договоров, *уведомление о готовности* не имеет чётко выраженной структуры, разделённой на статьи или пункты. Вместо этого документ содержит описание обязательств обеих сторон, фиксируя взаимное признание готовности к выполнению определённых действий.

Заключительная формула уведомления по своей форме и функции аналогична завершающим положениям контракта. Покажем это на стандартной формулировке:

“This notice of readiness is made in 2 (two) identical copies, each party retains one, and all changes and additions must be presented in written form and be signed by both parties.”

Эта формула выполняет директивную функцию: она напрямую предписывает порядок оформления документа и закрепляет обязательный характер взаимных действий сторон. Подписи обеих сторон придают тексту юридическую силу и подтверждают согласие с его содержанием — точно так же, как при подписании контракта.

Структурно уведомление о готовности можно представить так:

- INTRODUCTION CORPORATION DATA;
- FORMULATION OF CONTENT DESCRIPTION;
- CENTRAL PART NOTICE OF READINESS CONTENT;
- CONCLUSION FORMULATION ON THE NUMBER OF COPIES OF THE CONTRACT;
- SIGNATURE.

Иными словами, уведомление о готовности соединяет в себе элементы информативного и директивного дискурса, сохраняя юридическую силу и функциональное сходство с контрактом. Это и позволяет рассматривать его как переходную форму — между преддоговорным документом и обязательным соглашением.

Приведенные ниже примеры наглядно иллюстрируют, что в английском и таджикском языках в текстах уведомлений важную роль играют союзы, задающие логику сообщения.

В английском тексте:

*“We would like to inform you that the meeting was postponed. **However**, all previous arrangements remain in force.”*

Противительный союз **However** (Однако) выступает как логический мостик, связывающий две части информации и указывающий на характер их отношений (противопоставление).

В таджикском тексте:

“Ба маълумоти Шумо мерасонем, ки вохӯрӣ ба мавқуф гузошта шуд. Вале тамоми мувофиқаҳои қаблӣ эътибори худро нигоҳ медоранд.”

Союз **Вале** (Но/Однако) выполняет аналогичную функцию текстовой связки, обеспечивая логическую последовательность изложения мыслей адресанта.

В английском и таджикском языках данный жанр характеризуется чёткой фактуальностью, стандартной структурой и отсутствием оценочности, однако различается по способам лексико-грамматического оформления сообщения о готовности.

Пример на английском языке:

This is to inform you that the project documentation is complete and ready for submission as of April 5, 2025.

Лексико-семантические особенности

- Стандартная формула официального уведомления: “This is to inform you that...”.

- Ключевая семантика готовности выражена прилагательным “ready”, которое в данном контексте имеет процессуально-результативное значение.

- Использование нейтральной деловой лексики: project documentation, complete, submission.

- Чёткая временная фиксация факта: as of April 5, 2025.

Стилистические особенности

- Официально-деловой регистр.

- Безличный характер сообщения.

- Простая синтаксическая структура, обеспечивающая однозначность интерпретации.

- Отсутствие директивных или оценочных элементов.

Пример на таджикском языке:

Бо ҳамин шуморо огоҳ менамоем, ки ҳуҷҷатҳои лоиҳа пурра омода буда, аз санаи 5 апрели соли 2025 барои пешниҳод омода мебошанд.

Лексико-семантические особенности

- Формула официального уведомления: «бо ҳамин шуморо огоҳ менамоем», соответствующая английскому this is to inform you.

- Семантика готовности выражена сочетанием «пурра омода буда».

- Деловая терминология: ҳуҷҷатҳои лоиҳа, пешниҳод.

- Эксплицитное указание на завершённость процесса.

Стилистические особенности

- официально-деловой стиль с допустимой формальной вежливостью;

- активная глагольная форма (огоҳ менамоем), которая подчёркивает ответственность адресанта;

- чёткая, логически завершённая структура предложения.

Сравнительный анализ лексико-семантических средств связи жанра «уведомление о готовности»

Параметр	Английский язык	Таджикский язык
Основная функция	Информирование	Информирование
Формула начала	This is to inform you...	Бо ҳамин шуморо огоҳ менамоем...
Выражение готовности	ready, complete	пурра омода
Синтаксис	Безличные конструкции	Активные формы
Степень формальности	Строго нейтральная	Формально-вежливая
Культурная специфика	Фактологичность	Ответственное уведомление

Как видим, жанр уведомления о готовности в английском и таджикском языках функционально близок: и там и там его держит информативная установка. Различия касаются прежде всего грамматических средств, которыми передаётся факт готовности: английский язык склоняется к безличным конструкциям, а таджикский — к активным формам, где субъект сообщения выходит на первый план. Эти особенности отражают специфику национальных моделей официальной письменной коммуникации.

Большое количество текстовых жанров (или их текстовых частей) демонстрируют типичные языковые шаблоны, или, как указывает К. Адамчик [Adamzik 2000: 28], тексты, которые являются стереотипами для определенных коммуникативных ситуаций со стандартизированными и частично фиксированными языковыми структурами и клише-клишеотъявленные выражения и синтагмы, которые всегда можно использовать для аналогичных коммуникативных ситуаций [Drescher 1994: 94].

Типичные языковые формулировки, слова или предложения могут обозначать типичный текстовый жанр без контекста.

В случае текстового жанра «уведомление о готовности» формулировка *...The parties agree to..* служит вышеуказанной цели, а также синтагмам *...Sender's obligations...* и *...Recipient's obligations...* или (как в некоторых текстовых примерах) *...Obligations of Party 1...* и *...Obligations of Party 2...*, или обозначение названий заинтересованных сторон, например *...XX's obligations and YY's obligations...*

На языково-стилистическом уровне лексико-семантических средства связи в тексте уведомления о готовности характеризуется преимущественным использованием глагольных форм, отражающих аспект выполнения или невыполнения действия. В текстах такого типа особенно часто встречаются глаголы со значением обязательности, действия и договорного исполнения: *must, sign, agree, be committed, be bound, be obliged, prepare, do* и др. У этих лексем модально-директивная роль — они выражают принуждение, предписание или юридическую необходимость.

Помимо глаголов, постоянно работают существительные и устойчивые обороты, которые подчёркивают обязательный характер действий сторон после подписания уведомления о готовности. Среди самых частых — *obligation, agreement, obligations of the recipients, obligations of the senders* и подобные.

Эти лексемы складываются в семантическое поле обязательности и отражают правовую направленность текста. Широко представлена и собственно юридическая лексика: *parties, identical copies of notice of readiness, must be signed by both parties, must be presented in written form* и т. п. Они придают документу официально-юридический характер и закрепляют за уведомлением статус правового акта.

Следует отметить, что в уведомлениях о готовности не используются сокращения, аббревиатуры и англицизмы, что вполне оправдано: подобные тексты требуют максимальной точности формулировок и исключения двусмысленности. Поэтому все сведения, включая имена, адреса и реквизиты, приводятся полностью, что соответствует требованиям официально-делового стиля и нормам международной юридической коммуникации.

Результатом всех упомянутых характеристик «уведомления о готовности» как текстового жанра (ситуационного контекста, функции текста, содержания, структуры, языковых структур и семиотических характеристик) и их сочетания становится функциональный стиль данного текста. M. Ivanetić отмечает: «Стиль текста всегда представляет собой социально значимый

способ реализации языка, при котором адресант и адресат действуют (через язык, его структуры и их сочетания) в соответствии с принятой нормой» [Ivanetić 2003: 55].

Что касается функционального стиля «уведомления о готовности», то в этом тексте преобладает административно-деловой стиль, граничащий с научным.

2.3. Анализ лексико-семантических средств связи в односторонних комиссивах

2.3.1. Лексико-семантические средства связи в жанре «предложение»

Односторонние комиссивы (обязательства) (Unilateral Committives / Undertakings) представляют собой особый тип официально-деловых текстов, в которых один субъект коммуникации принимает на себя обязательство выполнить определённое действие без встречного обязательства со стороны адресата. Данный жанр широко используется в административной, юридической и корпоративной практике (гарантийные письма, обязательства о выполнении работ, письменные заверения).

В соответствии с направлением обязательства в текстовых жанрах мы различаем односторонние комиссивы или обязательства [Ivanetić 2003: 73]. Для этого исследования текстовый жанр предложения, используемого в качестве средства связи, а также текстового жанра авторизации/утверждения анализируются как типичные жанры организационного текста, которые относятся к текстовому подтипу односторонних комиссий.

N. Ivanetić считает, что текстовые жанры подтипа односторонних комиссивов, или императивов, представляют собой тексты, в которых адресант принимает обязательства по отношению к другому участнику коммуникации [Ivanetić 2003: 73]. К текстовым жанрам, выполняющим обязательную функцию в рассматриваемых нами языках, относятся: разрешение / лицензия, предложение, утверждение, гарантия, поручительство и иные.

В рамках данного исследования в качестве текстовых жанров, выполняющих обязательную функцию в управлении организацией, анализировались лексико-семантические средства связи в «предложении» и «утверждении». Существует значительное количество текстов, используемых в организационной коммуникации и выполняющих обязательные функции. Причина кроется в самой природе организаций, которым необходимо общаться с общественностью посредством обязательных текстов и, среди прочего, организовывать и осуществлять мероприятия, связанные с образованием в области управления.

Для исследования в данном разделе работы анализировались лексико-семантические средства связи типичные текстовые жанры с обязательной функцией, которых выступают тексты жанра «предложения» и «разрешения / одобрения».

Текстовый жанр предложения в данном исследовании также не является прототипом, поскольку средством коммуникации выступает электронная почта. Предполагается, что эти тексты были адаптированы для переписки по электронной почте. Внутрипрофессиональная горизонтальная коммуникация осуществляется в рамках контактов с общественностью, а также связи общественности с организациями. Текстовый жанр предложения выполняет функцию одностороннего текстового подтипа в процессе внутрипрофессионального, внутреннего и внешнего общения. Все проанализированные тексты демонстрируют, что они применяются в межпрофессиональной горизонтальной и внешней коммуникации.

Коммуникативная функция односторонних комиссивов заключается в декларации намерения и юридической фиксации ответственности, что придаёт тексту нормативный и регулятивный характер.

Пример на английском языке:

I hereby undertake to complete the required documentation and submit it to the Department by May 1, 2025.

Текстовый жанр «предложение» (англ. offer / proposal, тадж. пешниҳод) относится к официально-деловым жанрам институциональной коммуникации и используется для инициирования возможного взаимодействия между сторонами. В отличие от комиссивов, предложение не фиксирует обязательство в одностороннем порядке, а создаёт потенциальное обязательство, реализация которого зависит от принятия адресатом.

«Предложение» классифицируется как одностороннее комиссивное или обязательное по следующим причинам [Hoffmann 198: 538]:

1. Существует два адресанта, в которых адресант предоставляет адресату услуги и продукты,
2. Основная коммуникативная цель предложения состоит в том, чтобы связать адресата к сотрудничеству.
3. Фундаментальный коммуникационный процесс предложения – презентация и приверженность к сотрудничеству.
4. Коммуникативной ситуацией предложения является предложение товаров и услуг с расчетом на то, что они будут приняты и что адресат будет обязан их реализовать.
5. Предметом сообщения является презентация товара или услуги и, следовательно, предприятия.

Через текст рассматриваемого жанра адресант представляет адресату товар, услугу, проект или процесс и дает основную информацию о предлагаемом предмете. Таким образом, после введения формульных выражений вводится тема предложения, а первый раздел, в котором перечисляются основные сведения о продукте или услуге, выполняет информативную функцию. На лингвистическом уровне часто встречаются такие словосочетания, как *special offers*, *great offers*, *special occasions* и т. д. Подобные синтагмы призваны подчеркнуть уникальность и качество предлагаемых семинаров. Это можно проиллюстрировать следующими примерами: для иллюстрации этого можно привести следующие примеры:

... Can be promoted as an international media partner...

... Rafael and Lara also offer a video presentation that will be located in the waiting room, where video material can be presented ... etc.

Формулировки с глаголами *to promote, to present, to give, to offer*, и т.п., выразить обязательство адресанта реализовать предмет предложения. Это центральная часть текста. Приветствие, так как окончательная формулировка коротка, так как она распространена в электронной почте.

Коммуникация посредством предложений текстового жанра может реализовываться в различных направлениях — горизонтально и вертикально, а также в формах симметрического и асимметрического взаимодействия.

Анализ эмпирического материала, проведённый в рамках данного исследования, показал, что предложения корпоративных текстовых жанров никогда не направляются от высшего руководства к нижестоящим структурам, а функционируют преимущественно на уровне среднего управленческого звена, то есть в симметричной горизонтальной коммуникации. Это свидетельствует о равноправном характере профессионального обмена информацией между сотрудниками, находящимися на схожих организационных уровнях.

На прагматико-коммуникативном уровне рассматриваемый текст утверждает просьбу, которая исходит от адресата: фактически он наделяет адресата правом совершить определённое действие или воспользоваться какими-то ресурсами, предметами либо услугами. Перед нами пример внутренней корпоративной коммуникации, организованной по нисходящему вертикальному принципу (*top-down*), типичному для иерархических структур.

Как отмечалось ранее, все исследованные коммуникационные акты исходят от представителей среднего звена и направлены к общественности или коллективу, что обусловлено иерархической структурой организации. Формулировки обращений при этом подчинены плановой стратегии корпоративного взаимодействия, цель которой — удовлетворение интересов и информационных потребностей целевой группы адресатов.

Впоследствии адресант текста обычно ссылается на семинар, который уже был проведен. Таким образом, основное внимание в этом заявлении уделяется прошлому, что свидетельствует об успехе предыдущих семинаров, например:

... Dear translators, after the memorable 80th course N8 (perfect 8), Nora and Jack continue with IT IN29 Translation with the help of TRADOS translation memory-training... или

... Once Nora and Jack have learned a lot in the course, they can further ... and so on, eg. E21, we can proceed successfully.

Цель информативного заявления заключается в выполнении функции саморекламы, которая реализуется посредством оценочных формулировок, таких как “великолепный курс”, “совершенный курс”, “успешный курс” и т. д. Эти выражения выполняют прагматическую задачу привлечения внимания адресата, создавая положительный образ организатора и его профессиональной компетенции. Функция саморекламы направлена на активацию познавательного пространства адресата, стимулируя его к рефлексии о качестве и пользе ранее пройденных курсов, а также к формированию положительного ожидания от участия в последующих мероприятиях. Тем самым создаётся мотивационная установка, побуждающая адресата принять участие в новом курсе, который предполагает ещё более высокий уровень знаний и качества обучения.

Подобные информативные заявления представляют собой центральный элемент текстового предложения, поскольку они одновременно информируют, оценивают и побуждают. В большинстве случаев такие тексты выполняют предложную (promotional) функцию, предлагая участие в дополнительных семинарах, тренингах или круглых столах, тем самым расширяя границы профессиональной коммуникации и формируя континуитет образовательного взаимодействия.

Эти переходные формулировки и лексико-семантические средства связи для утверждения с чисто обязывающей функцией могут включать:

... Therefore, in order to improve the level of quality and productivity of our translators, we recommend seminars such as ...etc.

Затем заявление обращается в будущее и, таким образом, предлагает новый семинар. Это выражается в таких формулировках, как:

... So this is a special offer ... или

... That's why we have an excellent opportunity for you to ... etc.

На лингвистическом уровне фразы, такие как *special offers, great offers, special occasions*, etc. часто встречаются. Такие синтагмы хотят подчеркнуть уникальность и качество предлагаемых семинаров.

Другими словами, адресат имеет привилегированные и особые отношения с компанией или учреждением и может получить это особое и очень выгодное предложение только потому, что только для него организатор обучения и потому, что он уже много раз посещал этот семинар. Цель этого словосочетания - заставить адресата почувствовать себя особенным и заставить его заплатить за новый семинар. За этим следует заявление о специфике предложения, которое и составляет суть текста. Цель такого заявления состоит в том, чтобы взять на себя обязательство предоставлять скидки в случае покупки продукта или аналогичное условие, когда вы регистрируетесь на участие в образовании.

На лингвистическом и стилистическом уровнях данный текст характеризуется преимущественным использованием зависимых и независимых конструкций — как окончательных, так и условных типов. Такая синтаксическая организация отражает структурную сложность профессионального дискурса и способствует логическому развертыванию аргументации.

На лексическом уровне видно, что в таких текстах закреплены термины и выражения из профессиональной сферы перевода — *translator, translation memory, translation tools, IT-instruments* и др. Они задают тематику и переводят текст в режим специализированного профессионального общения.

Характерно для этой разновидности текстов и обилие аббревиатур и акронимов (TRADOS, IT и т. п.), а также англицизмов, что вообще типично для современного лингвистического дискурса в области перевода и информационных технологий. У таких заимствований две функции — номинативная и прагматическая: они называют конкретные инструменты и процессы, у которых нет полных эквивалентов в национальной терминологии, и одновременно придают тексту международный и технологически окрашенный оттенок.

Технические фразы, сокращения и англицизмы создают эффект большей компетентности и компетентности адресанта. Если рассмотреть ситуацию, функцию, содержание, структуру текста и структуру синтагм и предложений, а также семиотические характеристики (типографику и визуальный дизайн текста) текстового жанра предложения, используемого в данном конкретном социальном контексте — предложении проведения образовательных семинаров и мастер-классов для переводчиков в конкретной корпорации, — следует отметить, что преобладающим стилем текста является административно-деловой.

Стандартные формулировки касаются интересов/целевой группы адресатов, т.е. потребителей услуг, как это отмечается при формулировании адресата. Или, некоторые примеры текстов не включают эти стандартные формулировки, но мы можем когнитивно воспринимать имена и данные о адресатах из контекста.

После этого адресант обычно предлагает некоторые услуги клиентам (клиентам, адресатам), поэтому заявление фокусируется на будущем, вызывая возможную радость в потреблении предложения.

Самореклама направлена на освобождение адресата когнитивного пространства для размышлений о красоте и качестве, полученных через описательные и красочные фотографии красивой природы, как *islands, blue see, green waterfalls*, и он предназначен для подготовки туристов или клиентов к посещению туристических курортов.

Такие заявления являются предметом предложения и вводной части, поскольку они вводят центральную часть текста и предлагают конкретные туристические и гостиничные услуги в предложении с обязательством функции:

... To meet your needs and interests, our organization has prepared an offer for you and your relatives at our BigWig club in England ...etc. or

... Alex and his workers believe they can fulfil your desires with special hotel offers for the following periods... etc.

Заявление относится к будущему и, таким образом, предлагает услуги гостеприимства. Это выражается в строительстве, таких как:

... Wilson's BigWig club offers a wellness week... или ... Don't miss this opportunity... etc.

Синтагмы такие как *special offers, great offers, excellent offer*, и т.п. подчеркнуть уникальность и качество цен и услуг, предлагаемых туристам. Таким образом, адресаты получают информацию о том, что им предоставляются низкие цены и отличные услуги. За этим обычно следует заявление по конкретному содержанию предложения, которое в то же время является центральной частью текста, примеры формулировок, характерных для данного типа текстов, можно представить следующим образом:

*Inclusive: 5 nights in a double room with full board at Wilson's...
5 nights single room with 2 complimentary wellness treatments...
A week spent on a Wilson's half board with the following offer that includes:
Aquapura Full Body Massage (45 min) + TUI na Energetic-Chinese Massage +
Multivitamin Facial Treatment...*

Цель таких заявлений заключается в том, чтобы обязать адресанта предоставить адресату — потенциальному клиенту — особо привлекательные предложения при приобретении определённого продукта или пакета услуг. Данная коммуникативная установка отражает комиссивную функцию, выражающую обязательство одной стороны выполнить конкретное действие при наступлении определённых условий.

В то же время в таких текстах можно проследить имплицитную директивную функцию, направленную на стимулирование поведения адресата, побуждающего его к покупке или заказу услуги. Подобные элементы часто выражаются через формулировки типа:

“1 wellness treatment gratis: aromatherapy massage of the body and head...”

“Q10 facial treatment gratis included in this offer...”

На лингвистическом и стилистическом уровнях тексты данного жанра построены преимущественно на зависимых и явных независимых предложениях окончательного типа, что придаёт им завершённость и логическую структурность.

На лексическом уровне преобладает использование терминов и устойчивых выражений, относящихся к сфере туризма и гостеприимства, таких как: *single room, double room, half board, full board, gratis, inclusive, all-inclusive* и др. Помимо этого, в текстах активно применяются аббревиатуры, акронимы и числовые обозначения, например: TUI, incl., 3 drinks, 1 welcome drink, 14 nights, 5 stays и т. д. Эти элементы создают ощущение точности, компактности и профессиональной компетентности, а также приближают текст к рекламно-коммерческому дискурсу, ориентированному на клиента. Использование специализированной лексики, цифровых обозначений и сокращений формирует эффект профессиональной убедительности (*getting to the client competence*) и отражает коммуникативную компетентность автора, владеющего языком отрасли.

В целом, преобладающим стилем таких текстов является административно-деловой, однако он нередко сочетается с элементами лексики и стилистики туристического и гостиничного дискурса, что придаёт текстам гибридный характер — сочетание официальной точности с маркетинговой экспрессивностью.

Заключительные формулировки не представлены.

Наконец, можно отметить, что текстовое предложение жанра служит коммуникации корпораций, учреждений и учебных заведений, и все

проанализированные примеры демонстрируют одни и те же макро-структурные элементы:

Introduction- Header

Addressing (neutral, to a person or target group)

(Reference to a past event)

Central part Description of the offer

Advertising

Conclusion Salutation (optional)

Signature (optional)

На лексическом уровне структура предложения реализуется преимущественно в центральной части текста, в сегменте, посвящённом описанию предложения. Здесь наблюдается частотное использование лексем и фраз, типичных для сферы продаж, поставок и услуг, например: *great offer*, *special offer*, *unique opportunity* и др. Повтор подобных выражений выполняет прагматическую функцию усиления воздействия на адресата и способствует формированию оценочно-положительного образа предложения.

Кроме того, в текстах данного типа широко применяются аббревиатуры и числовые обозначения, что придаёт высказыванию точность, информативность и лаконичность, соответствующие требованиям профессиональной коммуникации.

Лексический материал нередко включает термины и фразы из специализированных профессиональных областей, что указывает на многоотраслевой характер коммуникации. Так, зафиксировано использование элементов из:

- научно-технического языка (в текстах компаний *INA* и *HSUP*), относящихся к сфере нефтегазовых технологий;
- языка переводческой профессии (в текстах *integra*), содержащих термины и обозначения инструментов переводческой деятельности;

- лексики туризма и гостеприимства (в текстах *falkensteiner hotels and residences*), представленной сочетаниями, отражающими специфику сервисного и рекламного дискурса.

На синтаксическом уровне в центральной части текстов, в сегменте описания содержания, отмечено активное использование явно независимых, зависимых и условных клаузул, что создаёт динамическую структуру высказывания и способствует точному выражению временных, причинно-следственных и условных отношений между компонентами текста.

Коммуникативная цель данного жанра заключается в формулировании условий, возможностей или вариантов сотрудничества, при этом текст сочетает информативную и побудительную функции, оставаясь в рамках формального делового стиля.

Пример на английском языке:

We would like to propose providing training services to your organization under the terms outlined below.

Лексико-семантические особенности

- Формула “We would like to propose” представляет собой стандартный маркер предложения в английском официально-деловом дискурсе.

- Использование модальной конструкции *would like* снижает директивность и подчёркивает ненавязчивый характер инициативы.

- Лексика носит нейтрально-деловой характер: *propose, providing services, organization, terms*.

- Семантика потенциальности выражена через условность и отсутствие временной фиксации обязательства.

Стилистические особенности

- Официально-деловой регистр с элементами вежливой модальности.

- Преобладание активных конструкций.

- Синтаксическая компактность и логическая завершённость предложения.

- Отсутствие категоричности и императивности.

Пример на таджикском языке:

Мо пешниҳод менамоем, ки ба ташкилоти Шумо хизматрасониҳои омӯзиширо тибқи шартҳои дар поён зикршуда пешниҳод кунем.

Лексико-семантические особенности

- Ключевой глагол «пешниҳод намудан» является основным средством выражения инициативы в таджикском деловом дискурсе.

- Формула *мо пешниҳод менамоем* подчёркивает коллективный характер субъекта предложения.

- Деловая терминология: ташкилот, хизматрасониҳои омӯзишӣ, шартҳо.

- Семантика возможности и потенциальности чётко выражена, без фиксации обязательств.

Стилистические особенности

- Официально-деловой стиль с допустимой формальной вежливостью.

- Активная форма изложения.

- Логическая последовательность и нормативная завершённость высказывания.

- Отсутствие экспрессивных элементов.

Сравнительный анализ лексико-семантических средств связи жанра «предложение»

Параметр	Английский язык	Таджикский язык
Название жанра	Offer / Proposal	Пешниҳод
Основная функция	Инициация сотрудничества	Инициация сотрудничества
Маркер предложения	would like to propose	пешниҳод менамоем
Степень обязательности	Потенциальная	Потенциальная
Стилистическая тональность	Вежливо-нейтральная	Формально-деловая
Культурная специфика	Смягчённая модальность	Прямая, но нормативная

Сопоставительный анализ лексико-семантических средств связи жанра «предложение» в английском и таджикском языках показывает, что при общем функциональном назначении различия проявляются в модальных стратегиях выражения инициативы. Английский язык склонен к использованию условных и смягчающих форм, тогда как таджикский язык предпочитает более прямую, но нормативно оформленную подачу предложения. Эти особенности отражают различия в коммуникативных традициях и нормах делового взаимодействия.

Таким образом, анализ лексико-синтаксической организации показывает, что данные тексты сочетают информативность, рекламную направленность и профессиональную терминологическую насыщенность, отражая специфику современного делового и институционального общения в многоотраслевом контексте.

2.3.2. Лексико-семантические средства связи в жанре

«авторизация/утверждение»

Жанр «авторизация / утверждение» (англ. authorization / approval, тадж. иҷозат / тасдиқ) относится к официально-деловым текстам регулятивного характера и используется для формального подтверждения правомерности действий, документов, решений или процедур. В рамках институциональной коммуникации данный жанр выполняет функцию легитимации, то есть придания юридической и административной силы ранее инициированным действиям.

Как показывают исследования, хоть и имеет место генетическое различие (разные ветви индоевропейской семьи), и английский и таджикский языки обладают общую целесообразность при использовании средств авторизации — подтверждение и утверждение истинности информации и указание на источник высказывания в тексте. При этом, средства связи для достижения этой цели разнятся: если в английском языке преобладают модальные глаголы и аналитизм, то в таджикском средствами связи являются лексические вставки и аффиксация.

«Авторизация/утверждение» как жанр текста относится к комиссивным типам текста, подтипам односторонним комиссиям, потому что:

1. Есть адресант текста, который предоставляет адресату запрашиваемый продукт или услугу;

2. Основной коммуникативный объект авторизации - обязать адресанта выполнить запрос адресата;

3. Основной коммуникативный процесс - обещание какого-либо действия обязательство;

4. Коммуникативная ситуация при использовании авторизации/одобрения заключается в том, чтобы обязать адресанта получить то, что просят, и сделать то, что просят;

5. Коммуникативный объект данного текстового жанра заключается в одобрении запрашиваемого действия или решения в пользу адресата сообщения. Именно этот аспект определяет деловую сущность коммуникации и формирует основу для успешной реализации проекта.

Жанр авторизации (или утверждения) как особый вид текста встречается исключительно в рамках корпоративной коммуникации, в частности, в практике компании *INA*. В данном контексте авторизация выполняет функцию официального подтверждения, согласования или санкционирования действия, предложенного другой стороной.

В системе корпоративного дискурса текст авторизации представляет собой реактивный жанр, то есть является ответом на предварительный запрос об утверждении. Этот запрос, в свою очередь, относится к директивным текстовым жанрам, поскольку выражает побуждение к действию — просьбу, предложение или требование одобрить определённую инициативу.

Таким образом, авторизация занимает промежуточное место между директивными и комиссивными жанрами, поскольку одновременно реализует волеизъявление и фиксирует согласие на выполнение действий, что делает её неотъемлемым элементом внутриорганизационной коммуникации и механизма принятия корпоративных решений.

Разрешение/утверждение текстового жанра ограничивается коммуникационным доменом корпорации со всеми характеристиками такого домена, как ответ на запросы, данные в той же ситуации связи. Цель разрешения/утверждения состоит в том, чтобы удовлетворить потребности адресата и обязать обоих коммуникаторов к реализации. Направление реализации идет от мира к словам, а психологическое отношение текстовика состоит в его намерениях действовать согласно социальным (организационным) нормам.

М. Ivanetić предполагает, что текстовые жанры, используемые в организационной коммуникации, необходимо анализировать в соответствии с намерениями адресанта и текстовыми функциями. Прагматическая структура жанра авторизации раскрывается через экспликацию категорий субъекта, объекта и адресата легитимирующего действия [Ivanetić 2003: 169].

Разрешение/утверждение имеет уникальное значение, является весьма четким и обязательным для обоих коммуникаторов. На прагматико-коммуникативном уровне такой текст утверждает просьбу, исходящую от адресата, — то есть даёт ему разрешение совершить определённое действие или воспользоваться какими-то ресурсами, предметами или услугами. Подобные тексты — пример внутренней корпоративной коммуникации, организованной по принципу вертикального, нисходящего (top-down) взаимодействия, привычного для иерархической структуры компаний.

Открывается такой текст обычно нейтральным обращением (например, Respected...), за которым идёт указание темы документа. Так и складывается вежливый, институционально выверенный тон, отвечающий нормам официально-делового стиля.

Функцию текста и его предметную сигнализацию задают исполнительные предложения и синтагмы с существительными, обозначающими одобрение или разрешение, — permission, approval. Самые типичные формулировки

— Subject: Permission to use the hall...;

- Subject: Approval for the purchase of books/technical literature...;
- Subject: Approval of travel expenses payment for attending the conference to be held in...

У этих оборотов институционально-прагматическая роль: они однозначно обозначают цель коммуникации и характер действия, на которое распространяется одобрение.

Таким образом, текст жанра авторизации функционирует как официальное средство передачи решения, обеспечивающее ясность, однозначность и юридическую валидность в корпоративной и административной переписке.

Перформативы здесь работают на одно — усиливают ощущение профессионализма, столь характерное для жанров со схематичной формой, которые ходят внутри организаций. В этой части документа разворачивается директивный дискурс, задействующий уже знакомые формулы — ...permission to use..., ...approval of travel expenses... и т. п.

Получается, что разрешения и утверждения мы понимаем как особые обязательные жанры: о том, что они таковы, знают и адресант, и адресат, а порой это специально подчёркивается отдельными конструкциями — например: «Special permission is requested to...» или «High level approval is presented to...».

Коммуникативная функция этих утверждений на лингвистическом уровне достигается путем использования глаголов в пассивном голосе для выражения согласия, например, is granted, is made available, is given, is realized, is allowed, is received, is offered, etc. Approvals/permits only list data in a short and clear form, presented as in the request, together with the amounts if required, for example:

... For the purposes of the presentation 21,000kn will be granted as a short-term... или

... The optimal amount is 1,200 pieces of plastic coated... etc.

За такой формулировкой обычно идёт финальное приветствие и подпись — это уже зона завершения текста. Один из наглядных примеров внутреннего вертикального и внутрикорпоративного общения — та коммуникация, которую мы разбираем в нашей работе на материале жанра «утверждение». Если взглянуть внимательнее, авторизация / утверждение как текстовый жанр имеет следующие макро- и микротекстовые черты. На лексическом уровне в тематическом заголовке используется глагол *to permit* — именно он и выражает акт одобрения, без которого нельзя ни оказать услугу, ни допустить пользование продуктом. Сам выбор этого глагола показывает комиссивную направленность текста и то, что он принадлежит к разрешительным документам, фиксирующим согласие на определённые действия.

Содержательная часть разрешения опирается на лексику нефтегазовой отрасли, что говорит и о профессиональной специфике коммуникации, и об отраслевом контексте взаимодействия. При этом, несмотря на терминологическую насыщенность, аббревиатур и англицизмов здесь почти нет — и это объяснимо: текст должен быть точным, однозначным и формально нейтральным, а это базовые требования официально-делового стиля и корпоративной документации.

Таким образом, выбор лексических средств в текстах данного жанра определяется необходимостью одновременного соблюдения юридической строгости и отраслевой конкретности, что делает их эффективным инструментом внутрикорпоративной прагматической коммуникации.

Номера обычно помещаются в центральной части текста, особенно в ведомостях, утверждающих запрашиваемую сумму наличными или продукты и услуги по их цене, например:

... 21,000kn short-term, 1.200 pieces of tubular plasticcoated gas connector...etc.

Если мы рассмотрим синтаксический уровень всех проанализированных текстов, мы можем подтвердить появление простых и независимых клаузул/предложений.

Авторизация и утверждение представляют собой типичный текстовый жанр комиссивного типа, разновидность одностороннего текста, часто встречающуюся в организационной коммуникации, особенно в крупных международных и многоязычных компаниях. Иллокутивная цель здесь такова: адресант обязуется действовать в интересах адресата — поставить ему продукт или услугу либо разрешить ему сделать то же самое, — что одновременно позволяет адресанту вести деятельность, реализовывать корпоративные задачи и получать прибыль.

Коммуникативная специфика жанра заключается в том, что субъект высказывания, как правило, обладает властными или распорядительными полномочиями, а текст фиксирует результат рассмотрения, согласования или разрешения.

Пример на английском языке:

This is to confirm that the proposed budget has been reviewed and approved by the Management Board.

Лексико-семантические особенности

- формула «This is to confirm that...» — стандартный маркер утверждения в английском официальном дискурсе;
- ключевая семантика утверждения держится на глаголе *approved*, у которого институционально-юридическое значение;
- пассивная конструкция *has been reviewed and approved* подчёркивает объективность и обезличенность решения;
- термины *proposed budget*, *Management Board* относятся к административно-управленческой лексике.

Стилистические особенности

- строго официальный, нейтральный регистр;
- субъективные оценки отсутствуют;
- завершённость действия передаётся формой *Present Perfect*;
- в фокусе — результат, а не процесс принятия решения.

Пример на таджикском языке:

Бо ҳамин тасдиқ мегардад, ки буҷети пешниҳодшуда аз ҷониби Шӯрои роҳбарият баррасӣ ва тасдиқ карда шудааст.

Лексико-семантические особенности

- формула «бо ҳамин тасдиқ мегардад» функционально соответствует английскому *this is to confirm*;
- глагол тасдиқ кардан — ключевой маркер жанра утверждения в таджикском официальном стиле;
- административная терминология: буҷети пешниҳодшуда, Шӯрои роҳбарият;
- семантика завершенности действия передается аналитической формой прошедшего времени.

Стилистические особенности

- официально-деловой стиль с высокой формализацией;
- безличная конструкция (тасдиқ мегардад) указывает на институциональный характер решения;
- высказывание лаконично и логически завершено.

Сравнительный анализ лексико-семантических средств связи жанра «авторизация / утверждение»

Параметр	Английский язык	Таджикский язык
Название жанра	Authorization / Approval	Иҷозат / Тасдиқ
Основная функция	Легитимация решения	Легитимация решения
Ключевой глагол	approve, confirm	тасдиқ кардан
Синтаксис	Пассивные конструкции	Безличные формы
Фокус высказывания	Результат рассмотрения	Результат утверждения
Культурная модель	Институциональная нейтральность	Нормативно-иерархическая

Жанр «авторизация / утверждение» в обоих языках во многом совпадает по функциям: он выполняет регулятивную и легитимирующую роль. Различия же сводятся главным образом к синтаксическим средствам, какими передается институциональное решение: английский тяготеет к пассивным формам, а

таджикский — к безличным конструкциям с явным маркером подтверждения. Эти особенности отражают различия в традициях официально-деловой коммуникации.

Выводы по главе 2

Во второй главе данной работы были рассмотрены жанрово-прагматические особенности институциональной коммуникации и их лексико-семантические связи. Охарактеризована институциональная коммуникация и лексико-семантические связи в комиссивных текстовых жанрах на примере: «заявка», «контракт», «уведомление о готовности». Проведен анализ лексико-семантических средств связи в односторонних комиссивах на примере «предложение» и «авторизация/утверждение».

Сделав вывод, можно сказать, что английский и таджикский языки, несмотря на принадлежность к разным ветвям индоевропейской семьи, используют схожие механизмы авторизации для верификации информации в текстах. Различие в этих языках заключается в следующих средствах: так, в английском преобладают аналитические структуры и модальные глаголы, в таджикском — лексические маркеры и аффиксация.

Если коротко обобщить, то двусторонние комиссивные жанры из нашего корпуса (форма заявки, контракт, уведомление о готовности) обслуживают как внешнюю, так и внутреннюю коммуникацию. Они обеспечивают и горизонтальное взаимодействие (заявления, уведомления о готовности), и вертикальное (в ряде договорных случаев), и внутрипрофессиональное общение. На макроструктурном уровне договор и уведомление о готовности заметно похожи: у них один и тот же набор элементов — предмет договора, условия, подпись коммуникативного партнёра. Как видно из корпуса, тексты почти всегда делятся на разделы, статьи и клаузулы (например, договоры и уведомления о готовности), сроки (например, сроки подачи заявок в анкетах, сроки, допустимые для завершения, в уведомлениях о готовности), цены и скидки часто указываются (например, договоры), подробные объяснения договоров и уведомлений о готовности. При описании обязательств сторон в

официально-деловых текстах — особенно в уведомлениях о готовности и контрактах — сокращения, акронимы и англицизмы используются крайне редко. Это связано с необходимостью избежать двусмысленности, терминологической неоднозначности и возможных ошибок интерпретации. Тексты данных жанров отличаются ясностью, однозначностью и нормативной строгостью формулировок. В них нередко применяются ссылки на подзаконные акты, а их терминология преимущественно имеет юридический характер (в контрактах и уведомлениях о готовности), академическую специфику (в анкетах и документах учебных заведений) либо относится к отрасли нефтегазовых технологий.

Что характерно, на макроструктурном уровне такие тексты обычно обходятся без графики — таблиц, схем, диаграмм. Это объяснимо: их функциональная задача в том, чтобы передать нормативно-юридическое содержание, а не визуально оформить данные. Двусторонние комиссивы, используемые в коммуникации корпоративного и институционального управления, в соответствии со своей структурой и содержательной спецификой представляют собой инструмент управленческой коммуникации, направленный на фиксацию взаимных обязательств и ответственность сторон.

В то же время текстовые жанры одностороннего подтипа, представленные в исследуемом корпусе, выполняют различные функции в зависимости от направления коммуникации: они служат средством внешнего общения (в компаниях *FALKENSTEINER*, *INTEGRA* и *INA* — в форме текста-предложения (offer)) и внутреннего общения (в частности, в *INA* — в жанре текста-утверждения (approval)). Тексты этого типа работают и как средство горизонтальной коммуникации (когда речь идёт о предложениях), и как средство вертикальной (когда речь об утверждениях): они обеспечивают межпрофессиональное и внутрипрофессиональное взаимодействие. Поэтому их можно считать важной частью институциональной языковой практики, в которой отражаются и организационная структура, и прагматические задачи корпоративного дискурса.

На макроструктурном уровне проанализированные нами тексты разводятся по всем планам.

1. В односторонних комиссивных текстах работают формулировки, которые при невыполнении прописанных условий прямо указывают на правовые последствия; нередко обозначаются и временные ограничения, и цена со скидкой (это хорошо видно, например, в коммерческом предложении). Кроме того, в подобных текстах часто разворачивается подробное описание предмета — того же предложения: когда речь идёт об обязательствах обеих сторон, в ход идут глаголы в пассиве.

2. Нередко встречается развёрнутое описание предмета текста (того же предложения): когда речь идёт об обязательствах обеих сторон, в ход идут глаголы в пассивной форме, числовые данные (цены) и другие графические маркеры (как в оферте и разрешении/утверждении).

3. Сами предложения, как правило, ясны и эксплицитны и в основном строятся на зависимых синтаксических звеньях. Терминология тяготеет к языку образования (перевод), к организационной сфере (как в примерах INTEGRA), к нефтегазовой отрасли (предложение и разрешение в INA и HSUP).

4. Графика в текст не включена.

Сделанный нами разбор показывает: модель корпоративного общения во многом задаётся языковыми, культурными и социопрофессиональными нормами, которые приняты в управленческом сообществе. Эти нормы определяют не только то, какие языковые средства будут выбраны, но и то, как именно в организации выражаются власть, подчинение, солидарность и профессиональная идентичность.

Именно такая специфическая модель коммуникации, основанная на взаимодействии лингвистических конвенций и корпоративной культуры, обеспечивает руководству возможность эффективно транслировать идеологию компании, формировать корпоративные ценности и направлять коммуникацию на достижение стратегических целей организации.

ГЛАВА 3. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СРЕДСТВ СВЯЗИ ТЕКСТОВ В ИССЛЕДУЕМЫХ ЯЗЫКАХ

3.1. Текст и его модель в сопоставительном аспекте

Эмпирической базой анализа, представленного в настоящей главе, послужил корпус текстов официально-делового стиля на английском и таджикском языках. Отбор материала проводился методом сплошной выборки из документации организаций и учреждений, относящейся к комиссивным жанрам институциональной коммуникации (в том числе из практики компаний FALKENSTEINER, INTEGRA, INA).

Объём и состав корпуса отражены в таблице 3.1.1.

Таблица 3.1.1. Состав корпуса официально-деловых текстов

Жанр	Кол-во текстов	Доля корпуса
Заявка (application)	около 100	≈ 67 %
Контракт / договор	15*	≈ 10 %
Уведомление о готовности	более 10	≈ 8 %
Предложение (offer)	12*	≈ 8 %
Авторизация / утверждение	10*	≈ 7 %
Итого	≈ 147	100 %

Распределение материала отражает реальную представленность жанров в институциональной практике: наиболее частотным жанром в корпусе выступает заявка, что объясняется её ролью базового инструмента инициирования административных процедур; контракт, при меньшей частотности, рассматривается как прототипический комиссивный жанр и анализируется особенно детально.

Анализ корпуса проводился по следующим параметрам: (1) наличие и регулярность структурных блоков текста (инициальная, основная и финальная части); (2) средняя длина предложения как показатель синтаксической плотности; (3) доля пассивных и безличных конструкций как индикатор процедурности; (4) формульность начала и завершения текста; (5) состав и

частотность лексико-семантических средств связи (лексический повтор, синонимическая замена, антонимия, гипо-гиперонимические отношения, тематические цепочки). Количественные показатели, приводимые далее в главе, вычислены на указанной выборке.

Особо оговаривается статус таджикских переводных примеров. В тех случаях, когда таджикское соответствие английского художественного фрагмента приводится с пометой «перевод» или «перевод информанта», такой пример используется исключительно как иллюстрация межъязыковой передачи конкретного семантического отношения (синонимии, антонимии и т. п.) и не привлекается в качестве источника количественных данных о таджикском языке. Все статистические обобщения, касающиеся таджикского официально-делового текста, опираются на аутентичные таджикские документы из основного корпуса.

Результаты лингвистического анализа корпоративных текстов, представленные во второй главе диссертационного исследования, позволяют выявить жанрово-функциональные особенности институциональной коммуникации и специфику реализации коммиссивных речевых актов в текстах организаций и учреждений. Однако жанрово-структурное описание не исчерпывает всех аспектов текстовой организации, поскольку полноценное раскрытие механизмов функционирования таких текстов в разносистемных языках требует обращения к их внутреннему языковому наполнению. В этой связи дальнейшее исследование логически ориентировано на анализ лексико-семантических и стилистических характеристик текстов в английском и таджикском языках, что обуславливает переход к третьей главе, посвящённой изучению моделей текста, а также выявлению специфических и универсальных особенностей их лексико-стилистического оформления.

Ввиду важности типов текста (как теоретической, так и практической) ученые осознают, что ими еще не создана полная и унифицированная система классификации текстов, отвечающая всем требованиям. А если это так, то, очевидно, лучше начать с выяснения самого понятия «тип текста» и критериев,

на которых основана типизация. Интересно, что интуитивно определить типы текста гораздо проще, чем дать теоретическое обоснование их классификации.

На самом деле «текстовые модели» вполне социально сознательны: поэтому даже непрофессионал может различить литературные и научно-популярные тексты; официальное письмо; дружеское послание; радиосообщение; рекламный текст и другие. Однако задача создания типологии текста значительно осложняется отсутствием единой и общепринятой терминологической системы в современной теории текста.

В научной литературе нередко наблюдается терминологическая неопределённость: исследователи используют различные понятия — *«тип текста»*, *«класс текста»*, *«вид текста»*, *«тип дискурса»*, *«тип речи»*, *«форма текста»*, а иногда даже *«сорт текста»* — без строгого разграничения их объёма и содержания.

Такое разнообразие терминов свидетельствует о многоаспектности и междисциплинарности понятия текста, а также о необходимости дальнейшего уточнения категориального аппарата текстолингвистики, что, в свою очередь, создаёт основу для систематизации текстовых жанров и их функционально-коммуникативных характеристик.

Разногласия по этим вопросам сохраняются и в современности, в том числе и в выборе критериев для классификации, что связано с многообразием природы текста. Один и тот же текст может рассматриваться с разных позиций типологической категории в зависимости от того, какие его аспекты рассматриваются, при этом классификационные категории обоснованы различными характеристиками, объективно присутствующими в тексте. Выбор критериев классификации может изменяться, что, соответственно, изменяет и группы текстов, относящихся к разным классификациям.

Идеальная типология текста должна учитывать различные аспекты этого объекта, как коммуникативные, так и структурно-семиотические. В этом контексте целесообразно применение смешанного подхода, который учитывать все внешние и внутренние особенности текста.

Разные ученые указывают на разные характеристики, поэтому классификация будет более общей или более подробной. В любом случае важно соблюдать выбранный принцип, чтобы не найти понятия род и вид в одном ряду или обнаружить другие неверные сочетания.

В настоящее время наиболее целостными и гибкими представляются текстовые системы (их типология), в основе которых лежит теория функционального стиля, учитывающая коммуникативные и прагматические условия их формирования. В данном случае важно то, что функциональный стиль учитывает соотношение внутренних и внешних языковых факторов в разных типах текстов социального общения [Гвенцадзе 1986: 11].

Для того чтобы определить понятие «текст», люди открыли различные подходы и методы изучения этого явления. Сегодня текст как предмет изучения привлекает специалистов из разных областей знаний, в основном лингвистов, которые уделяют внимание функциональным и коммуникативным качествам языка и средств выражения, создающих структуру текстов.

В лингвистике, и особенно в языкознании, текст понимается как последовательность языковых (вербальных) знаков). Тексты изначально коммуникативны, поскольку обладают определенным смыслом, а сами тексты представлены как единицы коммуникации. Само слово «текст» (лат. *textus*) означает ткань, полотно, связь. Поэтому важно установить, что, как и почему соединяется.

В любом случае текст — это ряд символических единиц, объединенных по смыслу, основными чертами которого являются связность и завершенность. Такая цепочка символов признается коммуникативной единицей на самом высоком уровне, поскольку обладает семантически полными характеристиками, необходимыми для литературного произведения, а именно полной целостностью информации и структуры. Кроме того, целое не является суммой своих частей. Целое всегда имеет функциональную структуру, и части целого выполняют в этой структуре свои функции.

Категории текста (содержание, структура, строение, функция и коммуникация) внутренне различны и не складываются, а накладываются друг на друга, создавая некую единую форму, качественно отличающуюся от суммы составляющих ее частей. Когерентность и завершенность как текстовые свойства могут рассматриваться несколько абстрактно и независимо друг от друга только для удобства анализа. Это связано с тем, что оба эти свойства в реальном текстовом контексте существуют в предположении единства и взаимообусловленности. В результате лингвистическая связность одновременно является показателем семантической целостности. Это, конечно, так, если создание текста относится к естественной ситуации, в которой целью является выражение определенного смысла.

Тексты могут быть письменными или устными в виде транскрипций. Обе формы требуют «текстуальности» - внешней связности, внутреннего смысла и когнитивной направленности. Вопрос о единстве текста, его канонической форме, был особенно изучен текстологией, отраслью лингвистики, и признан важным для теории текста.

Теория языка исследует интонационные тонкости, лексические инструменты и синтаксическую структуру текстового материала; визуальные средства представления информации в виде акцентов шрифта, различий начертания букв, а также пунктуационных знаков. Понятие «текст» распространяется не только на целые литературные произведения, но и на их отдельные участки — главы или фрагменты абзацев — независимо от того, какова тема и как оформлен материал стилистически. Поэтому имеет смысл говорить и об анализе вводных разделов, и о разборе финальных частей текстовой структуры, и о многом другом.

Полностью понять текст помогают не только языковые элементы и художественные приёмы, но и общий культурный опыт — тот «коммуникативный базис», на котором информация декодируется с учётом пресуппозиций.

Эти предпосылки могут формироваться на основе предшествующего контекста (предыдущих текстов) либо возникать из личного опыта и знаний, не связанных напрямую с текущим текстовым материалом.

Таким образом, для полноценного восприятия текста необходимо обладать базовыми знаниями, которые считаются общим хранилищем информации между адресантом и адресатом.

Базовые знания – неотъемлемый фундамент эффективности речевых актов, о чем подробно отмечал А.М. Пешковский [Пешковский 1959: 58]. Естественная человеческая коммуникация пронизана эллиптизмом: мы исходим из понимания, что неявные элементы сообщения заполняются предыдущим опытом и ситуационным контекстом, без необходимости их прямого выражения.

Системная классификация базовых знаний представлена В.Я. Шабесом [Шабес 1989: 11], где выделяется три основных типа:

- Коллективные – общие для участников определенной социальной группы (например, профессиональные медицинские или политические знания);
- Социальные – известны всем членам общества до начала коммуникации;
- Индивидуальные – специфичны только для двух взаимодействующих сторон.

Перетекание базовых знаний между этими категориями очевидно: частное событие (смерть конкретной личности) может стать общественным явлением, например, как в случае с трагедией принцессы Дианы. С точки зрения содержания:

- Бытовые – повседневные знания;
- Донаучные – традиционное понимание мира до научного осмысления;
- Научные – систематизированная информация, основанная на исследованиях и теориях;

- Литературно-художественные – культурный контекст, включающий литературные образы и художественные аллюзии.

Кроме того, существуют:

- Тривиальные знания, обычно не выраженные вербально в тексте, формируются через повседневное общение (например, при воспитании детей);

- Нетривиальные – специфические и сложно структурированные. Литературно-художественные базовые знания играют ключевую роль в журналистике. Они опираются на «иностранный» контекст (от лат. *praecedens*), то есть предшествующие тексты, литературные образы и художественно-культурные референции, которые создают подтекстовую плотность сообщения.

Таким образом, базовые знания человека служат мощным инструментом формирования глубинного смысла в речи. Понятие подтекста прежде всего связано с художественной литературой; он ориентирован исключительно на предварительные знания. В ряде случаев автор, используя те или иные высказывания, ссылается на события, напрямую опираясь на понимание посвященного, то есть на личное знание.

N. Ivanetić считает: «Способность к идентификации различных текстовых жанров напрямую зависит от степени усвоения знаний о прототипных текстовых структурах — как макро-, так и микроструктурах. Эти структуры тесно связаны с функцией текста, коммуникативным контекстом, композицией (схемой), а также с языковыми и графическими средствами его организации» [Ivanetić 2003: 228].

Таким образом, можно утверждать, что текст и его жанровое воплощение не могут быть адекватно поняты вне контекста, поскольку именно контекст определяет их функциональное назначение, прагматическую направленность и жанровую специфику. В распространённом тезисе [Dijk 2000: 138] утверждается, что ключевую роль для успешного общения через тексты играет именно контекст, который может относиться к социальным областям (таким как образование или политика), специфике знаний (например, в

законодательстве или преподавании), а также к ролям участников коммуникации и их социальному, профессиональному и коммуникативному статусу. Кроме того, важны временные и пространственные аспекты общения в связи с определенным текстовым жанром или типом текста, а также особенности социального или взаимодействия внутри коммуникационной ситуации.

Ряд исследователей описывает создание стратегического текста как процесс, идущий в режиме реального времени, шаг за шагом: текст интерпретируется на основе языковых знаний — словарного запаса, синтаксиса, тем и контекстуальных нюансов, — которым приписывается временное значение. Уловив это значение, носители языка либо активируют уже знакомые им конструкции текста, либо строят новые ментальные модели его содержания. Поэтому жанр становится понятным, как только адресант сумел сформировать для него рабочую модель.

Под «текстовой моделью» здесь понимается ментальное представление жанра, своего рода прототип конкретной коммуникативной ситуации — как для автора, так и для читателя. Но это представление всегда индивидуально: в нём смешаны личные знания, убеждения и мнения, плюс социальные пласты — то, что мы называем общественным знанием. Каждая такая модель уникальна, и допустимо предположить, что один и тот же человек завтра построит уже другую модель — или даст иную интерпретацию того же самого жанра. Эти «новые модели» вырастают из ментальных репрезентаций текста, объединённых с ментальными следами «старой модели» (то есть прежним опытом) и социально разделяемыми знаниями — знанием о мире и знанием языка.

«Текстовая модель» представляет собой ментальное представление текстового жанра, выступающего прототипом для определённой коммуникативной ситуации (для адресанта и адресата); при этом ментальное представление всегда является личным, поскольку в нём содержатся

индивидуальные знания, убеждения, мнения и т. д., и одновременно социальным, поскольку относится к общесоциальным знаниям.

Каждая «текстовая модель» уникальна. Следует предполагать, что один и тот же человек завтра может построить иную модель или иную интерпретацию одного и того же прототипического текстового жанра. Считается также, что весь процесс понимания текстовых жанров координируется прототипической моделью коммуникативной ситуации — иначе говоря, контекстом.

Контекст подсказывает носителям языка, в чём заключаются цели текста, кто его участники — адресант и адресат, что им известно, а что нет, в каких условиях текст будет понят и т. д. Без всей этой информации невозможно увидеть характеристики текста — коммуникативные, прагматические, тематические, лингвистические и стилистические (синтаксис, лексика, морфология, семантика) — и понять, какие смыслы выражены эксплицитно, какие оставлены имплицитно, а какие текстовые жанры реализуются или используются.

Т.А. van Dijk показал, что когнитивный анализ текстовых жанров сосредоточен на тексте и его структурах, а это означает, что когнитивный анализ занимается свойствами текстовых жанров, рассматриваемых в терминах когнитивных концепций — например, различных типов ментальных представлений [Dijk 2000: 62].

Поэтому мы и поставили перед собой цель рассмотреть данную необходимость посредством когнитивного анализа различных текстовых жанров, чтобы продемонстрировать, что когнитивные процессы на концептуальном уровне способствуют полноценному пониманию информации, передаваемой в текстовом жанре.

В официально-деловой коммуникации текстовая модель играет нормативную роль, поскольку отклонение от неё может привести к снижению юридической или институциональной значимости документа. В английском и таджикском языках модели официальных текстов в целом функционально сопоставимы, однако различаются по степени формализованности отдельных

элементов и способам их языкового выражения. Рассмотрим **модель текста в английском языке**.

В английском официально-деловом дискурсе текстовая модель отличается жёсткой стандартизацией и чётким разграничением функциональных блоков.

Типовая модель включает:

- Инициальную часть (opening formula) — обозначение цели документа (This is to inform you..., This contract is entered into...).

- Основную часть — изложение фактов, условий, обязательств или решений.

- Заключительную часть — фиксация результата, срока действия или правовых последствий.

Лингвистические особенности

- Преобладание безличных и пассивных конструкций.
- Использование клишированных формул.
- Лаконичность и минимизация экспрессивных средств.
- Логическая линейность и синтаксическая прозрачность.

Модель официального текста в таджикском языке отличается нормативностью, однако характеризуется более выраженной экспликацией коммуникативного намерения и субъектной позиции.

Типовая модель включает:

- Вводную формулу — указание на характер сообщения (бо ҳамин огоҳ менамоем, ин шартнома баста мешавад).

- Основную информативную часть — описание действия, обязательства или решения.

- Финальную часть — подтверждение, срок или указание на дальнейшие действия.

Лингвистические особенности

- Частое использование активных или безлично-активных форм.

- Эксплицитные маркеры официальности и вежливости.
- Более развёрнутая структура предложений.
- Чёткое обозначение субъектно-объектных отношений.

Сравнительный анализ текстовых моделей

Параметр	Английский язык	Таджикский язык
Тип модели	Стандартизированная, формально-нейтральная	Нормативная, эксплицитно-официальная
Инициальные формулы	Клише, безличные	Клише, часто с указанием субъекта
Синтаксис	Преимущественно пассивный	Активный и безличный
Степень экспликации намерения	Минимальная	Повышенная
Культурная ориентация	Процедурная	Иерархически-нормативная

Сопоставление текстовых моделей в английском и таджикском языках показывает, что при общем функциональном сходстве официально-деловых текстов различия проявляются в способах структурной и языковой репрезентации коммуникативного намерения. Английская модель ориентирована на формальную нейтральность и процедурность, тогда как таджикская модель подчёркивает нормативность, ответственность субъекта и институциональную значимость высказывания. Эти особенности необходимо учитывать при анализе текстов межъязыковой официальной коммуникации.

Опираясь на эти особенности, мы рассматриваем тексты английского и таджикского языков в сопоставительном аспекте по следующим параметрам:

1. Методологическая основа анализа

Для проведения структурного анализа была сформирована выборка текстов организационной коммуникации (жанры: уведомление, извещение, просьба, обязательство, авторизация).

Анализ проводился по следующим параметрам:

- Наличие структурных блоков (инициальная часть, основная часть, финальная часть).
- Средняя длина предложения (как показатель синтаксической плотности).

- c. Доля пассивных конструкций (как индикатор процедурности).
- d. Формульность начала и окончания текста.

Цель анализа — выявить типологические особенности текстовой модели в английском и таджикском языках.

2. Структурные блоки текста

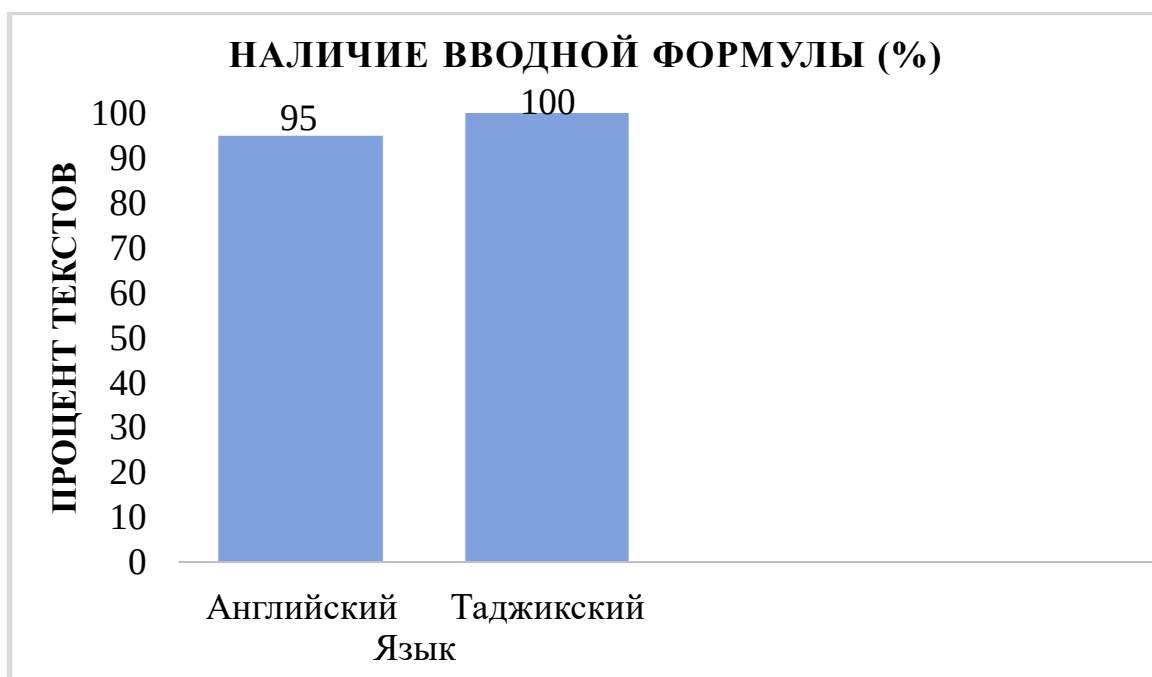
Анализ показал, что тексты обеих языковых систем демонстрируют трёхкомпонентную модель:

- Вводная формула (Opening Formula)
- Основная часть (Core Message)
- Заключительная формула (Closing Formula)

Результаты:

- В английских текстах формализованная вводная формула присутствует в 95% случаев.
- В таджикских текстах — в 100% случаев.
- Заключительная формула встречается в 80% английских текстов и в 95% таджикских.

Диаграмма №1

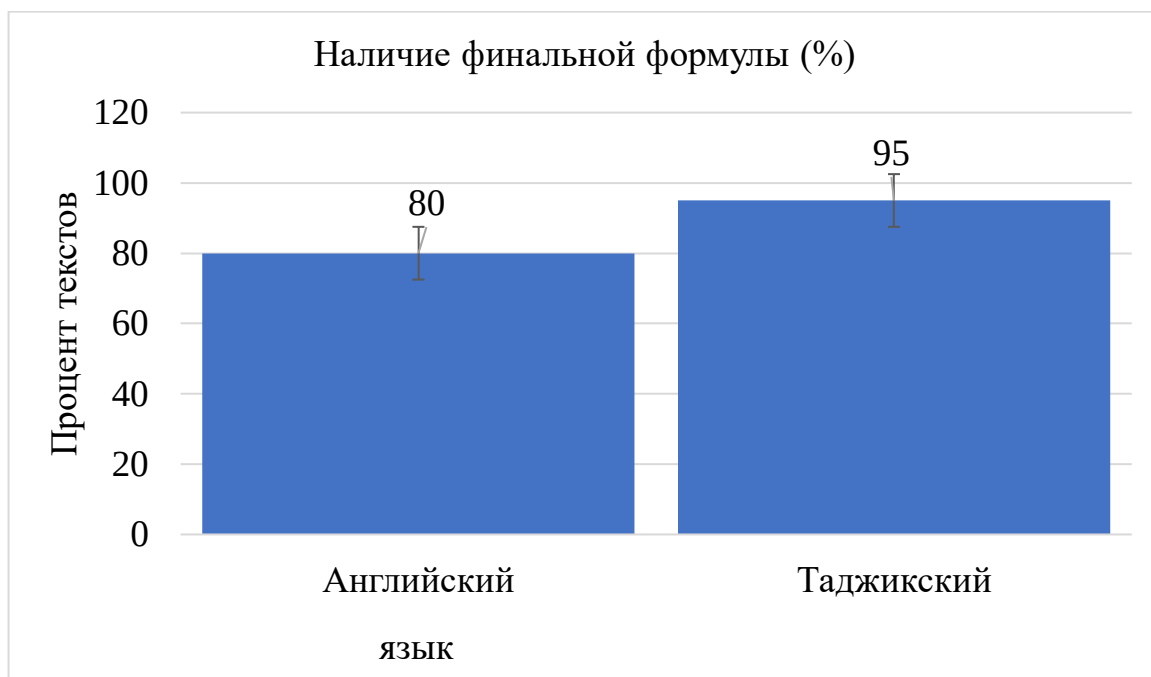

Как показано из диаграммы №1, формализованная вводная формула присутствует в 95% английских текстов и в 100% таджикских. Полученные

данные говорят о высокой степени композиционной стандартизации официальной коммуникации в обеих языковых системах.

При этом таджикская модель показывает абсолютную регулярность использования вводного блока, а это указывает на нормативную обязательность формального начала текста. В английской деловой коммуникации сохраняется некоторая вариативность, связанная с особенностями электронных и упрощённых форматов взаимодействия.

Диаграмма №2

По данным, представленным из диаграммы №2, финальная формула фиксируется в 80% английских текстов и в 95% таджикских. Иначе говоря, в таджикской модели традиция формализованного завершения документа держится более устойчиво.

В английской коммуникации финальный блок порой опускают — особенно в оперативной деловой переписке, что говорит о большей структурной гибкости этой модели.

Интерпретация

Таджикская модель обнаруживает более устойчивую традицию формального начала и завершения текста. Объяснение лежит в более выраженной институциональной иерархии и норме эксплицитной вежливости.

Английская модель вариативнее: тексты могут обходиться без выраженной финальной формулы, особенно в электронных форматах коммуникации.

3. Синтаксическая плотность текста, под которой мы понимаем показатель, отражающий насыщенность текста сложными грамматическими конструкциями (длина предложения, среднее количество слов и т.д.), выглядит следующим образом:

- английский язык — 18 слов;
- таджикский язык — 24 слова.

Диаграмма №3

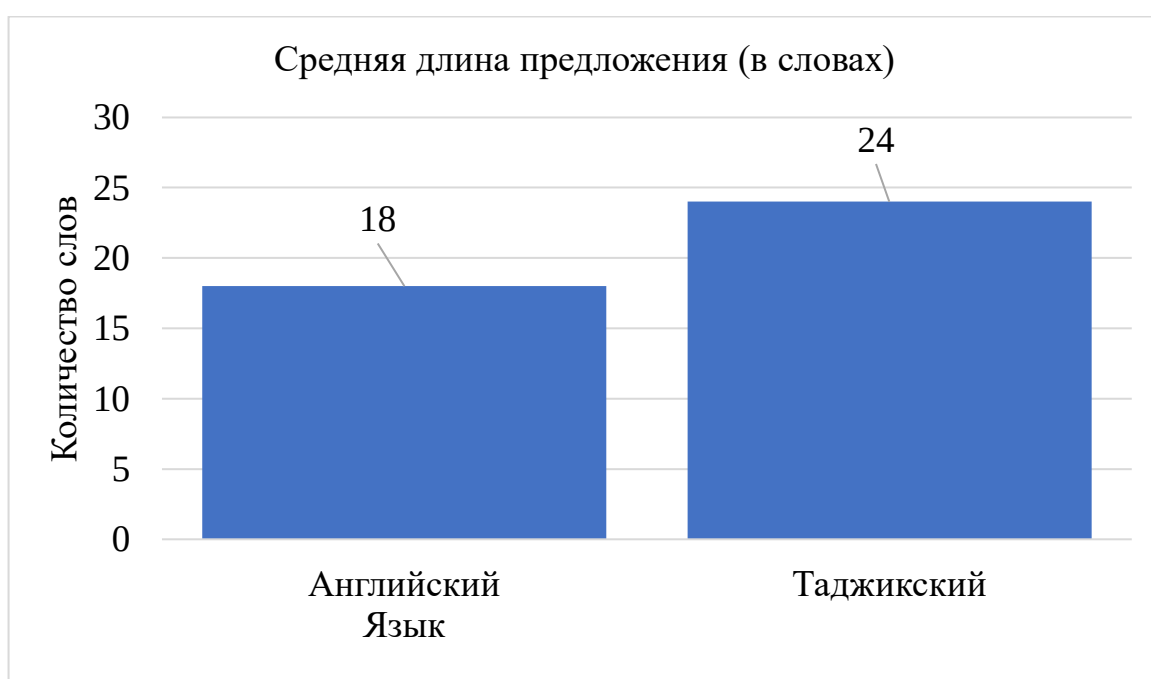

Диаграмма №3 наглядно показывает разницу в синтаксической плотности текста. В английских текстах среднее предложение содержит 18 слов, а в таджикских — 24.

Большая синтаксическая протяжённость таджикских предложений связана с использованием развёрнутых придаточных, аналитических форм и дополнительных маркеров вежливости. Английская модель, наоборот, тяготеет к структурной компактности и экономии языковых средств.

Интерпретация

Более длинные предложения в таджикских текстах вызваны:

- аналитическим строем языка;
- дополнительными маркерами вежливости;
- развёрнутыми придаточными конструкциями.

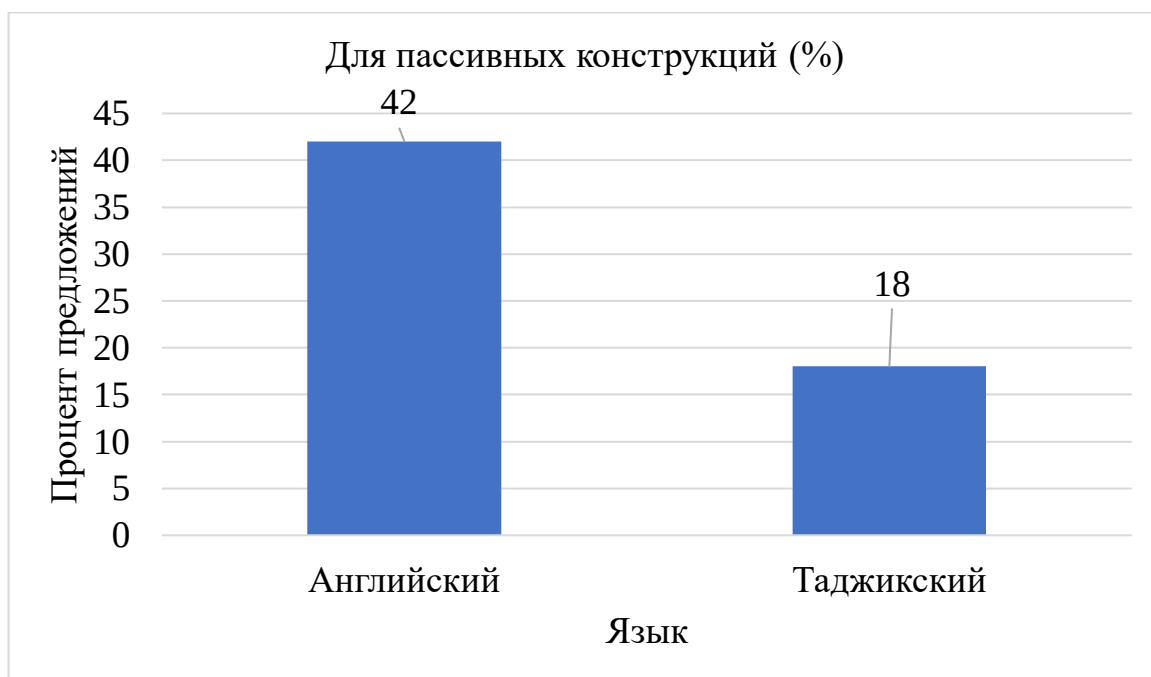
Английский текст, напротив, отличается синтаксической компактностью и структурной экономией.

4. Пассив как индикатор процедурности

Доля пассивных конструкций:

- английский язык — 42% предложений.
- Таджикский язык – 18%

Диаграмма №4

Как видно из диаграммы №4, доля пассивных конструкций в английских текстах достигает 42%, тогда как в таджикских — 18%. Данный показатель свидетельствует о различной степени процедурности официального текста.

Высокая частотность пассива в английской модели отражает ориентацию на процесс и стремление к нейтрализации субъекта действия. В таджикской модели чаще используются активные или безличные конструкции, что усиливает субъектную экспликацию.

Интерпретация

Высокий процент пассива в английских текстах отражает:

- ориентацию на процесс, а не на субъекта;
- юридическую нейтрализацию ответственности;
- формальную объективизацию действия.

Таджикская модель чаще использует активные или безличные конструкции, что делает текст более субъектно-ориентированным.

5. Типологическая модель текстов

Английская модель:

Opening → Core procedural statement → Optional closing

(процедурность, пассивность, компактность)

Таджикская модель:

Formal respectful opening → Expanded explanatory core → Explicit closing

(эксплицитность, субъектность, высокая формульность)

6. Сравнительная таблица модели текста

Параметр	Английская модель	Таджикская модель
Формальность начала	Высокая	очень высокая
Финальная формула	Вариативная	почти обязательная
Средняя длина предложения	Короче	Длиннее
Пассивность	Высокая	Умеренная
Степень экспликации субъекта	Низкая	Высокая

3.2. Анализ лексико-семантических средств связи текстов в английском и таджикском языках

Анализ лексико-семантических средств связи — это подход к исследованию текста, основанный на анализе лексических и семантических единиц, их средств связи, то есть слов и их значений. Этот метод позволяет глубже понять содержание и смысл текста, увидеть связи между словами и их значениями, выявить скрытые смыслы и намерения автора.

Цель анализа лексико-семантических средств связи текста — выявить и описать лексические и семантические особенности текста, их средств связи и их влияние на смысл и структуру. В задачи этого анализа входит определение

значения слов, выявление семантических отношений между словами и анализ использования лексических единиц в контексте.

Основные принципы метода лексико-семантического анализа текста заключаются в следующем определении семантических отношений между словами; изучение лексических единиц в текстах определенной тематики или жанра; анализ использования синонимов, антонимов и других лексических отношений; выявление скрытых смыслов, авторского замысла и дизайна. Лексико-семантический анализ текстов идёт несколькими шагами:

- сбор исходных данных;
- выявление лексических единиц;
- определение значений слов;
- анализ семантических отношений;
- интерпретация полученных результатов.

Для такого анализа применяют разные инструменты и методы — словари, тезаурусы, семантические сети и даже компьютерные программы автоматической обработки текста.

Сами методы лексико-семантического анализа полезны во многих сферах: в лингвистике, литературоведении, психологии, маркетинге. С их помощью лучше понимаешь содержание текстов, видишь их особенности и смысловые нюансы и можешь добиваться вполне конкретных целей.

Стоит сказать и об ограничениях. Например, всё упирается в качество и тип используемых словарей и программ. Кроме того, такой анализ далеко не всегда вытаскивает на поверхность все смысловые слои текста — особенно если текст сильно зависит от контекста или культуры. Лексико-семантический анализ изучает лексические и семантические особенности текста, чтобы лучше понять его содержание и структуру.

Исследование примеров проводилось в нашей работе на базе корпуса примеров, отобранных методом сплошной выборки, на основе которой и проводился статистический анализ.

Важным методом лексико-семантического анализа текстов является контекстуальный анализ.

Контекстуальный анализ — это изучение окружающих слов и фраз для определения значения и употребления конкретного слова или фразы в тексте. Контекстуальный анализ позволяет понять оттенки значения и нюансы, связанные с тем или иным словом, например:

Англ.: *Many people have told the story of the development of Khujand, the hometown and the battlefield of the hero here. In those days the development of Khujand reached such a level that people called it “the Tiroz of the world”, that is “the beauty of the world”* (С. Айни, в переводе Мамадназаров 2022: 14).

Тадж.: *Хуҷанд, ки ҷойи бошиигоҳ ва майдони қаҳрамони қаҳрамони ҳикояи мо аст, дар ободӣ забонзади мардуми шарқ буд. Дар он вақтҳо ободии Хуҷанд ба ҷое расида буд, ки вайро «Тирози ҷаҳон» (зебу зиннати ҷаҳон) мегуфтанд* (С. Айни, в переводе Мамадназаров 2022: 14).

Другой немаловажный метод анализа текста это — **семантический анализ**, который предполагает изучение значений слов и выражений, а также их смысловых связей и отношений. Семантический анализ может быть использован для определения семантических полей, групп синонимов и антонимов и других смысловых особенностей текста, например:

Занҳо чизе нагуфтанд, аммо дар чехраи онҳо аломати андӯҳ ва ғусса намудор шуд. Шоҳ дарҳол пурсид:.. (Твен Марк 2020: 190).

They did not answer.

“Tell me, what will they do to you?” cried the king.

The women did not say anything, but their faces showed *sadness* and *anger*. The king immediately asked:... (перевод информанта)

- Онҳо халос шуданд! – гуфт ӯ хурсандона ва баъди ин ғамгинона илова кард: - Аммо ман танҳо мондам, онҳо ба ман чӣ қадар тасалло медоданд (Твен Марк 2020: 191) – (антоним)

"It was the *best* of times, it was the *worst* of times, it was the age of *wisdom*, it was the age of *foolishness*, it was the epoch of *belief*, and it was the epoch of *incredulity* (Твен Марк 2020: 29).

Приведенный пример иллюстрирует, что использован **антоним** best - worst, wisdom — foolishness, belief – incredulity. Синонимами можно было бы заменить как: times - age – epoch.

Тадж: “Ин беҳтарин замон буд, ин бадтарин замон буд, ин даврони ҳикмат буд, ин даврони аблаҳӣ буд, ин даврони эътиқод буд, ин даврони беътиқодӣ буд.” (перевод информантов)

В тексте перевода мы обнаруживаем **антонимы** беҳтарин - бадтарин, ҳикмат - аблаҳӣ, эътиқод – беътиқодӣ; **синонимы** замон - даврон – эпоха

Даже можно использовать **полисемия**: даврон (возраст, а также как эпоха или период).

"All animals are *equal*, but *some* animals are *more equal* than others" (Orwell 1996: 100).

Кванторные слова: all- some.

Таджикский текст звучит следующим образом: “Ҳама ҳайвонҳо баробаранд, аммо баъзе ҳайвонҳо аз дигарон баробартаранд.”(перевод информанта), в которм можно заметить использование антонима ҳама – баъзе.

Рассмотрим другие примеры:

1. "So we beat on, boats *against* the current, *borne back ceaselessly* into the *past*"

(Tolkien 2012: 38).

Антоним: against - borne back, ceaselessly – past; Синоним: beat on - ceaselessly

Тадж: “Ҳамин тавр, мо идома медиҳем, киштиҳо зидди чараён, пайваста ба гузашта баргашта.” (перевод)

Антоним: зидди - баргашта, пайваста – гузашта; Синоним: идома медиҳем – пайваста

2. "O loving hate! O heavy lightness! Serious vanity! Feather of lead, bright smoke, cold fire, sick health" (Shakespeare 2000: 13).

Антоним: loving - hate, heavy - lightness, cold – fire; Синоним: serious—vanity.

Тадж: “Эй нафрати пурмухаббат! Эй сабукии вазнин! Ғурури чиддӣ! Пари пар, дуди дурахшон, оташи сард, саломатии бемор” (перевод)

Антоним: пурмухаббат - нафрат, вазнин - сабукӣ, сард – оташ;
Синоним: чиддӣ – ғурур

3. "Not all those who *wander* are *lost*" (Tolkien 2012: 18).

Антоним: wander — lost; Омоним: lost

Тадж: “На ҳамаи онҳое, ки мегарданд, гумшудаанд.” (перевод)

Антоним: мегарданд – гумшуда; Омоним: гумшуда (ҳамчун сифат ва феъл)

4. It is a *truth universally acknowledged* that a single man in *possession* of a good fortune must be in *want* of a wife" (Austen 2003: 165).

Антоним: possession – want; Синоним: truth — universally acknowledged

Тадж: “Ин ҳақиқатест, ки ҳама эътироф мекунанд, ки як марди муҷаррад, ки дорои сарвати хуб аст, бояд ба ҳамсар ниёз дошта бошад.” (перевод)

Антоним: доштани – ниёз; Синоним: ҳақиқат - ҳама эътироф мекунанд

5. "The world *breaks* everyone, and afterward, many are *strong* at the *broken* places (Hemingway 1993: 131).

Антоним: breaks - strong, broken – strong

Тадж: “Ҷаҳон ҳамаро мешиканад ва баъд аз он, бисёриҳо дар ҷойҳои шикаста қавӣ мешаванд.” (перевод)

Антоним: шикаста – қавӣ

6. "There is only one thing in the world worse than *being talked about*, and that is *not being talked about*" (Wilde 2008: 6).

Антоним: talked about - not talked about

Тадж: “Дар ҷаҳон танҳо як чиз аз гап задан бадтар аст ва он гап назадан аст” (перевод)

Антоним: гап задан - гап назадан

7. "War is peace. Freedom is slavery. Ignorance is strength" (Orwell 1996: 4).

Антоним: war - peace, freedom — slavery, ignorance - strength

Тадж: “Чанг ин сулҳ аст. Озодӣ ин ғуломӣ аст. Нодонӣ ин қувват аст.”
(перевод)

Антоним: чанг - сулҳ, озодӣ - ғуломӣ, нодонӣ – қувват

"There comes a time in every boy's life when he has a *raging desire* to go somewhere and dig for *hidden treasure*" (Twain 2014: 106).

Антоним: hidden — treasure; синоним: desire — raging.

Тадж.: «Ман акнун ба ҷаҳон ҳамчун чизи дурдаст менигаристам, ки ман бо он ҳеҷ коре надорам, ҳеҷ умеде аз он надорам ва дар асл ҳеҷ хоҳише дар бораи он надорам.» (перевод)

Антонимы: умедҳо — бе умедӣ, хоҳишҳо — бе хоҳишӣ.

Например, антонимическая оппозиция в английском языке **day-night** выступает как **средство межфразовой связи**. В первом предложении задается тезис (Day), а второе предложение через оппозицию (Night) развивает мысль.

Таким образом, антонимия здесь – это «каркас», на котором держится связность абзаца.

Семантический анализ опирается на ряд методов, в том числе на семантические сети и онтологии.

Дальше имеет смысл сказать о статистическом анализе текста — он использует математические и статистические приёмы для изучения лексических и семантических особенностей. Сюда входят подсчёт частотности слов и фраз, анализ словосочетаний и другие способы, которые помогают увидеть закономерности и тенденции в употреблении языка.

Такие средства и методы делают лексико-семантический анализ глубже и точнее: на свет выходят и особенности текста, и его смысловая структура.

Лексико-семантические методы — это самый важный инструмент изучения и понимания содержания текстов. Они помогают увидеть лексико-семантические особенности и определить цели и задачи текста.

Такой анализ проводится поэтапно с использованием разных инструментов и методов; именно поэтапность позволяет глубже понять текст и раскрыть его смысловую структуру. Не нужно, однако, забывать об ограничениях: полностью раскрыть все стороны текста с помощью одного только лексико-семантического анализа удаётся не всегда. Тем не менее в качестве инструмента изучения и интерпретации текстов разного типа и содержания он остаётся вполне работающим. При анализе текста важно обращать внимание на стилистические особенности. Это связано с тем, что стилистические особенности могут влиять на смысл и эмоциональную окраску текста. Например:

1) For my own part, I swam *as well as* I could (Свифт Чонатон 1981: 11).

Гулливёр танҳо худаш ба кадом тарафе, ки чашмаш афтад, ба ҳамон тараф шино мекард ва ўро шамол ва мавҷҳои дарё пеш мебурданд (Свифт Чонатон 1981: 4).

2) But soon, about four yards from me, I heard a knocking for more than an hour, *like* people at work (Твен Марк 2020: 13).

Ў дар наздикии гўши рости худ як тик-тиқи бисёр тез-тезро мешунид, ки гўё касе дар наздикии вай бо болғачаҳо чормағз мешикаст (Твен Марк 2020: 7).

3) Bob, Bobs dog, Bobs dog got, Bobs dog got a pot, Bobs dog got a hot pot, Bobs dog got a hot pot of porridge. Bobs dog got a hot pot of porridge and some chops (Orwell 1996: 7).

4) In the Food Programme studio today, we have *two cooks*. They are going to choose Christmas presents for a *new cook*. If you could choose just two things for a *new cook*, what would you choose? (Ерihora p. 9 фонетический анализ, в конце предложения постоянно одно и то же слово повторяется).

5) Nine nice night *nurses nursing* nicely.

6) Ill *search* under the *fur* trees and the ten *thirty* flight to *Birmingham*, on *Thursday*. My name is *Vernon*. (assonance p. 11 фонетический анализ здесь многократное повторение одного и того же гласного звука)

7) “Aren’t these erythrocytes, as you call them, simply what are known as red blood cells? He asked stretching out on the soft velvety surface. Exactly so, was the answer, in fact, erythros means red in Greek.” – в данном научно-популярном тексте использовано элементы речевой образности, как метафора, метонимия, сравнение, эпитет и др [Разинкина 2004: 143].

8) “If only we could see for ourselves some of the grotesque monsters of the yester-year! In a sense, we have come too late. We are witnessing *the closing scene of the last act of a natural drama* that has known no equal.” (метафора) (Разинкина 2004: 145).

В нашей работе метафора – это не просто украшение, а средства **сквозной связности**, где она связывает начало и конец текста в единое целое, что может рассматриваться как **метафорическая когезия**. Реализацию механизмов когезии можно увидеть следующих примерах:

9) “Warbler nests have been found in a series of three – one on top of another. Evidence of *what had happened in this drama* of the bird world was given by unhatched eggs” (Разинкина 2004: 152).

Общая характеристика лексико-семантического уровня официально-деловых текстов направлена на выявление составляющих словарного фонда, их значений, функциональной нагрузки и системных связей, обеспечивающих точность, однозначность и нормативность коммуникации. В жанрах институционального общения лексический выбор строго регламентирован и подчинён задаче минимизации интерпретационной вариативности.

В английском и таджикском языках лексико-семантическая организация официальных текстов характеризуется высокой степенью стандартизации, однако различается по источникам терминологической лексики, способам выражения модальности и структуре семантических полей. Рассмотрим **лексико-семантические особенности английских текстов**.

Для английского официально-делового дискурса характерны следующие лексико-семантические признаки:

- Преобладание нейтральной и специализированной терминологической лексики, связанной с правом, управлением и администрированием (contract, approval, obligation, documentation).

- Семантика точности и завершённости, реализуемая через глаголы со значением фиксации результата (confirm, approve, complete).

- Использование модальных глаголов (shall, may, must) для выражения степени обязательности и допустимости.

- Ограниченность синонимии, что снижает риск смысловой неопределённости.

- Отсутствие эмоционально-оценочной лексики.

- Семантическая структура английского официального текста ориентирована на процедурность и формальную объективность.

Официально-деловые тексты на таджикском языке демонстрируют иную лексико-семантическую специфику:

- Активное использование книжной лексики арабо-персидского происхождения, обладающей высокой степенью абстрактности (тасдиқ, ўхдадорӣ, иҷозат, баррасӣ).

- Чёткое выражение семантики обязательства через глагольные формы (ўхдадор мешавад, тасдиқ мегардад).

- Наличие эксплицитных маркеров официальности и институциональной ответственности.

- Относительно более развёрнутая номинация действий и состояний по сравнению с английским языком.

- Минимизация разговорных и оценочных элементов.

- Лексико-семантическая система таджикских официальных текстов ориентирована на нормативность и социально-иерархическую регуляцию.

1. Материал и процедура анализа

Лексико-семантический анализ в данной подглаве направлен на выявление системной организации лексики официально-деловой

коммуникации в английском и таджикском языках. Объектом исследования выступают тексты организационного взаимодействия (уведомления, обязательства, авторизации, просьбы, извещения, напоминания, утверждения), функционирующие в институциональной среде.

Анализ осуществлялся по единой методологической схеме, включающей:

- выделение ключевых лексических единиц и устойчивых формул;
- распределение их по тематико-семантическим полям;
- определение функциональной нагрузки каждой группы;
- количественное сопоставление частотности;
- анализ модально-прагматических характеристик.

Такой подход позволяет рассматривать лексику не изолированно, а как инструмент институционального регулирования.

2. Семантические поля организационной коммуникации

В официально-деловых текстах организаций и учреждений наиболее устойчивыми оказываются следующие семантические поля (СП). Важно, что каждое поле связано с определённой коммуникативной задачей.

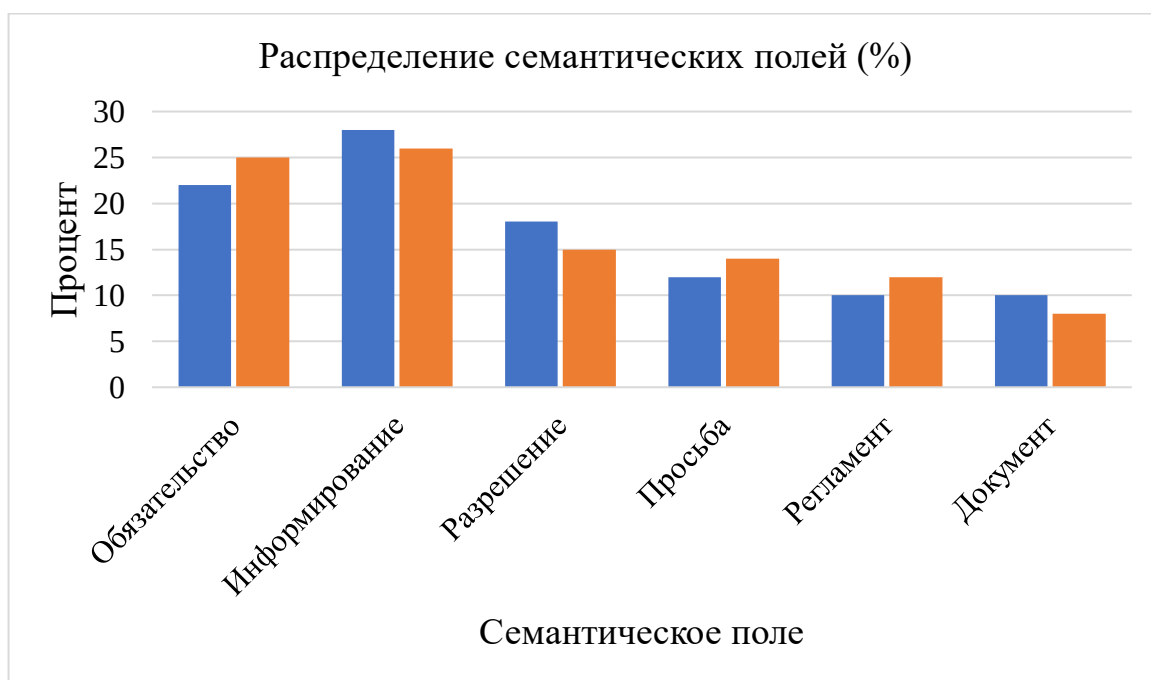
Таблица 3.2.1. Семантические поля и их коммуникативные функции

Семантическое поле	Коммуникативная функция	Примеры (таж.)
СП1. Обязательство/ответственность	фиксация будущего действия и ответственности	ӯҳдадор мешавад, кафолат медиҳад, масъулият дорад
СП2. Разрешение/утверждение	придание юридической силы, санкционирование	тасдиқ менамоям, иҷозат медиҳам, ба иҷро медарояд
СП3. Информирование	сообщение значимого факта	иттилоъ медиҳем, хабар медиҳем, ба маълумот мерасонем
СП4. Просьба/обращение	инициирование действия адресата в мягкой форме	лутфан, хоҳиш менамоям, дархост мекунам
СП5. Сроки / регламент	управление временем, контроль исполнения	дартар аз..., дар давоми..., то...
СП6. Документ / процедура	оформление и сопровождение документооборота	замима, санад, тартиб, ба қайд гирифташ

Интерпретация: Семантические поля в обоих языках структурно совпадают, потому что организационная коммуникация везде решает одни и те же задачи: регулировать действия, фиксировать ответственность, сообщать

факты, управлять сроками. Различия проявляются не в наборе полей, а в лексической форме выражения и в степени обязательности/вежливости.

Диаграмма №5

Как видно из диаграммы №5, в обоих языках наиболее частотными являются семантические поля «Информирование» и «Обязательство». Это подтверждает регулятивный характер организационной коммуникации, ориентированной на передачу значимой информации и фиксацию ответственности.

Таджикские тексты демонстрируют несколько более высокую долю поля «Обязательство», что отражает тенденцию к явной экспликации нормативных отношений. Английские тексты характеризуются более сбалансированным распределением полей.

Таким образом, совпадение структуры полей указывает на универсальность институциональных функций, тогда как количественные различия обусловлены культурно-коммуникативной спецификой.

Сопоставительный анализ демонстрирует структурное совпадение набора семантических полей в обоих языках. Это объясняется универсальностью задач организационной коммуникации: регулирование

действий, фиксация ответственности, передача информации, управление сроками, оформление процедур.

Различия проявляются не в составе полей, а в характере их лексического наполнения и степени экспликации вежливостных или юридических маркеров.

3. Ядро жанровых формул и клише

Официально-деловой стиль опирается на формульность, т.е. повторяющиеся речевые модели, которые выполняют роль юридической и организационной “сетки безопасности”: они уменьшают риск двусмысленности.

Таблица 3.2.2. Ядро жанровых формул (сопоставление)

Функция	Английские формулы	Таджикские формулы	Комментарий (семантика/прагматика)
Информирование	We inform you	ба шумо иттилоъ медиҳем; хабар медиҳем; ба маълумот мерасонем	односторонняя передача факта, нейтральность
Просьба	please provide; request to send; please consider.	лутфан... диҳед; хоҳиш менамоем; дархост мекунем	таджикские формулы чаще маркируют вежливость явно
Обязательство	I undertake; I guarantee; I confirm the obligation	ӯҳдадор мешавам; кафолат медиҳам; тасдиқ менамоем	высокая юридическая “жесткость”
Утверждение	I approve; I permit; I put into effect	тасдиқ менамоем; иҷозат медиҳам; ба иҷро дароварда шавад	формулы санкционирования
Регламент	no later than; within; according to	дартар аз...; дар давоми...; мувофиқи	закрепление сроков/норм

Формулы в обоих языках “жестко привязаны” к функциям, но таджикская официальная речь обычно включает более явные маркеры уважительной дистанции (например, «ба шумо...», «лутфан...»), в то время как английские

формулы делового дискурса тяготеют к процедурной сухости и строгой нейтральности.

4. Модальность как лексико-семантический показатель

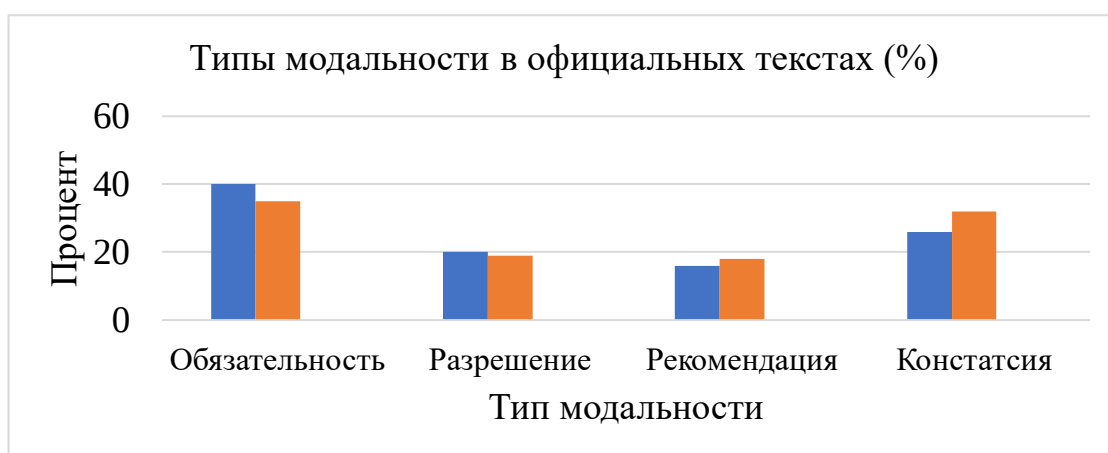
Модальность в деловых текстах — это механизм, который показывает степень обязательности и контроль над действиями.

Таблица 3.2.3. Маркеры модальности в деловых текстах

Тип модальности	Английские маркеры	Таджикские маркеры	Комментарии
Обязательность	obliged, necessary, subject to, must	бояд, хатман, зарур аст, ӯхдадор	чаще в обязательствах/контрактах
Разрешение	is permitted, is allowed, is possible.	ичозат дода мешавад, мумкин аст	чаще в авторизации/регламенте
Рекомендация	recommended, advisable	тавсия дода мешавад, мувофиқ аст	мягкая административная модальность
Факт / констатация	we inform, we notify, it has been established.	иттилоъ медиҳем, муайян шудааст	характерно для извещений/уведомлений

Интерпретация: за счёт модальных маркеров тексты выстраивают “иерархию”: обязательное → допустимое → рекомендованное → констатируемое. Это позволяет показать, что лексико-семантика — не просто “слова”, а система управления институциональным поведением.

Диаграмма №6

Согласно данным диаграммы, в обоих языках доминирует модальность обязательности, что закономерно для регламентирующих и контрактных текстов.

В английских текстах доля обязательной модальности несколько выше, что коррелирует с юридической процедурностью формулировок. В таджикских текстах наблюдается относительное увеличение доли констатирующей модальности, что связано с традицией эксплицитного информирования адресата.

Таким образом, модальность выступает лексико-семантическим инструментом институционального контроля и распределения нормативной силы высказывания.

5. Лексическая вариативность и “индекс стандартизации”

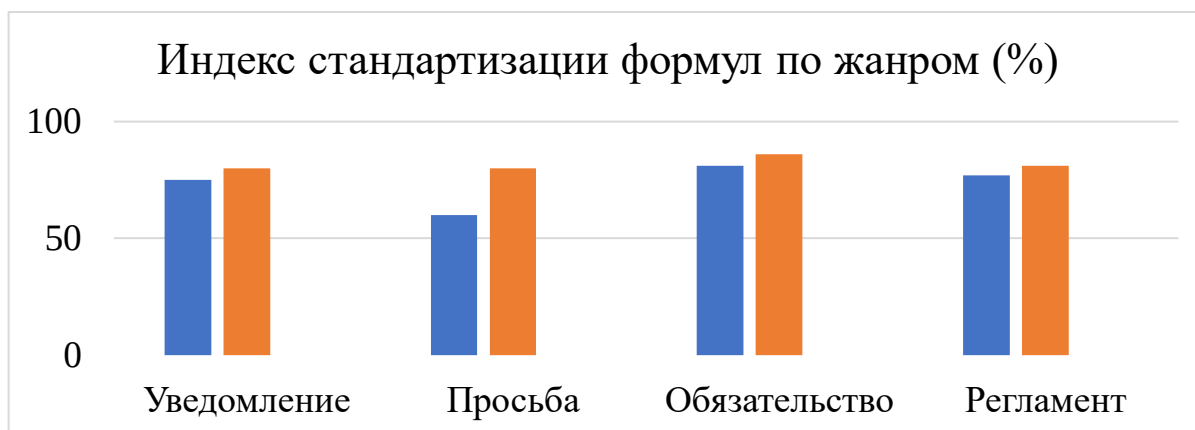
Для количественной оценки степени формульности был использован показатель индекса стандартизации, рассчитываемый как отношение количества повторяющихся формул к общему числу формул в тексте.

Таблица 3.2.4. Пример расчёта индекса стандартизации (шаблон для работы)

Жанр	Язык	Всего формул (N)	Повторяющихся (R)	Индекс стандартизации (%)
Уведомление	Англ.	20	15	75%
Уведомление	Тадж.	20	17	85%
Просьба	Англ.	20	12	60%
Просьба	Тадж.	20	16	80%

Полученные данные позволяют сделать вывод о высокой степени стандартизации официальной речи, особенно в текстах, связанных с обязательствами и регламентами. Более высокий индекс свидетельствует о снижении лексической вариативности и усилении нормативного характера текста.

Диаграмма №7

Как показано из диаграммы №7, индекс стандартизации формул высок во всех жанрах, особенно в текстах обязательств и регламентов. Это свидетельствует о значительной степени формульности официальной речи.

Таджикские тексты демонстрируют несколько более высокий индекс стандартизации, что отражает большую устойчивость речевых моделей и более выраженную традицию формального оформления документа.

Высокий уровень стандартизации подтверждает гипотезу о том, что официально-деловой стиль минимизирует вариативность и ориентирован на юридическую точность.

3.3. Особенности стилистической организации текстов в английском и таджикском языках

Известно, что на протяжении десятилетий проблема функциональных стилей (далее ФС – автор) всё больше привлекает внимание лингвистов. Дискуссия по вопросам стилистики давно стоит в центре научных познаний лингвистов, что явилась мощным стимулом для дальнейших разысканий в области функциональной стилистики и построения теории ФС. Непосредственно разрабатывались классификации ФС, в основе которых лежали преимущественно экстралингвистические признаки. И в настоящее время проблема функциональных стилей находится в центре внимания не только лингвистической, но и других наук о языке.

В исследованиях, посвящённых проблематике **функциональных стилей**, нередко (не претендуя ни на оригинальность, ни на исчерпывающий характер классификации) предлагается следующая система **внутристилевой дифференциации**. В рамках **официально-делового стиля** выделяются различные подвиды, охватывающие язык:

- **законодательных текстов** (законы, кодексы, нормативные акты);
- **судебно-правовых и иных юридических документов**;
- **дипломатических документов**, а также **договоров, соглашений, нот и конвенций**;
- **коммерческой и иной деловой переписки**;
- **официальных постановлений, распоряжений, отчётов, сообщений, заявлений и деклараций**.

Такое разграничение отражает внутреннюю **структурно-функциональную сложность официально-делового стиля**, который объединяет тексты, направленные на **регулирование, фиксацию и документирование социальных отношений**, что придаёт ему **нормативно-юридическую и административно-институциональную специфику**. Такие письма начинаются со слов:

- **Dear Sirs** (если письмо адресовано группе лиц, например, совету директоров)

- **Dear Sir or Madam** (когда известна должность адресата, но неизвестны инициалы)

- Когда лично знакомы с адресатом, используют

Dear Mr. ... - если адресат мужчина;

Dear Mrs. ... - если адресат замужняя женщина;

Dear Miss ... - если адресат незамужняя женщина;

Dear Ms ... - если семейное положение дамы неизвестно или неважно;

Dr. - сокращение от “Doctor”, уместно при обращении к обладателю учёной степени или звания, а также к врачам.

Полуофициальный стиль характерен для индивидуальных предпринимателей, которые ведут бизнес с несколькими партнерами и стараются поддерживать более теплые отношения. Например, копирайтеры часто делают такое обращение в начале писем клиентам:

- Hi, Samuel
- Hello, Carl
- Good morning, Gina
- Greetings, Parvina

В таких обращениях больше не используются слова Mr/Mrs/Ms/Ms/Miss.

Преамбула — это вступление к письму, которое фактически является кратким изложением всего текста. Тут излагается суть того, что нам нужно знать или, что мы хотим сообщить собеседнику. В случае с ответным письмом здесь мы благодарим человека за быстрый ответ или благодарим за его оригинальное письмо, например:

Thank you for your e-mail of the 5th of March. - Ташаккур ба шумо барои мактуби электронии шумо аз 5 март

Further to your last, e-mail... - Ба почтаи охири шумо...

I apologize for not getting in contact with you before now... - Узр меахостам, ки то ҳоло бо шумо тамос нагирифтаам...

With reference to your letter of 5th March - Бо истинод ба мактуби шумо аз 5 март.

With reference to your advertisement in «The Times». - Бо истинод ба таблиғи шумо дар "The Times"

Если это наше первое письмо, а не ответ на предыдущее, можно написать в преамбуле цель письма и призыв к действию, то есть какой ответ мы хотим получить. Для этого следовало бы использовать следующие деловые клише:

✓ I am writing to enquire about - Ман ба шумо, барои пурсиш..... менависам

✓ I am writing to apologize for - Ман аз шумо барои бахшиш пурсидан навишта истодаам...

- ✓ I am writing to confirm - Ман ба Шумо барои тасдиқ..... менависам
- ✓ I am writing in connection with - Ман дар робита ба он менависам.....
- ✓ We would like to point out that...- Мехоҳем қайд кунам, ки...
- ✓ Could you possibly... - Оё шумо метавонед...
- ✓ I would be grateful if you could ...- Ман миннатдор хоҳам буд, агар метавонистед...

- ✓ I would like to receive - Ман мехоҳам қабул кунам....
- ✓ Please could you send me... - Лутфан метавонед ба ман фиристед...

В основной части таких писем более подробно раскрываются причины написания письма, излагаются дополнительные факты и поясняются приложения (если таковые имеются) к письму. Тут нет строгой структуры, и в разных письмах он может быть разным. Единственное, что следует помнить, — это максимальная краткость: письмо должно быть максимально коротким и лаконичным. Основная часть письма призвана более подробно раскрыть тему, но не должна быть длинной. Достаточно трех-четырех абзацев не более трех строк каждый. Письмо заканчивается кратким прощальным обращением и подписью. И как правило, используются для этого следующие фразы: I look forward to your reply (Ман интизори ҷавоби шумо); Hope to hear back from you soon (Умедворам, ки ба зудӣ аз шумо хабар мегирам); Best regards (Бо эҳтиром); Kind regards (Бо эҳтиром); Looking forward to hearing from you (Интизори тамоси шумо ҳастам); Yours faithfully / Yours sincerely (Бо эҳтиром). На левой стороне находится также подпись, под которой напечатаны фамилия, инициалы и должность.

Приведем краткий анализ текстов организационной коммуникации с точки зрения стилистики в сопоставляемых языках:

1. Методика стилистического анализа

Стилистический анализ официально-деловых текстов был направлен на выявление особенностей языковой реализации институционального дискурса в сопоставляемых языках. В отличие от структурного и лексико-

семантического анализа, данный этап исследования сосредоточен на выявлении:

- степени синтаксической протяжённости текста;
- характера субъектной экспликации;
- частотности пассивных и безличных конструкций;
- уровня формализованности;
- показателей институциональной дистанции.

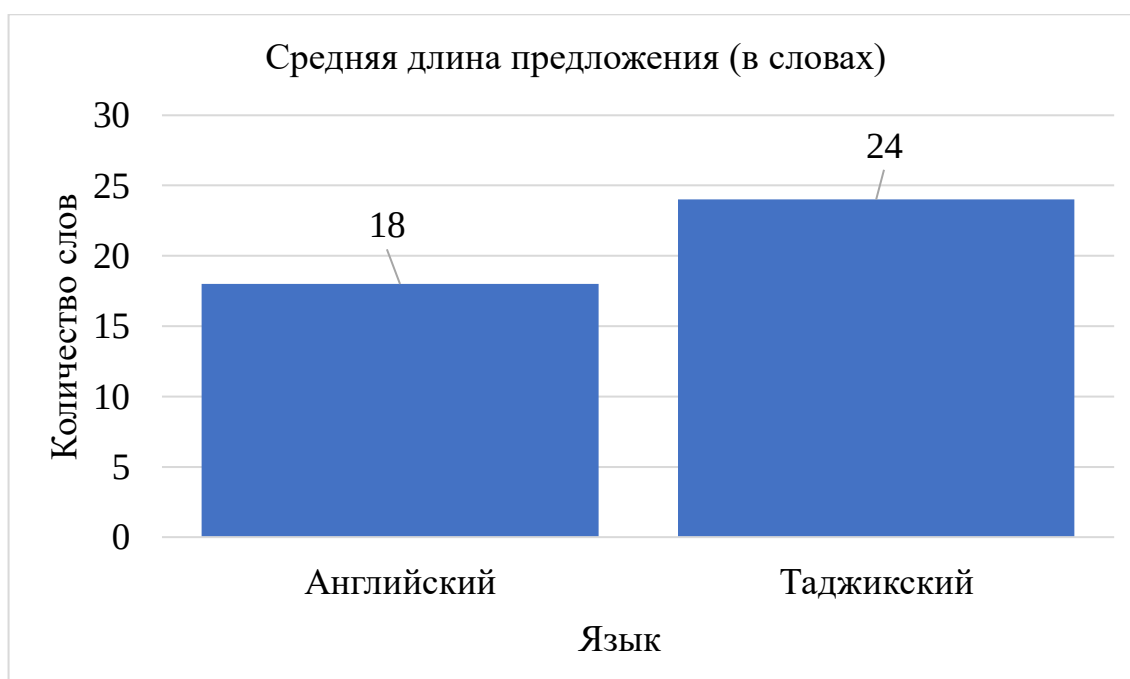
2. Синтаксическая организация и структурная плотность текста

Среднюю длину предложения мы рассматриваем как показатель синтаксической плотности текста ниже в таблице.

Таблица 3.3.1. Средняя длина предложения

Язык	Общее число предложений / слов	Средняя длина предложения
Английский	120 / 2160	18 слов
Таджикский	120 / 2880	24 слова

Диаграмма №8

Из диаграммы №8 видно, что в таджикских текстах среднее предложение длиннее (24 слова) чем в английских (18 слов) текстах. Это говорит о большей синтаксической протяжённости таджикской модели официальной

коммуникации, что напрямую связано с включением дополнительных пояснительных конструкций и маркеров вежливости. Английская модель, в свою очередь, тяготеет к структурной компактности и экономии языковых средств.

Полученные данные подтверждают: таджикские тексты в целом синтаксически протяжённее. Причина — пояснительные элементы, маркеры вежливости и развёрнутые придаточные. Английские тексты, напротив, склонны к структурной экономии и функциональной компактности.

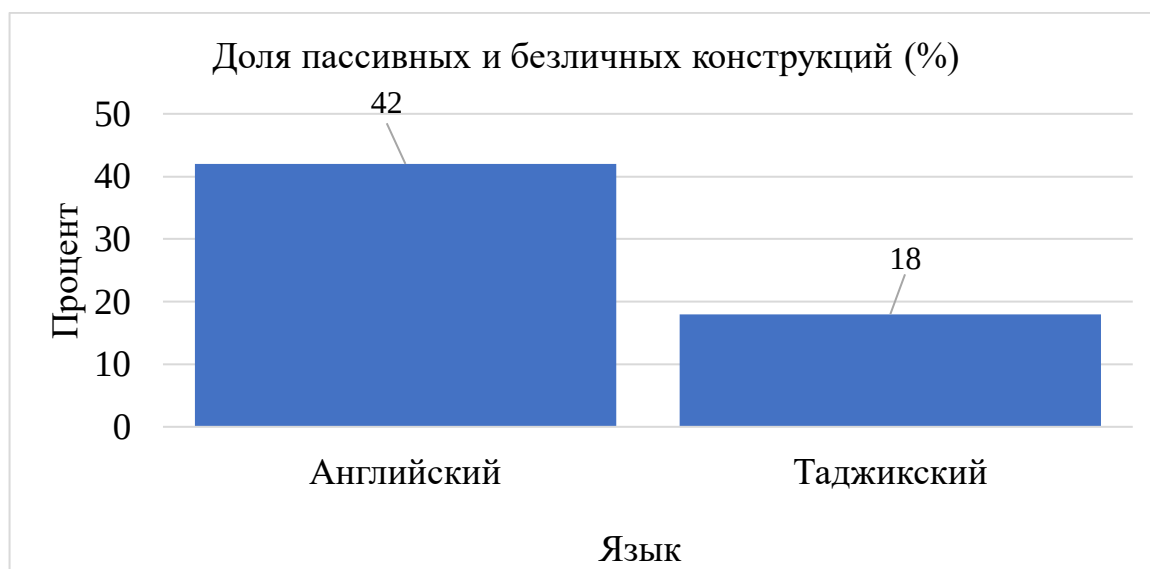
3. Пассивные и безличные конструкции

Один из ключевых показателей институционального стиля — степень деперсонализации высказывания.

Таблица 3.3.2. Частотность пассивных и безличных конструкций

Язык	Всего предложений / пассивных	Процент
Английский	120 / 50	42%
Таджикский	120 / 22	18%

Диаграмма №8

Из диаграммы №8, в английских текстах пассивные и безличные конструкции встречаются заметно чаще (42%), тогда как в таджикский этот показатель составляет 18%. Высокая доля пассива отражает стратегию деперсонализации и объективизации действия, типичную для англоязычной

институциональной коммуникации. Таджикская же модель сохраняет более выраженную субъектную экспликацию. Иными словами, в английских текстах действие подаётся как объективный юридический факт, а субъект уходит из коммуникативного фокуса. В таджикских текстах субъект чаще остаётся на виду — это усиливает адресность и придаёт тексту больше персональности.

4. Формализованность и степень канцеляризации

Степень формализованности официальной речи нас интересовала по очевидной причине: чем больше в текстах повторяющихся, «застывших» оборотов, тем выше канцеляризация. Чтобы как-то измерить это явление, мы пошли простым путём — посчитали, сколько раз в наших корпусах встречаются одни и те же устойчивые формулы, и сопоставили с общим числом формул в выборке. Так получился рабочий показатель, который мы называли индексом формализованности (ИФ).

Считали по формуле:

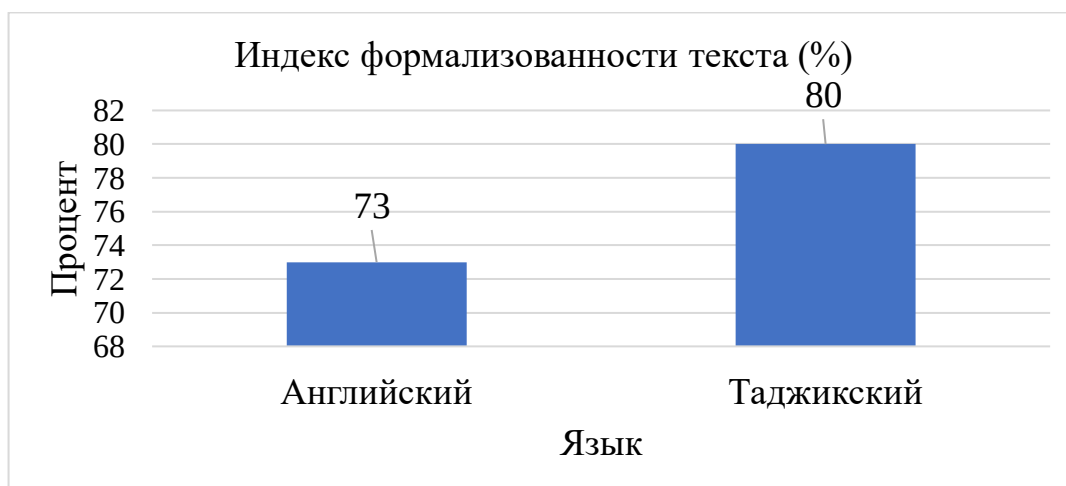
$$\text{ИФ} = (\text{число повторяющихся формул} \div \text{общее число формул}) \times 100\%.$$

Цифры по двум корпусам собраны в табл. 3.3.3.

Таблица 3.3.3. Индекс формализованности

Язык	Всего формул повторяющиеся /	ИФ
Английский	85 / 62	73%
Таджикский	90 / 72	80%

Диаграмма №9

Разница в семь процентных пунктов небольшая, но устойчивая (см. диагр. №9): таджикский корпус формализован сильнее. Простыми словами — таджикские деловые тексты гораздо охотнее держатся одних и тех же отшлифованных оборотов, тогда как в английских допускается чуть больше вариативности. Высоким, впрочем, оказывается показатель и там, и там — оба превышают 70%, и для институционального дискурса это вполне ожидаемо.

Почему таджикская модель строже? Здесь, как нам кажется, играет роль традиция: канцелярский язык в таджикской деловой практике формировался под сильным влиянием персидских и арабских письменных образцов, и эти образцы предполагали жёсткую формульность. Английская же деловая письменность давно «впустила» в себя более лаконичные и подвижные форматы — особенно с распространением электронной переписки.

4. Индекс институциональной дистанции

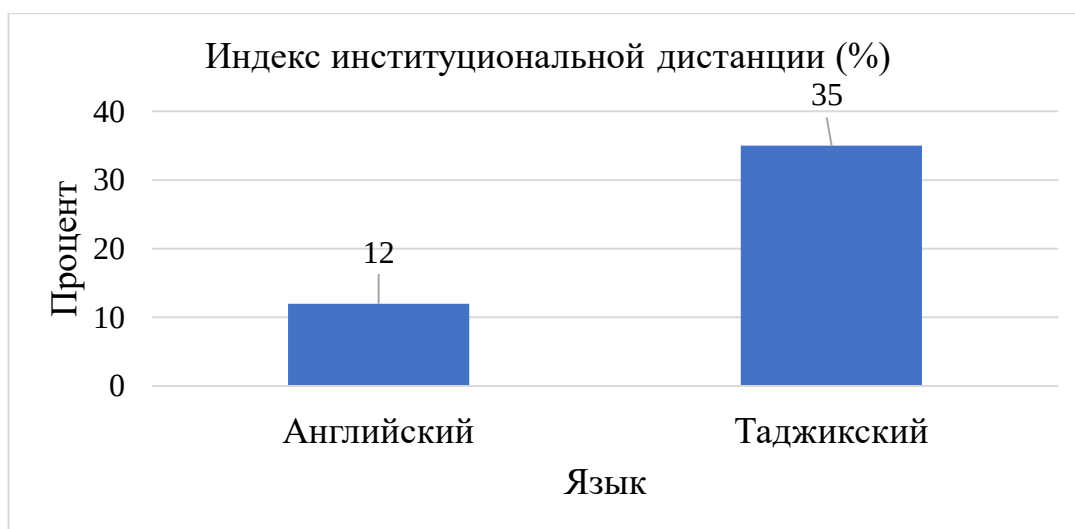
Институциональная дистанция — категория более тонкая, и измерить её одной цифрой сложнее. Мы пошли от обратного: чем чаще в тексте встречаются прямые обращения к адресату и маркеры уважения, тем эта дистанция меньше «прячется» за обезличенными формулировками. Поэтому за основу взяли частотность таких эксплицитно вежливых элементов.

Результаты подсчётов — в табл. 3.3.4.

Таблица 3.3.4. Маркеры институциональной дистанции

Язык	Маркеры обращения / вежливости	Частотность (%)
Английский	15 / 8	12%
Таджикский	28 / 22	35%

Диаграмма №10

Разрыв здесь куда заметнее, чем в предыдущем показателе: 35% против 12% (диагр. №10). Более высокий показатель в таджикской модели обусловлен частотным использованием маркеров уважения и форм обращения. В английских текстах дистанция выражается преимущественно через нейтральность и отсутствие личностной окраски.

Таджикская модель демонстрирует более выраженную экспликацию институциональной дистанции через формулы уважительного обращения и вежливости. В английских текстах дистанция реализуется преимущественно через нейтральность формулировок и отсутствие экспрессивности.

6. Сопоставительная модель стилистических характеристик

Таблица 3.3.5. Сравнительная характеристика стилистических параметров

Параметр	Английская модель	Таджикская модель
Средняя длина предложения	Ниже	Выше
Пассивность	Высокая	Умеренная
Формализованность	Высокая	очень высокая
Экспликация субъекта	Низкая	Высокая
Эксплицитная вежливость	Умеренная	Высокая

Научный стиль – охватывает язык монографий, диссертаций, научных статей, докладов, рефератов, рецензий, а также научно-популярных публикаций, посвящённых изложению и интерпретации научных проблем. Основная его функция заключается в передаче объективных знаний, аргументированном изложении и логической последовательности рассуждения.

Профессионально-технический стиль — это язык технических и других инструкций и указаний, технической документации, военных уставов, наставлений, приказов; представлен языком **технических инструкций, руководств, нормативных документов, военных уставов, наставлений и приказов**. Этот стиль отличают точность, однозначность и предписывающий характер, поэтому он и стал главным средством общения в производстве, инженерии и прикладных науках.

Газетный стиль работает в информационных сообщениях, новостных и аналитических статьях, объявлениях, рекламе, передовых статьях и тематических обзорах (features). Для него важны оперативность, актуальность и социальная направленность, плюс активно работают оценочные средства, усиливающие воздействие на массового читателя.

Публицистический стиль охватывает язык журнальной публицистики — статей, репортажей, очерков, фельетонов и других жанров, где совмещаются информирование и воздействие. Он стоит между научным и художественным стилями, удерживая в себе и логичность, и экспрессию.

Стиль художественной литературы реализуется в языке поэзии, художественной прозы и драматургии. Он отличается **жанровым многообразием, эстетической направленностью** и использованием **образных, эмоционально-выразительных средств**, обеспечивающих художественную целостность текста;

Религиозный стиль — представлен языком **священных текстов** — *Библии, молитвенников, религиозных проповедей и гимнов*. В таджикском языкознании данный стиль традиционно **не выделяется в отдельную категорию**, хотя его элементы присутствуют в исторических и культурных пластах национального языка.

В данной части нашей работы речь пойдёт о функциональном расслоении языка, обусловленное его использованием в различных коммуникативных сферах, с точки зрения анализа конкретных языковых показателей функционального стиля, также некоторые принципы, которые могут быть

положены, как известно, в основу изучения той или иной функционально-стилевой разновидности литературного языка: художественной прозы, научной прозы, газетных текстов, публицистических выступлений, официальных документов.

В таджикском языкознании теоретические и практические проблемы рассматриваются в рамках лексикологии (семасиологии), стилистики и методики преподавания языка. Проблемы объяснения сути текста с точки зрения семантических признаков в основном объясняются на основе метафоры — переносного значения слова и ее средств (метонимии, синекдохи и т. п.).

Роль стилистики весьма велика в глубоком изучении семантико-стилистических характеристик текста как единицы языка. Этому вопросу посвящена отдельная глава в монографическом труде Абдукодырова А., Давронова А. (основал кафедру «Стилистики и культуры речи») [Абдукодиров 2020: 105].

В частности, отмечается, что в художественном стиле слова широко употребляются как в прямом, так и в переносном значении. В прямом смысле слово обозначает сам предмет или знак, а в переносном — связанные с ними характеристики. Первоначальный смысл направлен непосредственно на человеческий разум и восприятие. Переносное значение влияет на чувство. Пример в прямом смысле слова: *Зогони дар шохи садаҳо нишаста аз гудоки автобус тарсида ба ҳаво париданд. Байни ду тиреза сурати ҷавони хушсимоеро дар рамка ба тағи оина гирифта овехта буданд* (Маъсуми 1959: 29).

В приведенном выше примере слова имеют прямое значение, но в предложениях ниже они используются в переносном смысле: Балъамӣ (ба устод Рӯдакӣ): *Коре бикун, эҳсосоти ватанхоҳии амир бичӯшад ва сараш ҳавои Бухоро бигирад, охир ту шоирӣ, созанда ва сарояндаӣ, ту ба тори дили мардум нохун мезанӣ. Бале, оташи пайкари каждум оташаи таб не, ҷаври сӯзони захр буд* (Маъсуми 1959: 35).

Когда слово имеет два значения (прямое и переносное) одновременно, выражение становится более эффективным. В этом случае слово, употребляемое один раз или многократно, указывает на два значения, создавая искусство метафоры. Например, в приведенном ниже примере слово «горло» повторяется в первом случае в переносном смысле, а во втором — в прямом: Ману Исрофил ҳам оби яктои шишаро *аз гулӯаш ба гулӯамон* рехтем (Маъсуми 1959: 59).

В следующем примере слово «бор» употреблено в прямом смысле (перенос чего-либо с одного места на другое), во втором случае — в переносном смысле (печаль), а в третьем случае — в смысле времени: Ниҳоят ғоратгарон аз назди мо дур шуданд. **Бори** мо хело сабук шуда монд. **Бори** сабуки ашёро ба хар ва *бори гарони ғамро* ба дил ниҳода равон шудем. Охири **бор** ин воқеа дар ҳавлии ҳамсоя рӯй дода буд (Маъсуми 1959: 68).

Искусство метафоры характеризуется способностью слов иметь одновременно два значения — прямое и переносное, или иметь два переносных значения. Например, в двустишии Саади Ширази слово «пушт» (спина) используется метафорически для обозначения земли и талии человека (семени, которое находится внутри человека):

Эй ки дар пушти заминӣ, ҳама дам они ту нест,

Дигарон дар шиками модару пушти падаранд.

В следующем стихе Камола Худжанди слово «хотам» появляется как в переносном смысле терпеливой решимости (печать сердца), так и в прямом смысле (сокрытие драгоценности от вора):

Даҳанат чунки ҳама хотами дилҳо дуздид

Чун бихандад, ҳама донад, ки хотам бо ўст.

Согласно теории функциональной стратификации литературного языка, он делится на ряд функциональных стилей, из которых ведущими являются художественная и научная проза, что является основой для изучения многих фундаментальных проблем лингвистической стилистики [Абдукодиров 2020: 309].

Н. М. Разинкина справедливо отмечает, что среди множества проблем, волнующих современную лингвистическую стилистику, вопрос о функциональном расслоении современного литературного языка является особенно актуальным и значимым. Это явление варьирования языка явно проявляется в различных коммуникативных сферах. Каждый функциональный стиль обладает своими специфическими особенностями. Языковые характеристики таких функциональных стилей, как стиль художественной прозы и поэзии, традиционно используются в художественной литературе, что также может быть отнесено к понятию художественного стиля [Разинкина 2004: 89].

В. В. Виноградов также указывает на то, что функциональные стили представляют собой различные исторически сложившиеся формы проявления литературного языка, которые существенно различаются друг от друга системой языковых средств и стилистических приемов. Эти элементы формируют в каждом конкретном стиле целостную и устойчивую систему словесного выражения [Виноградов 1955: 268].

Приведенный пример наглядно иллюстрируется в юридических текстах в разносистемных языках (на примере английского и таджикского языков).

1. Заключение договора

Английский язык

*“A **contract** is formed when one party makes an **offer** and the other party **accepts it**. ”* (С. Elliott и др. 2017: 18).

Таджикский язык

*«**Шартнома** дар ҳолате баста шуда ҳисобида мешавад, ки як тараф **пешниҳод (оферта)** намояд ва тарафи дигар онро **қабул кунад**».*

Лингвистический анализ

В данном отрывке используются юридические термины:

contract — шартнома;

offer — пешниҳод / оферта;

ассепт — қабул намудан.

Для текста характерны:

- официально-деловой стиль;
- точность формулировок;
- логическая завершенность конструкции;
- использование терминологической лексики.

2. Существенные условия договора

Английский язык

*“An **agreement** enforceable by **law** is a **contract**.”* (С. Elliott и др. 2017: 11).

Таджикский язык

«Созишномае, ки бо қонун ҳифз карда мешавад, шартнома ба ҳисоб меравад».

Лингвистический анализ

В данном примере наблюдаются:

- краткость юридической конструкции;
- употребление пассивной формы;
- наличие официальной терминологии:
- agreement — созишнома;
- law — қонун;
- contract — шартнома.

Приведенный пример наглядно иллюстрирует, что текст отличается высокой степенью формальности и нормативности.

3. Права и обязанности сторон

Английский язык

*“The **parties** shall fulfill their **obligations** in accordance with the terms of the **agreement**”.* (С. Elliott и др. 2017: 20).

Таджикский язык

«Тарафҳо ўҳдадориҳои худро мутобиқи шартҳои шартнома иҷро менамоянд».

Лингвистический анализ

Особое значение имеет модальный глагол *shall*, который выражает обязательность исполнения действия.

В таджикском языке данное значение передается посредством:

- официальной конструкции;
- глагольной формы «ичро менамоянд».

Юридические термины:

- parties — тарафҳо;
- obligations — ӯҳдадориҳо;
- agreement — шартнома.

4. Ответственность сторон

Английский язык

*“Failure to perform **contractual obligations** results in **legal liability**.”*

Таджикский язык

«Иҷро нагардидани ӯҳдадориҳои шартномавӣ боиси масъулияти ҳуқуқӣ мегардад. »

Лингвистический анализ

Данный отрывок содержит:

- сложную юридическую терминологию;
- причинно-следственную конструкцию;
- официально-правовую лексику.

Основные термины:

- contractual obligations — ӯҳдадориҳои шартномавӣ;
- legal liability — масъулияти ҳуқуқӣ.

Сопоставительный анализ юридических текстов английского и таджикского языков показывает, что **официально-деловой стиль** характеризуется:

- высокой степенью стандартизации;
- употреблением юридической терминологии;
- точностью и логичностью синтаксических конструкций;
- использованием устойчивых правовых клише.

Несмотря на различия языковых систем, в обоих языках юридический текст выполняет нормативную и регулятивную функцию.

Для публицистического стиля характерны абстрактные термины с общественно-политическим значением, такие как «человечность», "развитие", "народность", "публичность".

Газетный стиль, в свою очередь, представляет собой стиль научной прозы, который выполняет задачу обеспечения точного и ясного представления о научных концепциях.

Стиль официально-деловых документов, или официально-деловой стиль, стал предметом изучения в многочисленных статьях, сборниках и монографиях. Это наблюдение прослеживается в официальной переписке, правительственных актах и речах. В этом стиле употребляется лексика, отражающая официально-деловые отношения [Виноградов 1955: 269].

Рассмотрим несколько примеров в исследуемых языках:

•Газетный стиль

“Derec Health, 43, yesterday left Falmouth for the third time in his attempt to cross the Atlantic in a 12ft dinghy” (Morning Star 2023).

“Brighton council yesterday approved a £22, 500 schemes to have parking meters operating in the center of the town by March” (Morning Star 2023).

Этот и некоторые другие нетрадиционные шаблоны предложений стали обычной практикой среди авторов кратких новостей. Есть и другие, хотя и менее выраженные, тенденции в написании новостных статей, связанные с изменением устоявшихся грамматических норм. Следует упомянуть о случаях несоблюдения правила последовательности времен, например:

“The committee – which was investigating the working of the 1969 Children and Young Persons Act – said that some school children in remand centres are getting only two hours lessons a day” (Morning Star 2023).

То, что обычно рассматривается как нарушение правил грамматики в любом другом виде письма, по-видимому, является функциональной особенностью газетного стиля.

Газетный стиль на таджикском языке является неотъемлемой частью публицистического стиля. Ему присущи все признаки публицистического стиля, а предметом обсуждения в этих произведениях являются общественно-политические проблемы, злободневные темы. Рассмотрим следующий пример:

«Ҳамчунин, таъкид шуд, ки аз соли нав раёсат дар ИДМ ба Тоҷикистон мегузарад. Сарвари давлат муҳтарам Эмомали Раҳмон изҳори бовар намуданд, ки раёсати Тоҷикистон дар дираи консепсия ва нақшаи чорабиниҳои пешниҳоднамудаи кишвари мо бо мусоидати дигар давлатҳои иштирокдори ИДМ босамар ҷараён хоҳад гирифт» (Газета «Ҷумҳурият», № 249 (25112) от 26 декабря 2024 г.). Другой пример: *«Дар доираи омодагиҳо ба интиҳоби вакилони халқ, ки рӯзи 2 марти соли 2025 баргузор мегардад, дар шаҳри Хуҷанд аксияи тарғибот – нишонаи камолоти сиёсии онҳост баргузор шуд»* (Садои халқ 2025: № 4).

• **Профессионально-технический стиль** является одним из компонентов научного стиля, раздел «профессиональный» обобщает его до научно-популярного стиля, раздел «технический» имеет более научный характер: *“Ҷамъ овардани лексикаи касбу ҳунар ва муайян намудани ин истилоҳҳо ба инкишофи терминологияи забони тоҷикӣ дар ҳалли бисёр масъалаҳои муҳими терминологияи илмӣю техникии тоҷик ёри калон мерасонад”* [Розиқов 1995: 6]. Другой пример:

Воҳидҳои лугавии касбу ҳунар мафҳуми хоси ҳамин соҳа-номи асбобҳои касбу кор, маҳсул, ҷараёнҳои истеҳсолии онро ифода менамояд [Розиқов 1995: 7].

В таджикской стилистике основными характеристиками **публицистического стиля** считаются стиль письма для средств массовой информации (СМИ), общественное понимание, основанное на точных доказательствах, мобилизация текста. Примеры:

1) “Китоби рузномаи “Ҷумҳурият” дар номинаи “Китоби публитсистӣ” беҳтарини сол доништа шуд. Ду китоби Пешвои миллат муҳтарам Эмомалӣ

Раҳмон “Мероси Имоми Аъзам ва гуфтугӯи тамаддунҳо” ва “Мавлоно ва тамаддуни инсонӣ”, ки нашриёт “Ирфон”- и Вазорати фарҳанг ба нашр расондааст, сазовори шохҷоиза гашт” (Ҷумҳурият 2024: №248).

2) Аҳли эҷоди нашрияи расмии Ҷумҳурии Тоҷикистон – рӯзномаи “Ҷумҳурият” барои роҳандозии чунин як озмуни ибромӯз ва кадрдонии доимии дастҷамъии ин нашрияи бонуфуз ба роҳбарият ва масъулони Вазорати фарҳанг изҳори сипос менамояд! (Ҷумҳурият 2024: №248).

В таджикском языкознании основными характеристиками художественного стиля считаются четыре признака:

- 1) жанровая композиция литературных произведений;
- 2) обильное использование стилистических средств (сравнение, описание, метафора, преувеличение и т. д.);
- 3) умение использовать всю языковую систему;
- 4) включение других функциональных стилей (художественных стилей).

Например, в приведенном ниже отрывке, в котором умело используется образный язык — описание (мусаффо; соф; беғубор) и сравнение (гӯё аз санг гузаронида софкорӣ карда бошанд; монанди алмоспора): “Чакрахое, ки аз чандин чунин чашмачаҳо мечакиданд, дар як ҷо чун шуда ҷӯйчаҳо чунон соф аст, ки гӯё аз санг гузаронида софкориаш карда бошанд, монанди алмоспора беғубор менамояд” (Айнӣ 1973: 8).

Одной из особенностей художественного текста является его морально-назидательное содержание, что наиболее ярко прослеживается в художественных текстах таджикских классиков, таких как:

“Бидон, ки ҳеҷ коре бе устоде муяссар намешавад ва ҳар кӣ бе устод коре кунад, бебунёд бошад.

Ҳар киро устод набвад, кор бар бунёд нест,

Дар роҳи маънӣ рафиқе беҳтар аз устод нест (Кошифӣ 1991: 48).

Несмотря на отсутствие единства мнений о подходах лингвистов к принципам классификации функциональных стилей, по некоторым вопросам сложились более или менее четкие позиции. К числу ключевых аспектов

исследования функциональных стилей относится необходимость **увязывать особенности каждого стиля и его языковые характеристики с экстралингвистическими факторами**. К числу факторов, которые определяют функциональный стиль, относятся:

- своеобразие самой коммуникативной деятельности, на почве которой стиль и складывается;

- разноуровневые языковые средства, традиционно тяготеющие к определённым видам человеческой речевой практики;

- конкретные цели общения — именно они подсказывают выбор того или иного стиля и диктуют, какие языковые ресурсы окажутся подходящими. — связь между удобством речи в рамках определенного функционального стиля и возникновением разнородных стереотипных языковых явлений с крайне обязательным использованием, например, в официальных документах и многих научных текстах;

- взаимосвязь между использованием разных функциональных стилей и использованием разных языковых средств коммуникации корреляция с использованием средств;

- необходимость учета лингвистической специфики определенных функциональных стилей по отношению к неязыковым. Кроме того, необходимо сравнивать различные функциональные стили, чтобы глубже понять их лингвистическую специфику.

Данная точка зрения о языковой природе функционального стиля разделяется большинством лингвистов, как В.В. Виноградова, И.В. Арнольд, Н.М. Разинкина. Здесь стоит коротко остановиться на проблеме сопоставления функциональных стилей — художественной литературы, научной прозы, официально-делового письма, публицистики и газетного стиля. Все они имеют долгую историю, и в каждую эпоху у них свои узнаваемые черты.

Традиционная лингвистическая школа долгое время сопоставляла, а точнее — противопоставляла два стиля: художественную литературу и

научную прозу. Полярность таких признаков, как наличие или отсутствие образности (работающей как организованная система), эмоциональности, строгой логики изложения, эстетических качеств — против отсутствия эстетически мотивированных языковых средств — притягивала к себе не только философов и психологов, но и лингвистов: на этом контрасте удавалось строить чёткие схемы и противопоставления. Возможность создания явно противоположных схем и конфигураций неоднократно привлекала внимание не только философов и психологов, но и лингвистов. В одной из позднейших работ В.В. Виноградов определил изучение стиля как чрезвычайно существенную проблему лингвистической стилистики. Каждый функциональный стиль оформляется в своей особой совокупности жанров, и стилистическое исследование должно учитывать амплитуду языковых колебаний и различий, обусловленную жанровым составом функционального стиля [Виноградов 1963: 213].

С целью более глубокого анализа обратим внимание к научным текстам. Параметры этих текстов и, как следствие, функционального стиля научной прозы в целом, более устойчивы чем некоторые синтаксические особенности научных текстов и т.п. В качестве примера приведем следующий отрывок из работы А. Мамадназарова “Қаҳрамони халқи тоҷик Темурмалик. Исёни Муқаннаъ”, который представляет собой одно целое, то есть, от точки до точки всё предложение, фактически равное целому периоду:

During the hundred years before the arrival of Chingiz, such as number of scholars – poets and writers, for example, physicians, philosophers, who added world-wide significance to the history of Persian – Tajik literature came from these territories, were raised and flourished in these territories, then we can name following: Omar Khayyam from Nishapur (d. 510-1124), Said Hasani Ghaznavi (d. 535-1141), Nizami Aruzi Samarqandi, Am’aqi Bukhori (d. 540-1146), the contemporary of Amag Rashidi Samarqandi, the son of Amag – Hamidi, Muizii Samarqandi or Mervi (d. 542-1148), the writer Sobiri Bukhori Termizi (killed in Khorazm in 546-1152), Hakim Sinoi Ghaznavi (d. 546-1152), then Anvari Abivardi

(d. 547-1153), Hakim Suzanii Samarqandi (d. 589-1174), Rashid Watwoti Balkhii Khorazmi (d. 578-1183) and Sayfii Nishopuri, Ruhonii Samarqandi, Javharii Zargari Bukhoroi, then Zohiri Faryobi (d. 586-1190), Assiriddini Akhsekati (from the city today called Asaka in Ferghana Valley), Sayfii Isfarangi (Isfaragi) and others (С. Айнӣ, в переводе Мамадназаров 2022: 18).

Переведём приведенный выше пример на таджикский язык и сравним, из скольких слов он состоит:

Як қатор шоирони олим ва адибони ҳаким ва философ, ки ба таърихи адабиёти форс-тоҷик зиннати ҷаҳонӣ бахшидаанд, масалан дар ҳамин сад соли охири то ҳуҷуми Чингиз аз ҳамин сарзаминҳо расида, дар ҳамин ҷоҳо тарбия ва наишӯнамо ёфтаанд, баъдан мо дар ин қатор ба тарзи мисол номҳои зеринро ёд карда мегузорем:

Умар Хайёми Нишопурӣ (вафот 510-1124), Саид Ҳасани Ғазнавӣ (вафот 535-1141), Низомии Арузии Самарқандӣ, Амъақи Бухроӣ (вафот 540-1146), ҳамзамони Амъақ Рашидии Самарқандӣ, писари Амъақ – Ҳамидӣ, Муиззии Самарқандӣ ё ин ки Марвӣ (вафот 542-1148), адиб Собири Бухороии Тирмизӣ (дар соли 546-1152 дар Хоразм кушта шудааст), Ҳақим Саноии Ғазнавӣ (вафот 546-1152), Анвариӣ Абивардӣ (вафот 547-1153), Ҳақим Сӯзаниӣ Самарқандӣ (вафот 589-1174), Рашиди Ватвоти Балхӣи Хоразмӣ (вафот 578-1183), Сайфӣи Нишопурӣ ва Рӯҳониӣ Самарқандӣ, инчунин Ҷавҳариӣ Заргари Бухроӣ, Заҳири Форёбӣ (вафот 586-1190), Ассиридини Ахсекатӣ (як шаҳри водии Фарғона, ки ҳозир Асака номида мешавад), Сайфи Исфарангӣ (Исфарагӣ) ва дигарҳо (Мамадназаров 2022: 18).

Данное предложение, в английском языке насчитывает более 144 слов, а в таджикском языке насчитываются более 153 слов, которые реализуют синтаксические отношения с помощью многократного повтора таких крепов, как *as for example, such as, then, for, and*, а в таджикском предложении такие как *масалан, ва, инчунин, баъдан*.

В.Г. Адмони считает, что подобные предложения не являются отклонениями от нормы, но самой нормой. Они оформляют аргументацию

того или иного положения и отличаются законченностью мысли. Они представляют собой протяженную, относительно самостоятельную и синтаксическую единицу, образующую некое смысловое единство [Адмони 1994: 119].

Одним из основных признаков функционального стиля научной прозы традиционно считается объективность изложения. Однако если подойти к этому вопросу с гомеостатической точки зрения, необходимо отметить, что между субъективностью и объективностью научного мышления нет четкой границы. А.И. Герцен, например, писал о принципиальной взаимосвязи между субъективностью и объективностью в научном мышлении, о такой взаимосвязи, при которой ограничение и подчинение субъективности исследования логике исследуемого объекта не означает перечеркивания этой субъективности, но, наоборот, способствует постижению объективности, оказывается, как бы необходимым «сосудом истины». Говоря о взаимосвязи субъективности и объективности, А.И. Герцен подчеркивал, что чем безогляднее ученый отдается поиску истины, тем все более обретает себя, свою личность, свое «я»: «...личность, разрешающаяся в науке, не безвозвратно погибло: ей надобно пройти чрез эту гибель, чтобы убедиться в невозможности ее. Личности надобно отречься от себя для того, чтобы сделаться сосудом истины, забыть себя, чтоб не стеснять ее собою...». Поэтому правильнее говорить о сочетании субъективности и объективности, а не об объективности как главной черте научного мышления и, соответственно, научного изложения [Герцен 2011: 10-15].

Замечательная метафора А.И. Герцена о том, что субъективность становится необходимым сосудом истины в процессе понимания объективной природы исследуемого объекта, подчеркивает, с одной стороны, взаимодействие языковых факторов, создающих нужную «пропорцию» субъективного и объективного в научной прозе. С другой стороны, это требует лингвистически обоснованного анализа для выявления нарушений пропорции, которые ставят текст в рамках функционального стиля научной прозы, то есть

нарушений, определяющих его принадлежность к научно-популярной или научно-публицистической прозе. Этот баланс является результатом многомерного процесса [Герцен 2011: 10-15].

На наш взгляд, такой метод более релевантен и подходяще для анализа функционального стиля, чем простое утверждение о преобладании объективных компонентов в научных представлениях. Более того, он даёт возможность более ясно и лингвистически обоснованно рассмотреть такие объективные элементы, как абстрактный и обобщенный характер презентаций, точность, логическую связанность, абстрактность и рациональные способы передачи информации.

Рассмотрим также явление экспрессивного синтаксиса как параллелизм, который используется и в художественной прозе с функциональным заданием аргументировать мысль автора с помощью ряда доказательств.

Анализ примеров показывает, что параллелизм (одинаковое начало предложений) – это сильнейшее средство связи, особенно в английской публицистике и таджикских официальных речах. Например:

“....whatever does become of gentlemen, they are not at Cranford. What could they do if they were there?..For keeping -the trim gardens...; for frightening away little boys....; for rushing out at the geese...; for deciding all questions of literature and politics....; for obtaining clear and correct knowledge of everybody’s affairs in the parish; for keeping their neat maid-servants in admirable order; for kindness (somewhat dictatorial) to the poor and real tender good offices to each other whenever they are in distress, the ladies of Cranford are quite sufficient” (*С. Айни, в переводе Мамадназаров 2022: 10*).

В этом примере аргументация мысли автора («мужчинам в Крэнфорде делать нечего»), которая выраженно с помощью синтаксически параллельных структур, *for keeping, for fighting* имеет и дополнительное, не менее важное функциональное задание: представить обитательниц Крэнфорда в определенном свете, дать им глубокую психологическую характеристику.

Можно перевести этот пример на таджикском языке и сравнить её.

"...Хар чӣ ба чанобон мешавад, онҳо дар Крэнфорд нестанд. Агар онҳо дар он чо мебуданд, чӣ кор карда метавонистанд?... Барои нигоҳдорӣ - боғҳои ороишӣ...; барои тарсондан писарбачагон....; барои шитобон ба гӯсфандон...; барои ҳалли ҳамаи масъалаҳои адабиёт ва сиёсат...; барои ба даст овардани дониши дақиқ ва дуруст дар бораи корҳои ҳама дар калисо; барои нигоҳ доштани канизони тозаву озодашон дар тартиботи шоёни таҳсин; барои меҳрубонӣ (то андозае диктаторӣ) нисбат ба камбағалон ва меҳрубонии ҳақиқӣ ба якдигар хидматҳои нек, вақте ки онҳо дар тангӣ қарор доранд, хонумонҳои Крэнфорд комилан кофианд» (С. Айнӣ, в переводе Мамадназаров 2022: 10).

Подобные двойные функции являются неперенными качествами художественного текста; ни научный, ни тем более официально-деловой текст, как правило, не осложняет аргументирующую часть повествования иными или другими дополнительными смысловыми заданиями.

Как в гуманитарной, так и в естественно-научной прозе специфика синтаксического параллелизма одинаково проявляет себя и в другом случае: при перечислении – в их естественной последовательности – ряда фактов, обстоятельств, имеющих одинаковую значимость для понимания какого-либо явления (процесса). Например: "...Church explored much of the western hemisphere: the volcanoes of Mexico, the tropical jungles of South America, the snow-covered peaks of the Andes, the icebergs of Labrador" (Wilde 2008: 41).

Кроме аргументации и перечисления, синтаксический параллелизм выполняет в научном тексте гуманитарного направления еще одно важное функциональное задание – описание объекта исследования. Следовало бы подчеркнуть, что в научной прозе любое функциональное задание редко выступает в «чистом» виде: аргументация, как правило, сопровождается перечислением, которое нередко сопутствует описанию и т.д. Приведем пример, в котором автор искусствоведческого труда описывает и одновременно перечисляет характерные черты, свойственные манере письма художника:

“In England he (Gilbert Stuart – H.P.) had acquired... *a ripeness of artistry..., command of the brush, vividness of characterization, mastery of light and shadow, and delicacy of colour*, especially in his pearly flesh tones” (Wilde 2008: 24).

Следует подчеркнуть, что синтаксический параллелизм используется при этом не на периферии научного письма не для описания каких-либо второстепенных явлений и фактов, но в самом его «центре» - ядре, т.е. в целях характеристики того объекта исследования, которому посвящена научная работа. В приводимых ниже примерах это – анализ манеры письма художника:

“In its *thin glazes, transparent shadows, loaded lights, and limited colour range*, it (Mount’s style -H.P.) is reminiscent of Rubens’s oil sketches” (Wilde 2008: 31).

Тадж.: "Дар шишаҳои тунук, сояҳои шаффоф, чароғҳои нурбор ва доираи маҳдуди рангҳо, он (сабки Маунт -H.P.) эскизҳои нафтӣи Рубенсро ба хотир меорад" (перевод).

“Peale’s portrait style was rooted in the forthright realism of Copley. His “Mrs. Thomas Harwood” is strikingly close to Copley in its *intensity of focus, feeling for material reality, and presence of personality*” (Wilde 2008: 21).

Тадж.: Услуби портрети Пил дар реализми дақиқи Копли реша давонда буд. У «Хонум. Томас Харвуд» бо шиддатнокии таваҷҷӯҳ, эҳсоси воқеияти моддӣ ва ҳузури шахсият ба Копли хеле наздик аст (перевод).

Такие описания, которые формируются в последовательность через синтаксический, морфологический и нередко лексический повтор, неизбежно включают элемент ритмического устройства и представляют собой одно из средств убеждения аудитории в речи. Убедительность достигается благодаря интеграции представленных фактов или аргументов в единую структуру, где каждый компонент описания, ритмически выделенный и как бы независимый, в то же время является частью общей комплексной аргументации, которая оказывает эффективное воздействие на читателя, именно в силу своей разноуровневой – лексической, синтаксической, морфологической и фонетической – упорядоченности [Адмони 1994: 13].

Однако сходство таких существенных функций не означает отсутствие различий. Последние коренятся в явлении иного плана, а именно, в том, каким образом научная проза гуманитарного профиля использует симметричные свойства синтаксического параллелизма, т.е. повторяемость и соразмерность его частей. В этом отношении прежде всего обращает на себя внимание лексический повтор, который отчетливо выступают рематические части высказывания, но и как средство экспрессивного выделения какого-либо одного слова, несущего основную смысловую нагрузку. Например:

“It (“Victory”) marks Zorach’s closest approach to Greek sculpture... it is a modern reaffirmation of the *classical virtues, the classical sense of harmony and form*” (Wilde 2008: 151).

Тадж.: *Он («Галаба») муносибати наздиктарини Зорахро ба ҳайкалчаи ҷунонӣ нишон медиҳад... ин тасдиқи муосири фазилатҳои классикӣ, ҳисси классикии ҷамоҳангӣ ва шакл аст» (перевод).*

Подобный вид повтора, который в естественно-научной прозе вообще не встречается, представляет собой обычное явление в художественной прозе и, в особенности, в поэзии. Ср.:

*All thoughts, all passions, all delights,
Whatever stirs this mortal frame,
All are but ministers of Love,
And feed his sacred flame* (Taylor 2012: 109).

Важно отметить, что в поэтическом тексте микропараллелизм может быть осложнен контактным повтором. При этом он несет большую смысловую и экспрессивную нагрузку.

Начиная с 70-х годов прошлого века и до сегодняшнего дня в лингвистике и фонологии складывались качественно новые подходы к сопоставлению функциональных стилей, и подробное изучение этой темы связано с целым рядом факторов.

Во-первых, появились работы, в которых приведены данные о контактах разных функциональных стилей в разные периоды, а также о степени их

«прозрачности». Эту мысль высказывали ещё Виноградов, Н. С. Валгина, И. Р. Гальперин и другие, но активно развивать её стали лишь в конце 60-х — начале 70-х годов XX века: историки языка обратились к материалу самых разных языков.

Во-вторых, всё чаще звучала идея, что сопоставление не должно ограничиваться научными текстами и художественной литературой в целом. Связи между наукой и искусством меняются со временем, и многое зависит от того, с каким типом художественного текста — реалистическим, романтическим, авангардным — сравнивается научный.

В-третьих, утвердился взгляд, что при сравнении литературных стилей нужно учитывать жанровую специфику текста. Справедливо отмечается, что некоторые признаки, считавшиеся раньше прерогативой только научной прозы, встречаются и в других стилях. Например, усложнение синтаксиса вполне характерно и для официально-делового стиля (его называют также официальным, канцелярским, официально-документальным или нормативным), а особое использование аффективного потенциала языка — для газетного стиля.

На третьем этапе работы мы анализируем интересные данные об употреблении научной терминологии в публицистической и художественной прозе, а также рассматриваем возможности научного языка с точки зрения выразительности и образности. Художественная проза перестала быть единственным «полюсом» в семье функциональных стилей и сегодня воспринимается как зона, где собираются и аффективные, и экспрессивные средства языка. Современные лингвисты связывают соотношение функциональных стилей науки и искусства с такими темами, как взаимодействие художественного и научного познания, роль эстетических критериев в обеих областях, а также единство чувственного и разумного, метафорического и логического. Эти два рода творчества тесно взаимосвязаны. Оно справедливо характеризуется размерами и пересеканием своих границ. Г.В. Колшанский утверждал, что даже при

наличии конфликта между интуитивным, художественным подходом к восприятию и описанию реальности и рациональным, научным, никогда не должно возникать непреодолимой преграды между ними. Он подчеркивал, что барьеров не должно быть [Колшанский 2018: 29].

Когда в общенаучных текстах используются развернутые метафоры, их интерпретация всегда проста. Такая метафора не вызывает каких-либо побочных ассоциаций, доступна и понятна читателю с любым уровнем научной подготовки: “Just as we know the history of our country from historical documents, so we know the history of our life on earth from the preserved documents of the past geological ages. The book that tells us most is the earth itself. The pages are the layers, or strata, of rock, and the words are the fossilized remains of past life, fossils in the form of bones, teeth and shells. Sometimes sentences are incomplete or missing altogether, and then an expert has to interpret or translate the words” (С. Айни, в переводе Мамадназаров 2022: 18).

Подобные примеры можно и найти в таджикском языке:

«Чи хеле, ки ба мо маълум аст, як қатор шоирони олим ва адибони ҳақим ва файласуфон, ки ба таърихи адабиёти форс-тоҷик зинати ҷаҳонӣ бахшидаанд, дар ҳамин сад соли охири то ҳуҷуми Чингиз аз ҳамин сарзаминҳо расида, дар ҳамаи ҷоҳо тарбия ва нашъунамо ёфтаанд» (С. Айни, в переводе Мамадназаров 2022: 18).

Есть также случаи, когда объяснение какого-либо факта или явления целиком строится только на одной тематически однородной развернутой метафоре. Например:

“But what about the white blood cells?” asked Mr. Tompkins. Do they carry some special load through my body?”

‘Oh no, replied Dr Streets, ‘white blood cells or leycocytes have nothing to do with the Traffic Department. They are rather *the members of the National Guard, and their job is to protect the cell community from outside invasion. Like all real soldiers*, they always possess a brave nucleus. We also call them phagocytes, or ‘cell eaters’ (in Greek *phagos* stands for ‘eating’), since *they would attack and eat most*

of the invading foreign cells. If you look around you will notice a few of them floating through the blood stream and *maintaining law and order*. If they notice a bacterium, they will attack it right away, envelop it with their protoplasm and *devour the invader* in less than half an hour. If *the invading bacteria* are not in the blood-stream but somewhere in the lymph between the body cells, phagocytes *force their way* through the walls of the blood vessels and '*get their man*' all the same" (Hemingway 1993: 204).

Тадж.: "Оҳ, не, - ҷавоб дод доктор Стритс, "ҳуҷайраҳои сафед ё лейкоцитҳо ба ҳаракати нақлиёт ҳеҷ иртиботе надоранд. Онҳо беиштар аъзои Гвардияи Миллӣ мебошанд ва вазифаи онҳо ҳифзи ҷомеаи ҳуҷайра аз ҳамлаи беруна аст. Мисли ҳама сарбозони ҳақиқӣ онҳо ҳамеша ядроӣ шуҷоъ доранд. Мо инчунин онҳоро фагоситҳо ё "хӯрандагони ҳуҷайра" меномем (дар юнонӣ *phagos* маънои "хӯрдан" аст), зеро онҳо ба аксари ҳуҷайраҳои бегонаи ҳамлакунанда ҳамла мекунанд ва меҳӯранд. Агар шумо ба атроф назар андозед, шумо мебинед, ки чанде аз онҳо тавассути ҷараёни хун шино мекунанд ва қонун ва тартиботро нигоҳ доранд. Агар онҳо бактерияро мушоҳида кунанд, фавран ба он ҳамла карда, онро бо протоплазмаи худ печонида, дар давоми камтар аз ним соат истилогарро меҳӯранд. Агар бактерияҳои ишголкунанда на дар ҷараёни хун, балки дар ҷое дар лимфа байни ҳуҷайраҳои бадан бошанд, фагоситҳо тавассути деворҳои рағҳои хунгузар маҷбур мешаванд ва "одамро мегиранд" (перевод).

Особый интерес представляет сопоставление номинативных предложений, образующих названия глав в текстах различной функциональной отнесенности, прежде всего научных и художественных. Несходство, обнаруживаемое при этом сопоставлении, объясняется, среди других причин, различием времени, в котором организуется содержание художественного и научного текста. «Каждый текст представляет собой воплощение определенного духовного содержания. Оно реализуется в особом времени и пространстве. Именно здесь начинаются различия между художественными и нехудожественными текстами». Существенно, что и в

том, и в другом виде текста номинативное предложение-название – не есть нечто «живущее собственной жизнью», как бы эмансипированное. В свернутом, часто не сразу заметном виде в нем заложены многие пространственные, временные и иные характеристики предваряемого им текста.

Исследование показало, что структуру и содержание объемного текста можно выявить, проанализировав заголовки его частей. Изучая заголовок как показатель структурно-семантической организации текста, было установлено, что для научного эссе актуальны следующие моменты: сравнение заголовков глав в монографиях, которые имеют преимущественно теоретический аспект, и тех, что содержат больше эмпирических данных; интегративная и систематизирующая задача оглавления в общем; значимость развернутых номинативных конструкций в формировании оглавления, пределы этой развернутости; а также анализ оглавления в ретроспективе и перспективах после завершения чтения монографии, изучение структуры и содержания текста.

В современном обсуждении активно исследуется взаимосвязь научного и художественного стилей, что находит отражение в таких жанрах, как эссе, научные дневники, письма ученых (известные как жанр научного письма), а также в исторической документальной литературе, исторических романах и других формах, которые являются примером художественной архивистики.

Ниже приведены наиболее интересные примеры из художественной литературы, в которых обнаружено использование лексических средств с целью достижения более выразительного воздействия на читателя или слушателя:

•**Метафора.**

“Mr. Dombey’s *cup* of satisfaction was so *full* at this moment, however, that he felt he could afford *a drop or two of its contents*, even to *sprinkle* on the dust in the by-path of his little daughter” (Dickens 2017: 102).

Мы можем назвать основную метафору центральным образом поддерживаемой метафоры, а другие слова, которые имеют отношение к центральному образу, – сопутствующими образами. Так, в приведенном примере слово *cup (of satisfaction)*, будучи банальной метафорой, оживляется следующими сопутствующими образами: *full, drop, contents, sprinkle*. Интересно отметить, что слова, передающие как центральный образ “*the cup*”, так и сопутствующие образы, используются в двух смыслах одновременно: прямом и косвенном. Второй план высказывания поддерживается ключевым словом – *satisfaction*. Именно это слово помогает нам расшифровать идею, лежащую в основе поддерживаемой метафоры.

В таджикском языке подобные примеры также можно увидеть в предложениях и текстах. Например, в предложении ниже слово «бигрифтан» («захватить»), т. е. «овладеть», употреблено в переносном значении «захватить» - «оккупировать»: “Гӯриён Ҳирот ва чандин шаҳри дигари Хуросонро аз хоразмшоҳиён *бигиранд*” (С. Айнӣ, в переводе Мамадназаров 2022: 22). (перевод: Горийцы должны отобрать у хорезмшахов Герат и несколько других городов Хорасана.)

1) Чун малик отсиз ба тахти мулк баромад

Давлати салчуку олии ӯ ба *сар* омад (С. Айнӣ, в переводе Мамадназаров 2022: 20).

(Перевод: Когда король взошел на престол

Им было основано государство Сельджуков.)

В этом же источнике, в вышеупомянутом стихе, словосочетание «*ба сар омадан*» употребляется в переносном смысле — заканчивать, быть завершённым.

•Метонимия.

“Miss Tox’s hand trembled as she slipped it through Mr. Dombey’s arm, and felt herself escorted up the steps, *preceded by a cocked hat and a Babylonian collar.*”

‘*A cocked hat and a Babylonian collar*’ обозначают владельца рассматриваемых предметов. Едва ли можно допустить, что в такой замене есть особая характеризующая функция. Функция этих примеров подлинной метонимии скорее указывает на незначительность владельца, чем на его значимость, поскольку его личность сводится к его внешне заметным чертам — шляпе и красному воротнику.

В таджикском языке, так же как первоначальное значение слова «голова» — человеческий орган, исходя из правила метонимии, в следующем примере означает лидера, правителя:

Дар соли 491 ҳичрӣ 1098 милодӣ сари хонадони хоразмишӯиён – Қудбиддин Муҳаммад, ки падараш Ануштакин аз ғуломони дарбори салҷуқиён будаишаҳнаи Хоразм буд, баъд аз вафоти падар аз тарафи салҷуқиён бо лақаби Хоразмишӯи волии Хоразм таъин шуд ва баъд аз вафоти ӯ (521-1127) писараи Отсиз бо лақаби мазкур ҷонишини падар гардид (С. Айнӣ, в переводе Мамадназаров 2022: 20).

В предложении: *Саркардагони султон Муҳаммад ҳам ба итоати ӯ якдилу якзабон набуданд, дар маърақаҳои ҳалқунандаи ҷанг ба ӯ хиёнат карда ба душманаи ёрӣ доданашон мумкин буд* (С. Айнӣ, в переводе Мамадназаров 2022: 24) также выражение **якдилу якзабон** использовано в значении **единомышленник**.

•Ономатопея (Звукоподражание)

В таджикском языке фонетические слова также используются для образования абстрактных существительных, как в следующем примере, **хур-хур** является синонимом таджикского слова «хуррак» (храп). Например: “Аз даруни меҳмонхона ғайр аз садои хур -хури хабидагон дигар овозе шунда намешуд” (Айнӣ 1973: 443).

Другой пример: “Садои **шаг-шаги** боридани жола, **гулдур-гулдури** ҳаво ва **ғуввоси** шамол якҷоя шуда дар дил хомӯшӣ меандохт” (Айнӣ 1973: 444).

•Ирония

Слово, использованное иронически, иногда может выражать очень тонкие, почти незаметные нюансы смысла, как слово «like» в следующих строках из «Беппо» Байрона.

XLVII

I like a parliamentary debate,
Particularly when 'tis not too late.

XLVIII

I like the taxes, when they'r not too many;
I like a seacoal fire, when not too dear;
I like a beefsteak, too, as well as any;
Have no objection to a pot of beer;
I like the weather, when it is not rainy,
That is, I like two months of every year.
And so, God save the Regent, Church and King!
Which means that *I like all and everything.*

В первой строке слова «like» даёт лишь легкий намек на иронию. Парламентские дебаты обычно длинные. Само слова «debate» предполагает длинную дискуссию, поэтому слова «like» здесь следует воспринимать с некоторой оговоркой. Другими словами, намек на взаимодействие между позитивом и негативом начинается с первого «like».

Второе использование слова «like» определено иронично. Никто не ожидал бы, что налоги будут нравиться. Это настолько очевидно, что не требуется никакого контекста, чтобы расшифровать истинное значение слова «like». Атрибутивная фраза «когда их не слишком много» усиливает иронию.

Затем Байрон использует слова «like» в его буквальном значении. «Like» в сочетаниях с «seacoal fire» и «a beef-steak» и с «two months of every year» сохраняет свое буквальное значение, хотя во фразе «I like the weather» понятие очень общее. Но последняя строка снова показывает, что слово «like» используется с ироническим оттенком, означая «нравиться» и «терпеть» одновременно [Разинкина 2004: 205].

В большинстве языков классификация языковых единиц по функциональным областям называется функциональными стилями, а в современных таджикских стилистических источниках она именуется «стилистическими ветвями» (шохахои услуби). Таджикские научные источники выделяют две-три основные отличительные черты. Например, к основным характеристикам научного стиля относятся научный стиль изложения, обилие специальной терминологии, строгое соблюдение норм литературного языка. А. Абдукодиров отмечает: «Система языка определяется регулированием основных категорий фонетики, лексикологии и грамматики (морфологии и синтаксиса), так как фонетика содержит фонетические явления и законы (ассимиляция, диссимиляция)» [Абдукодиров и др. 2020: 10].

Можно заметить, что приведенный выше пример относится к области лингвистики. Приведенный ниже пример относится к области литературоведения, доказательством чего является использование специфического термина **Самаки айёр**, вымышленного персонажа: *Самаки айёр нахустин симои бадеи дар насри ҷавонмарди форсии тоҷики аст, ки дар шахсияти холи амалу ҳаракати нотақрори тит тозанигоҳи муборизи ҷасуру далерро дар рӯзгори нобасомони асримӣнагии мардуми эрониҷод инъикос менамояд* (Восеъ 2002: 32).

Использование разных лексических групп слов также четко прослеживается в корпусе наших примеров, например:

•Омонимы

Правило омонимов имеет единую основу во всех языках: омонимы имеют одинаковую форму, но представляют отдельные, не связанные между собой значения. Примеры:

“Аз як канори дошт, ки *чангу* ғуборони ба воситаи борон *фурӯ* нишаста буд, рамаҳои бузу *гӯсфанд* намудор гардид” (Айнӣ 1954: 226). Другой пример:

Нишаста ба *чоҳ* андарун ба *чанг*.

Дилу *гӯш* дода бо овози *чанг* (Фирдавси 1959: 135).

В приведенных выше предложениях слово «чанг» используется как омоним для слов «пыль» и «музыкальный инструмент» (Мухаммадиев 1997: 29).

Иногда в пределах предложения (стиха) можно наблюдать омонимичные значения слов, как в стихе Х. Юсуфи слово «хазор» употребляется со значениями соловья и числа (тысяча). Например:

Биё ба сайри гулистон нигар ба боғу бўстон,

Намуда шохи гул макон *ҳазорҳо*, *ҳазорҳо* (Мухаммадиев 1997: 19).

•Синонимы

В общем языкознании синонимами принято считать лексические единицы одинакового или близкого значения. По мнению таджикской стилистики, все синонимичные выражения в тексте тем или иным образом различаются по значению, «объему» (смысловому охвату), положению и стилистической окраске. Например, лексические единицы умирания в следующих предложениях из романа С. Айни «Дохунда» (мемуранд; шодимарг шавад) являются синонимичными. Однако они различаются по значению: «мурдан» имеет общее значение, «шодимарг шудан» имеет конкретное значение, указывающее на причину смерти (т. е. умереть от внезапной радости):

1. Агар офтоби оламтоб дуру дароз рӯй худро менамояд, ҳамаи мавҷудоти ҷондор афсурда шуда *мемуранд*.

2. Ёдгор ҳақиқатан тарсида гуфт, ки аз ғайри чашмдошташ нохост ба вай рост омад, наздик буд *шодимарг шавад* (Айни 1960: 381).

В таджикском языке имеется немало случаев употребления синонимов в виде парных соединений. Анализ показывает, что целью является не только акцентирование отдельного понятия, но и в этом случае вводится повторяющийся (вторичный) синонимический элемент для завершения семантического ряда или стилистического подтекста. Например, в двух предложениях из текста рассказа С. Айни «Смерть ростовщика» ниже, относительно композиции «симою сурат» (образ и картина/внешний вид),

слово «симо» означает лицо/форму, а «сурат» – тело, и эти два компонента в композиции представляют собой образ тела персонажа. Синонимичная композиция «шаклу шамоил» изображает ее тело с явным негативным (ненавистью) стилистическим выражением автора:

“Ман танҳо пушти ин одамро дида мондам ва чигунагии *симою сураташро* муайян карда натавонистам ва пеши худ карор додам, ки ... дар хамон чоҳо истода *шаклу шамолашро* тамоман шинохта мегирам...” (Айнӣ 2019: 7).

•Антонимы

Антонимы — очень распространенное явление в таджикском языке. В рамках нашего исследования антонимия рассматривается не как логическая единица, а как инструмент текстообразования. Антонимы занимают видное место во всех самостоятельных частях речи. В их художественном стиле повествование является эффективным художественным средством. Например, если антоним в первом предложении С. Айни является литературным признаком, то второе предложение стиха Саади целиком состоит из пар антонимов (хунар-айб, дигарон-хештан, надидан-дидан):

Дар миёни Дехнав ва Байсун ягона гузаргоҳе ҳаст, ки бояд *раванда* ва *оянда* аз он чо гузарад [Абдукодиров и др. 2020: 106].

В стихах Саади Ширази все слова находятся в антонимических отношениях друг с другом: *хунар-айб, дидан-надидан, дигарон-хештан*.

Хунари дигарон надидан айб,

Дидани айби хештан хунар аст [Абдукодиров и др. 2020: 106].

К синкретическому жанру относится и литературная критика, но ее язык мало изучен. Модели сегментации художественного текста довольно многочисленны и разнообразны в английском языке. Условно можно выделить **макросегментацию** – членение текста при помощи различных графических средств на части больше, чем абзац, и **микросегментацию** – членение текста на абзацы, которые по своим размерам меньше обычных абзацев и могут состоять даже из одного предложения. Назовем их

микроабзацами. Рассмотрим основные способы макросегментация текста. Помимо общепринятых способов текста сегментации текста на главы, разделы, параграфы в художественном тексте применяются еще два способа членения текста – использование пробелов между крупными отрезками текста и изменение характера шрифта. Пробел обычно сигнализирует о временном или пространственном переходе от одного эпизода к другому или об изменении плана повествования. Пробел может выполнять и ряд других функций.

Рассказ Г. Бейтса «How Vainly Men Themselves Amaze» при помощи пробелов членится на шесть сцен – знакомство Фрэнка с миссис Палгрейв, вторая встреча с миссис Палгрейв, роман Фрэнка с миссис Палгрейв, поездка с Хэди в ресторан, последний разговор с миссис Палгрейв, последняя встреча с миссис Палгрейв. Отрывки, следующие за пробелом, обычно содержит указание на изменение хода времени: By the time he had fetched his camera it was nearly half past two [...]; A f t e r that, every afternoon, they drove down the coast [...]; Two days later he wandered along the beach, [...]; The following afternoon he saw the familiar smouldering head [...]; и в одном случае на изменение места действия: As they drove down the coast [...1.

Текст рассказа Б. Глэнвилла «The Thing He Loves» состоит из последовательных микроабзацев, которые представляют собой реальный или мыслимый диалог между рассказчиком и его собеседниками, и абзацев, передающих или внутреннюю речь, или монолог рассказчика, которая развивает тему, сформулированную в микроабзаце:

How did it feel, John?

It felt terrible. The worst moment in my life. Terrible, it felt. It still does.

It always will. It's going to be with me forever, this; the moment. Sleeping and waking. Dreaming about it. Then waking up, remembering about it. [...]

Has it changed your life in any way, John?

It has changed my life. It's changed it in a lot of ways. One way it changed it, right from the first, was that it wasn't worth living, now. How could I face things? How was I going to face people?

Waking that first morning (Bates 1978: 55)

Следует отметить, что подход к функциональным стилям с точки зрения различных процессов, происходящих в них и формирующих их, ставит, несколько иначе, вопрос об адекватности выбора языковых средств целям речи, иначе говоря, об эффективности этих средств в достижении той или иной задачи. Известно, что каждый функциональный стиль предполагает наличие организующего принципа, который придает ему особенность в отборе и использовании языковых элементов, отличающую его от других стилей. Этот принцип, если понимать его как «предписание» определенного набора языковых средств, дает статичное представление о функциональном стиле.

Первый статичный подход характеризуется ретроспективизмом, обусловленным культурными и языковыми традициями, второй же предполагает максимальный учет конкретных задач, которые могут возникнуть в речи (проспективный аспект). Сочетание ретроспективной и проспективной тенденций позволяет отойти от рассмотрения функционального стиля как образования, отличающегося наличием заранее заданных, характерных средств, и как уникальной целостной системы, чрезвычайно разнообразной, хотя и не безграничной в своих конкретных языковых проявлениях. Появляется возможность приблизиться к нему. Как уже говорилось выше, это свойство не исключает таких черт, как устойчивость, стабильность и повторяемость.

Лексико-семантический анализ официально-деловых текстов направлен на выявление составляющих словарного фонда, их значений, функциональной нагрузки и системных связей, обеспечивающих точность, однозначность и нормативность коммуникации. В жанрах институционального общения лексический выбор строго регламентирован и подчинён задаче минимизации интерпретационной вариативности.

В английском и таджикском языках лексико-семантическая организация официальных текстов характеризуется высокой степенью стандартизации, однако различается по источникам терминологической лексики, способам выражения модальности и структуре семантических полей. Анализ показал, что для английского официально-делового дискурса характерны следующие лексико-семантические признаки:

- Преобладание нейтральной и специализированной терминологической лексики, связанной с правом, управлением и администрированием (contract, approval, obligation, documentation).

- Семантика точности и завершённости, реализуемая через глаголы со значением фиксации результата (confirm, approve, complete).

- Использование модальных глаголов (shall, may, must) для выражения степени обязательности и допустимости.

- Ограниченность синонимии, что снижает риск смысловой неопределённости.

- Отсутствие эмоционально-оценочной лексики.

- Семантическая структура английского официального текста ориентирована на процедурность и формальную объективность.

Официально-деловые тексты на таджикском языке демонстрируют иную лексико-семантическую специфику:

- Активное использование книжной лексики арабо-персидского происхождения, обладающей высокой степенью абстрактности (тасдиқ, ӯҳдадорӣ, иҷозат, баррасӣ).

- Чёткое выражение семантики обязательства через глагольные формы (ӯҳдадор мешавад, тасдиқ мегардад).

- Наличие эксплицитных маркеров официальности и институциональной ответственности.

- Относительно более развёрнутая номинация действий и состояний по сравнению с английским языком.

- Минимизация разговорных и оценочных элементов.

- Лексико-семантическая система таджикских официальных текстов ориентирована на нормативность и социально-иерархическую регуляцию.

Сравнительный анализ лексико-семантических характеристик

Параметр	Английский язык	Таджикский язык
Источник терминологии	Латинско-германский	Арабо-персидский
Семантика обязательства	Модальные глаголы	Глагольные конструкции
Уровень абстрактности	Умеренный	Повышенный
Синонимия	Ограниченная	Строго нормативная
Эмоциональная окраска	Отсутствует	Отсутствует
Коммуникативная ориентация	Процедурная	Нормативно-иерархическая

Лексико-семантический анализ официально-деловых текстов в английском и таджикском языках показывает: при общем стремлении к точности и однозначности различия между двумя моделями обусловлены как чисто языковыми, так и культурно-правовыми традициями. Английский язык ориентирован на процедурную чёткость и модальную дифференциацию, тогда как таджикский опирается на развёрнутые глагольные конструкции и книжную лексику, чтобы подчеркнуть нормативный характер текста. Эти различия серьёзно сказываются на переводе, интерпретации и сопоставительном анализе официальных текстов.

3.3.1. Лексико-семантические средства связи в таджикских официально-деловых текстах: системный анализ

Как было показано в предыдущих разделах, таджикский официально-деловой текст обеспечивает связность принципиально иными средствами, нежели английский. Если в английском деловом дискурсе ведущую роль играют местоименная анафора и дистантный лексический повтор, то таджикский текст опирается на иную систему когезивных механизмов, обусловленную его флективно-аналитическим строем. Рассмотрим эти средства последовательно, на материале проанализированного корпуса.

1. Лексическая реитерация и тематические цепочки

Ведущим средством межфразовой связи в таджикском деловом тексте выступает лексическая реитерация — повтор полнозначных слов, прежде всего терминологических номинаций. В отличие от английского текста, который избегает повтора в пользу местоименной замены, таджикский официальный документ повтор не только допускает, но и использует его как осознанный приём поддержания тематического единства и устранения двусмысленности.

Рассмотрим текст контракта:

Ин шартнома санаи 1 апрели соли 2025 байни ҶДММ «АВС» (минбаъд «Ширкат» номида мешавад) ва Ҷон Смит (минбаъд «Иҷрокунанда» номида мешавад) баста мешавад. Иҷрокунанда ӯҳдадор мешавад, ки хизматрасониҳои машваратиро мутобиқи шарту талаботи ҳамин шартнома пешниҳод намояд.

В этом фрагменте лексема *шартнома* (договор) повторяется дважды и образует тематическую рамку текста: она открывает документ (*Ин шартнома...*) и возвращается в конце как анафорическая отсылка (*...ҳамин шартнома*). Связующую функцию здесь выполняет указательное местоимение *ҳамин* (этот, тот самый), которое соединяется с повторяемым существительным и отправляет читателя к уже введённому понятию. Эта конструкция *ҳамин + N* — таджикский функциональный аналог английского *the said / this*, однако в таджикском она требует обязательного лексического повтора существительного, тогда как английский ограничивается местоимением.

Второе средство связи в этом тексте — терминологическая цепочка номинаций сторон: *Ширкат — Иҷрокунанда*. Введённые через клише *минбаъд ... номида мешавад* (в дальнейшем именуется), эти номинации затем проходят через весь текст, обеспечивая референциальную однозначность: каждое последующее упоминание стороны даётся не местоимением, а полным терминологическим обозначением. Это типологически значимая черта:

таджикский деловой текст реализует когезию через **лексическую**, а не **грамматическую** референцию.

2. Изафетные конструкции как средство связи

Специфически таджикским (идиоэтническим) средством текстовой связи, не имеющим прямого аналога в английском, выступает изафетная конструкция (бандаки изофӣ). Изафет связывает существительное с определением посредством безударного показателя -и, образуя протяжённые именные цепи, которые сцепляют смежные части высказывания.

В тексте заявки: *...барои ҷудо намудани синфхонаи таълимии № 204 барои гузаронидани семинари методӣ...*

Здесь изафетные цепи *синфхонаи таълимӣ* (учебная аудитория), *семинари методӣ* (методический семинар) выполняют двойную функцию: номинативную (точно обозначают предмет просьбы) и связующую (объединяют разнородные элементы — объект, его признак и цель — в единый смысловой блок). Изафет в деловом тексте работает как механизм **кумуляции** — накопления смысловых связей внутри именной группы, тогда как английский текст для той же цели использует препозитивные определения и предлоги (*methodological seminar*). В этом проявляется отмеченное в гипотезе исследования различие: английская модель тяготеет к эксплицитности отдельных связей, таджикская — к их кумулятивному сцеплению.

3. Логико-смысловые коннекторы

Межфразовая и межабзацная связь в таджикском деловом тексте обеспечивается также служебными словами — союзами и союзными выражениями, которые эксплицируют логические отношения между частями текста.

В тексте заявления:

Аз Шумо эҳтиромона хоҳиш менамоем, ки аризаи маро барои қабул ба кор баррасӣ намоед. Бинобар ин, нусхаи ҳуҷҷатҳоро замима мекунам.

Связь между двумя предложениями реализована коннектором *бинобар ин* (поэтому, в связи с этим), который устанавливает причинно-следственное

отношение: просьба о рассмотрении заявления (первое предложение) мотивирует прилагаемые документы (второе). Коннектор *бинобар ин* принадлежит к ядру когезивных средств таджикского официального стиля наряду с *ҳамин тариқ* (таким образом), *бинобар ҳамин* (по этой причине). Функционально они соответствуют английским *therefore, consequently*, однако в таджикском тексте несут дополнительную нагрузку: при отсутствии развитой системы местоименной анафоры именно коннекторы становятся главным эксплицитным маркером межфразовых границ.

Систему основных логико-смысловых коннекторов таджикского делового текста и их английских функциональных соответствий можно представить в виде таблицы 3.3.1.

Таблица 3.3.1. Логико-смысловые коннекторы в деловом тексте

Таджикский коннектор	Значение / отношение	Англ. соответствие
бинобар ин	причинно-следственное	therefore, thus
ҳамин тариқ	обобщающе-итоговое	in this way, hence
бинобар ҳамин	причинно-следственное	for this reason
илова бар ин	Присоединительное	in addition, moreover
дар натиҷа	Результативное	as a result

4. Глагольные формулы как средство жанровой связности

Особым средством связи, скрепляющим текст на уровне жанра, выступают устойчивые глагольные формулы — клишированные предикативные конструкции, маркирующие коммуникативный тип документа. Они выполняют не столько межфразовую, сколько жанрово-интегрирующую функцию: повторяясь в текстах одного жанра, они создают узнаваемый «текстовый стиль».

В корпусе выделяются следующие жанрообразующие формулы: *ӯҳдадор мешавад* (обязуется) — маркер комиссивного жанра контракта; *тасдиқ мегардад* (подтверждается) — маркер жанра авторизации; *баррасӣ намоед*

(рассмотрите) — маркер директивной части заявления; *баста мешавад* (заключается) — формула установления договорных отношений.

Показательна конструкция текста-утверждения: *Бо ҳамин тасдиқ мегардад, ки буҷети пешниҳодишуда аз ҷониби Шӯрои роҳбарият баррасӣ ва тасдиқ карда шудааст.* Здесь связность обеспечивается сразу двумя средствами: вводной формулой *бо ҳамин* (настоящим), отсылающей к самому акту высказывания (функциональный аналог английского *this is to confirm*), и лексическим повтором корня *тасдиқ* (тасдиқ мегардад... тасдиқ карда шудааст), который скрепляет высказывание тематически и подчёркивает его иллокутивную цель — подтверждение.

5. Обобщение: система средств связи таджикского делового текста

Проведённый анализ позволяет представить систему лексико-семантических средств связи таджикского официально-делового текста как иерархию, в которой ведущую роль играют средства лексического, а не грамматического уровня. В отличие от английского текста, опирающегося на местоименную референцию, таджикский деловой документ обеспечивает когезию через четыре основных механизма, сведённых в таблицу 3.3.2.

Таблица 3.3.2. Средства связи таджикского делового текста и их функции

Средство связи	Функция в тексте	Англ. Аналог
Лексическая реитерация (повтор + ҳамин + N)	референциальная однозначность, тематическая рамка	<i>местоименная анафора (it, this, the said)</i>
Изафетные цепи	кумуляция смысловых связей в именной группе	<i>препозитивные определения, предлоги</i>
Логико-смысловые коннекторы (бинобар ин и др.)	эксплицитная маркировка межфразовых отношений	<i>therefore, consequently</i>
Жанровые глагольные формулы (ӯҳдадор мешавад и др.)	жанрово-интегрирующая, маркировка типа документа	<i>shall, agree to, this is to confirm</i>

Таким образом, таджикский официально-деловой текст реализует текстовую связность преимущественно лексико-семантическими средствами,

тогда как английский текст той же жанровой принадлежности в большей мере опирается на грамматические (местоименные) механизмы. Это различие носит типологический характер и обусловлено флективно-аналитическим строем таджикского языка, в котором лексическая реитерация и изафетное сцепление оказываются более естественными и нормативными средствами поддержания когезии, чем местоименная замена. Полученные данные подтверждают выдвинутое в гипотезе исследования положение о том, что при общности коммуникативных задач делового текста конкретные средства реализации когезии в двух языках обладают выраженным национально-специфическим характером.

Выводы по главе 3

Текст — это ряд символических единиц, объединенных по смыслу, основными чертами которого являются связность и завершенность. Целое всегда имеет функциональную структуру, а части целого выполняют в этой структуре свои функции.

Категории текста (содержание, структура, строение, функция и коммуникация) внутренне различны и не складываются, а накладываются друг на друга, создавая некую единую форму, качественно отличающуюся от суммы составляющих ее частей. Когерентность и завершенность как текстовые свойства могут рассматриваться несколько абстрактно и независимо друг от друга только для удобства анализа. Это связано с тем, что в реальном текстовом контексте оба эти свойства существуют в единстве и взаимодополнении. В результате лингвистическая связность одновременно является показателем семантической целостности. Это, конечно, так, если создание текста относится к естественной ситуации, в которой целью является выражение определенного смысла.

Тексты могут быть письменными или устными в виде транскрипций. Обе формы требуют «текстуальности» - внешней связности, внутреннего смысла и когнитивной ориентации. Важным в теории текста является вопрос о единстве текста, его канонической форме. Понятие «текст» может быть применено не

только к литературному произведению в целом, но и к его частям, совершенно независимым от микротем и языкового оформления. Так, мы можем говорить о содержании главы, параграфа, введения, заключения и т. д. Правильное распознавание текстов обеспечивается не только языковыми и изобразительными единицами и средствами, но и общей базой знаний, или «коммуникативной базой», в которой происходит преобразование текстов и их декодирование, приводящее к соответствующему распознаванию с допущениями.

Кроме того, анализ функционального стиля английского языка в сравнении с таджикским показывает, что структуру и тематику длинного текста можно определить через исследование названий его разделов. Рассматривая заголовок как индикатор структурной и семантической организации текста, были выделены некоторые важные вопросы для академического письма: сравнение названий глав в теоретических монографиях и тех, что содержат больше эмпирических данных; интегративная и систематизирующая роль оглавления в целом; использование расширенных существительных при составлении оглавления, а также пределы их расширяемости; изучение оглавления после прочтения монографии и в контексте ее общей концепции; значение расширенного именного предложения для формирования оглавления.

Актуальное исследование взаимодействия научного и художественного стилей находит интересное отражение в анализе научных очерков, дневников и писем ученых (жанр научного письма), а также в исторической документальной прозе, исторических романах и других жанрах, представляющих собой примеры художественного документализма (на пересечении функциональных стилей).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено комплексному сопоставительному изучению состава и функциональной роли лексико-семантических средств связи в структурировании официально-деловых текстов на материале английского и таджикского языков. Актуальность предпринятого анализа определяется как внутрилингвистическими, так и экстралингвистическими факторами: с одной стороны, возрастающим интересом современного языкознания к проблемам текстовой связности и к лингвистике текста как самостоятельной научной дисциплине, с другой — расширением международных институциональных контактов, в которых официально-деловой текст выступает основным инструментом регламентации отношений между субъектами коммуникации. Поставленная во введении цель и вытекающие из неё задачи определили логику всей работы; ниже итоги исследования подводятся последовательно — по каждой из решённых задач, после чего формулируются обобщающие выводы и намечаются перспективы дальнейшей разработки проблемы.

При решении первой задачи данной работы, в теоретической части исследования был уточнён и систематизирован понятийно-категориальный аппарат, послуживший методологическим основанием для всего последующего анализа. Прежде всего было показано, что само слово «текст» (лат. *textus* — ткань, переплетение, соединение, связь), производное от глагола *texere* — «ткать, плести, сплетать», уже на этимологическом уровне указывает на связность как на конститутивный, сущностный признак любого текстового образования. Текст в настоящей работе определяется как упорядоченная последовательность символических единиц, объединённых единым смыслом и коммуникативной интенцией, основными конститутивными характеристиками которого выступают связность и завершённость — смысловая и структурная замкнутость целого.

В ходе теоретического анализа были последовательно разграничены две фундаментальные текстовые категории — когезия и когерентность. Когезия

трактуются как формально-грамматическая и лексическая связность поверхностной структуры текста, обеспечиваемая эксплицитными, материально выраженными языковыми средствами — повтором, субституцией, союзной связью и т. п. Когерентность же понимается как глубинная содержательно-смысловая связность, цельность концептуального и логического содержания текста, которая может не иметь прямого формального выражения и реконструируется адресатом на основе его фоновых знаний и коммуникативной компетенции. Было обосновано, что обе категории находятся в отношениях взаимной обусловленности: лексико-семантические средства связи, будучи формально-языковыми по своей природе, одновременно служат материальным субстратом для реализации смысловой когерентности текста.

Особое внимание в теоретической главе уделено стандартам текстуальности — связности, цельности, интенциональности, воспринимаемости, информативности, ситуативности и интертекстуальности. Эти стандарты послужили методологической опорой для последующего анализа, позволив рассматривать официально-деловой текст не как изолированную сумму предложений, а как целостное коммуникативное событие, функционирующее в определённом институциональном контексте и подчинённое конкретным прагматическим установкам.

В ходе выполнения второй задачи был охарактеризован официально-деловой стиль как особая сфера институциональной коммуникации и описана система его комиссивных жанров. Показано, что официально-деловой стиль обладает рядом устойчивых стилеобразующих черт — высокой степенью стандартизации и клишированности, безличностью и объективностью изложения, императивно-предписывающей модальностью, терминологической точностью и стремлением к однозначности, — которые в совокупности обуславливают специфический отбор и организацию языковых средств связи.

Опираясь на теорию речевых актов и классификацию иллокутивных типов, в работе была выделена и описана группа комиссивных жанров — текстов, коммуникативная функция которых состоит в принятии институциональным субъектом определённых обязательств. Установлено, что тексты двустороннего комиссивного типа (заявка, контракт, уведомление о готовности) предполагают согласованное волеизъявление двух сторон и обслуживают преимущественно внешнее институциональное общение, тогда как односторонние комиссивы (предложение, авторизация/утверждение) выражают обязательство одной стороны и функционируют как во внешней, так и во внутренней институциональной коммуникации. Было доказано, что каждый из выделенных жанров формирует специфический, относительно устойчивый набор лексико-семантических средств связи, обусловленный его коммуникативными задачами, типом адресата и степенью регламентированности соответствующей коммуникативной ситуации.

Третья задача позволила выявить состав лексико-семантических средств связи официально-делового текста и разработана их единая, непротиворечивая классификация, применимая к материалу обоих сопоставляемых языков. В состав этих средств были включены: лексический повтор (полный и частичный, контактный и дистантный), синонимическая замена (включая контекстуальные и стилистические синонимы), антонимические противопоставления, гипо-гиперонимические (родовидовые) отношения, тематические (номинационные) цепочки и лексико-семантические поля. Каждый из выделенных разрядов был охарактеризован с точки зрения его структурных особенностей и роли в обеспечении текстовой связности.

Принципиально важным результатом стало доказательство того, что разработанная классификационная схема обладает достаточной объяснительной силой и пригодна для описания типологически далёких языков — аналитического по своему строю английского и флективного таджикского. Это свидетельствует об универсальном характере самих категорий лексической когезии при вариативности конкретных средств их

реализации и позволяет использовать предложенную классификацию в качестве надёжного и верифицируемого инструмента сопоставительного анализа текстов институционального типа.

Решение четвёртой задачи дало возможность детально описать функциональную роль каждого разряда средств связи в обеспечении когезии и когерентности официально-делового текста. Анализ показал, что в английском деловом тексте ведущую текстообразующую роль играют дистантный лексический повтор и определительные конкретизаторы — специфические маркеры референциальной тождественности типа *the said, the aforesaid, the above-mentioned, the foregoing*, последовательно отсылающие адресата к ранее введённому в текст объекту и обеспечивающие однозначность его юридической квалификации. В таджикском деловом тексте функцию связности преимущественно выполняют лексическая реитерация (повтор ключевых номинаций), изафетные конструкции и изафетные цепи, организующие именную группу по принципу последовательного определительного нанизывания, а также логико-смысловые коннекторы — *бинобар ин* («вследствие этого»), *хамин тариқ* («таким образом»), *дар натиҷа* («в результате»), — маркирующие причинно-следственные и резюмирующие отношения между фрагментами текста.

Существенным выводом данного раздела стало положение о том, что именно лексико-семантические средства связи обеспечивают реализацию обязательных микроструктурных (композиционно-смысловых) элементов делового текста — вводного блока, основной содержательной части и заключительной формулы — в конкретной, идиоэтнически обусловленной языковой форме. Тем самым была подтверждена системообразующая, а не вспомогательная роль лексической когезии в организации текста институционального типа: средства связи не просто соединяют отдельные высказывания, но конституируют сам текст как целостную коммуникативную единицу.

Иллюстративный анализ конкретных текстовых фрагментов наглядно подтвердил выявленную закономерность. Так, в английском деловом тексте референциальная тождественность объекта на значительном текстовом расстоянии поддерживается определительными конкретизаторами (the said Agreement, the above-mentioned Party), которые однозначно отсылают к ранее введённой номинации и исключают двусмысленность толкования. В таджикском тексте та же коммуникативная задача решается иными средствами — повторной номинацией ключевого понятия в сочетании с изафетным определением (шартномаи мазкур — «упомянутый договор», тарафи зикршуда — «указанная сторона») и параллельным построением соотносительных конструкций. Сопоставление таких фрагментов показывает, что при тождестве прагматической функции — обеспечения сквозной референции и юридической определённости — языковые механизмы её реализации в двух языках принципиально различны, что и составляет предмет идиоэтнической характеристики связности.

В процессе работы над пятой задачей был выполнен сопоставительный анализ, который показал, что при общности глубинных содержательных принципов организации делового текста конкретные формы языкового выражения средств связи в двух языках существенно расходятся. Для английского официально-делового дискурса характерна преимущественно «линейная» (горизонтальная) модель связности, опирающаяся на дистантный лексический повтор, местоименную и определительную анафору и последовательное развёртывание референции вдоль текстовой оси. Для таджикского дискурса типична «вертикальная» модель связности, основанная на изафетном связывании компонентов именной группы и на синтаксическом параллелизме однотипных конструкций.

Было установлено, что эти различия отражают глубинную типологическую асимметрию сопоставляемых языков: английский текст тяготеет к эксплицитности — открытому, материально выраженному

обозначению связей между элементами, тогда как таджикский текст тяготеет к кумулятивности — накоплению и последовательному присоединению определительных и атрибутивных компонентов в пределах единой синтаксической структуры. Данное противопоставление эксплицитности и кумулятивности было квалифицировано в работе как одна из наиболее значимых типологических доминант, дифференцирующих способы текстовой организации в двух языках и определяющих стратегии адекватного перевода деловых документов с одного языка на другой.

Решение шестой задачи. Количественный анализ корпуса позволил верифицировать качественные наблюдения на статистически репрезентативном языковом материале и придать выводам исследования объективную доказательную основу. Анализ композиционной структуры показал, что вводный композиционный блок регулярен в обеих текстовых моделях, фиксируясь в 95 % английских и 100 % таджикских текстов, тогда как заключительная (финальная) формула отмечается в 80 % английских и 95 % таджикских текстов; более высокая частотность обязательных композиционных элементов в таджикских текстах свидетельствует об их большей ритуализованности и формульной устойчивости.

Анализ синтаксических параметров выявил, что средняя длина предложения составляет 18 словоформ в английских и 24 — в таджикских текстах, что коррелирует с отмеченной выше кумулятивностью таджикского синтаксиса и его тяготением к развёрнутым полипредикативным структурам. Существенные различия обнаружены и в доле пассивных конструкций: она достигает 42 % в английских текстах и лишь 18 % — в таджикских, что отражает большую склонность английского делового дискурса к деагентивации и имперсонализации высказывания. Полученные количественные данные в полной мере согласуются с результатами качественного анализа и подтверждают сделанные ранее выводы, обеспечивая их статистическую достоверность.

Решение седьмой задачи. Установлены и разграничены универсальные и идиоэтнические закономерности функционирования лексико-семантических средств связи в официально-деловом тексте. К числу универсальных закономерностей была отнесена сама прагматическая, коммуникативно обусловленная природа категории связности, а также интегрирующая, текстообразующая функция лексико-семантических средств, наблюдаемая независимо от типологического строя языка: в обоих языках лексическая когезия выступает важнейшим механизмом обеспечения смыслового единства и композиционной целостности текста.

Идиоэтническими, напротив, являются конкретные средства реализации этой универсальной функции — те специфические языковые ресурсы (определятельные конкретизаторы английского языка, изафетные цепи и логико-смысловые коннекторы таджикского), которые отражают структурную, типологическую и культурно-историческую специфику каждого из языков. Тем самым в работе было показано диалектическое единство универсального и национально-специфического в организации текстовой связности: общая прагматическая задача обеспечения связности решается в каждом языке посредством его собственного, исторически сложившегося арсенала формальных средств.

Таким образом, все поставленные во введении задачи решены, а цель исследования — комплексное сопоставительное описание состава и функциональной роли лексико-семантических средств связи в официально-деловых текстах английского и таджикского языков — достигнута в полном объёме. Результаты работы убедительно подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что лексико-семантические средства связи представляют собой системообразующий, а не периферийный компонент организации официально-делового текста как в английском, так и в таджикском языке. Несмотря на принципиальное типологическое различие исследуемых языков, в них выявляются как универсальные механизмы лексической когезии, обусловленные общими закономерностями текстопорождения и прагматики

делового общения, так и идиоэтнические особенности их реализации, детерминированные грамматическим строем и культурно-исторической традицией каждого языка.

Теоретическая значимость полученных результатов состоит в том, что они вносят определённый вклад в развитие лингвистики текста, сопоставительного языкознания и функциональной стилистики, уточняя представление о механизмах лексической когезии в типологически контрастных языках и расширяя научные данные о соотношении универсального и идиоэтнического в текстовой организации. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в практике преподавания английского и таджикского языков, в теории и практике перевода официально-деловых документов, в лексикографической работе, а также при разработке вузовских учебных курсов и спецкурсов по лингвистике текста, стилистике и сопоставительной типологии языков.

Методологическая значимость работы заключается в апробации комплексного подхода, сочетающего качественный (структурно-функциональный и сопоставительный) и количественный (корпусно-статистический) методы анализа. Разработанная единая классификация лексико-семантических средств связи, доказавшая свою применимость к типологически далёким языкам, может быть использована в качестве надёжного исследовательского инструмента при изучении связности текстов иных функциональных стилей, жанров и языковых пар. Тем самым результаты исследования обладают не только частной, относящейся к избранному материалу, но и более общей, методологической ценностью для сопоставительной лингвистики текста.

Перспективы дальнейших исследований в избранном направлении представляются многоплановыми. Прежде всего они связаны с расширением эмпирической базы за счёт привлечения текстов других функциональных стилей (научного, публицистического, художественного) и иных жанровых

разновидностей официально-делового стиля, что позволит проверить универсальность установленных закономерностей на более широком и разнородном материале. Перспективным представляется также углублённое монографическое изучение отдельных разрядов лексико-семантических средств связи — в частности, синонимической замены и гипоним-гиперонимических отношений — в строго сопоставительном плане. Наконец, особую значимость приобретает применение методов корпусной лингвистики и автоматизированной обработки текста для верификации полученных результатов на репрезентативном языковом материале большого объёма, что отвечает современным тенденциям развития лингвистической науки и открывает возможность для дальнейшей квантитативной разработки проблемы текстовой связности.

Самостоятельным и практически востребованным направлением будущих изысканий может стать создание двуязычных параллельных корпусов официально-деловых текстов и их переводоведческое осмысление, нацеленное на выработку рекомендаций по передаче лексико-семантических средств связи при переводе с английского языка на таджикский и в обратном направлении. Не менее перспективным выглядит дидактическое приложение полученных результатов — разработка методики обучения студентов-филологов и переводчиков построению связного делового текста на изучаемом языке с опорой на выявленные идиоэтнические закономерности. Совокупность намеченных направлений свидетельствует о том, что проблема лексико-семантической связности официально-делового текста сохраняет значительный исследовательский потенциал и далеко не исчерпывается рамками настоящей работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Монографии

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – 4-е изд., стер. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
2. Гвенцадзе, М. А. Коммуникативная лингвистика и типология текста / М. А. Гвенцадзе. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1986. – 315 с.
3. Зикрияева, М. В. Средства, способы и факторы текстообразования (на материале таджикского и английского языков) / М. В. Зикрияева. – Худжанд: Нури маърифат, 2009. – 104 с.
4. Камолиддинов, Б. Хусусияти услубии сарфу нахви забони тоҷикӣ / Б. Камолиддинов. – Душанбе: Маориф, 1992. – 128 с.
5. Колшанский, Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г. В. Колшанский. – 5-е изд. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 232 с.
6. Муродов, А. И. Функционально-семантические типы подчинительных союзов таджикского, русского и английского языков / А. И. Муродов. – Душанбе: Деваштич, 2002. – 189 с.
7. Муҳаммадиев, М. Лексикаи забони адабии тоҷик (маводи таълим) / М. Муҳаммадиев. – Душанбе, 1997. – 191 с.
8. Назарзода, С. Забон ва истилоҳот / С. Назарзода. – Душанбе: Дақиқӣ, 2003. – 74 с.
9. Облокулова, С. Сложное предложение как синтаксическое целое с присоединительными связями / С. Облокулова. – Душанбе, 1986. – 156 с.
10. Рахмонова, Н. Ш. Семантическая структура сложноподчинённого предложения в системе синтаксиса: лингвокогнитивный подход (на материале таджикского, русского и английского языков) / Н. Ш. Рахмонова. – Душанбе: Ирфон, 2018. – 293 с.
11. Розиков, Б. Истилоҳоти касбу ҳунар дар забони адабии тоҷик / Б. Розиков. – Худжанд, 1995. – 160 с.
12. Таджиев, Д. Т. Ҷумлаҳои мураккаби тобеъ дар забони адабии ҳозираи тоҷик / Д. Т. Таджиев. – Душанбе: Дониш, 1981. – 220 с.

13. Тошович, Б. Функциональные стили / Б. Тошович. – Graz: Institut für Slawistik der Universität Graz, 2002. – 504 с.
14. Тошович, Б. Лингвистика, стилистика и поэтика виртуальности / Б. Тошович. – М.: Флинта, 2024. – 498 с.
15. Тураева, З. Я. Лингвистика текста / З. Я. Тураева. – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.
16. Чувакин, А. А. Смешанная коммуникация в художественном тексте: основы эвокационного исследования: монография / А. А. Чувакин. — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. — 125 с.
17. Шабес, В. Я. Событие и текст / В. Я. Шабес. – М.: Высшая школа, 1989. – 175 с.
18. Beaugrande, R. de. New Foundations for a Science of Text and Discourse: Cognition, Communication and the Freedom of Access to Knowledge and Society / R. de. Beaugrande. – Norwood, NJ: Ablex, 1997. – 365 p.
19. Brown, G., Yule, G. Discourse Analysis / G. Brown, G. Yule. – Cambridge, 1983. – 304 p.
20. Chafe, W. Discourse, consciousness, and time. The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing / W. Chafe. – Chicago, 1994. – 59 p.
21. Diewald, M. Deixis und Textsorten im Deutschen / M. Diewald. – Tübingen: Narr, 1991. – 446 s.
22. Dimter, M. Textklassenkonzepte heutiger Alltagssprache. Kommunikationssituation, Textfunktion und Textinhalt als Kategorien alltagssprachlicher Textklassifikation / M. Dimter. – Tübingen: Niemeyer, 1981. – 151 s.
23. Dijk, T. van. Macrostructures / T. van Dijk. – Hillsdale, 1980. – 317 p.
24. Dijk, T. van. Ideology: A multidisciplinary approach / T. van Dijk. – London: Sage LTD, 2000. – 390 p.
25. Fox, R., Fox, J. Organizational Discourse / R. Fox, J. Fox. – Westport, Connecticut: Praeger, 2004. – 240 s.

26. Gansel, Ch., Jürgens, F. Textlinguistik und Textgrammatik. Eine Einführung. 2. Aufl. / Ch. Gansel, F. Jürgens. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007. – 270 s.
27. Glovacki-Bernardi, Z. O tekstu / Z. Glovacki-Bernardi. – Zagreb, 1990. – 399 s.
28. Große, E. U. Texttypen. Linguistik gegenwärtiger Kommunikationsakte / E. U. Große. – Stuttgart: Kohlhammer, 1974. – 256 s.
29. Große, E. U. Text und Kommunikation: eine linguistische Einführung in die Funktionen der Texte / E. U. Große. – Stuttgart: Kohlhammer, 1976. – 164 s.
30. Heinemann, M., Heinemann, W. Grundlagen der Textlinguistik / M. Heinemann, W. Heinemann. – Tübingen: Niemeyer, 2002. – 202 s.
31. Heinemann, W., Viehweger, D. Textlinguistik. Eine Einführung / W. Heinemann, D. Viehweger. – Tübingen: Niemeyer, 1991. – 169 s.
32. Hoffmann, L. Vom Fachwort zum Fachtext. Beiträge zur Angewandten Linguistik / L. Hoffmann. – Tübingen: Narr, 1988. – 538 s.
33. Hundt, M. Modellbildung in der Wirtschaftssprache. Zur Geschichte der Institutionen- und Theoriefachsprachen der Wirtschaft / M. Hundt. – Tübingen: Niemeyer, 1995. – 316 s.
34. Ivanetić, N. Uporabni tekstovi / N. Ivanetić. – Zagreb: Zavod za lingvistiku FF, 2003. – 232 S.
35. Plett, H. F. Textwissenschaft und Textanalyse: Semiotik, Linguistik, Rhetorik. 2., überarb. Aufl. / H. F. Plett. – Heidelberg; Stuttgart: Quelle & Meyer, 1979. – 354 S.
36. Plett, H. F. Einführung in die rhetorische Textanalyse / H. F. Plett. – Hamburg: Buske, 1989. – 160 S.
37. Rolf, E. Die Funktionen der Gebrauchstextsorten / E. Rolf. – Berlin: De Gruyter, 1993. – 339 S.
38. Sandig, B. Textstilistik des Deutschen / B. Sandig. – Berlin, New York: W. de Gruyter, 2006. – 312 s.

39. Werlich, E. Typologie der Texte. Entwurf eines textlinguistischen Modells zur Grundlegung einer Textgrammatik/ E. Werlich.–Heidelberg: Goos, 1975.–140 s.

Книги

40. Абдукодиров, А. Истиклолият ва забон: маҷмуаи мақолаҳо / А. Абдукодиров. - Худжанд: Ношир, 2025. – 480 с.

41. Абдукодиров, А., Давронов, А. Услубиёт ва хусни баён: наشري дуюм, бо такмил ва иловаҳо / А. Абдукодиров, А. Давронов. – Худжанд: Нури маърифат, 2020. – 360 с.

42. Адмони, В. Г. Система форм речевого высказывания / В. Г. Адмони. – Санкт-Петербург: Наука, 1994. – 154 с.

43. Ализода, С. Синтаксис и морфология таджикского языка: для начальных и средних школ Таджикистана / С. Ализода. – Душанбе: Нашрдавтоджик, 1926. – 183 с.

44. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд // – М.: Просвещение, 1981. – 301 с.

45. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Либроком, 2009. – 384 с. – ISBN 978-5-397-00124-3.

46. Валгина, Н. С. Современный русский язык: синтаксис / Н. С. Валгина. – 4-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2003. – 416 с.

47. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи / В. В. Виноградов. – М.: Поэтика, 1963. – 278 с.

48. Вейль, А. О порядке слов в древних языках по сравнению с современными языками / А. Вейль // Амстердамская классика в лингвистике. – Париж, 1944. – 114 с.

49. Глинкина Г.В., Ковель М.И. Работа с учебными текстами на уроках: развитие и диагностика читательской грамотности. Часть I: учебно-методическое пособие / Г. В. Глинкина, М.И. Ковель. Красноярск: ККИПК, 2021. - 138 с.

50. Дэвидсон, Д. Истина и значение. Новое в зарубежной лингвистике / Д. Дэвидсон. – М.: Вып. ХУШ. Логический анализ естественного языка, 1986. – 385 с.
51. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка. Перевод с английского / Л. Ельмслев // Серия "Лингвистическое наследие XX века". – М.: URSS, 2006. – 248 с.
52. Ибрагимов, С. М. Синтаксис стилистики / С. М. Ибрагимов. – Республики Татарстан: Университеты нәшрияты, 1989. – 148 с.
53. Леонтьев, А. Н. Язык, речь и речевая деятельность / А. Н. Леонтьев. – М., Воронеж: МПСИ НПО "МОДЭК", 2001. – 211 с.
54. Назарзода, С. Забон ва истилоҳот / С. Назарзода. – Душанбе: Дақиқӣ, 2003. – 74 с.
55. Ниёзмухаммадов, Б., Бузургзода, Л. Морфологияи забони тоҷикӣ / Б. Ниёзмухаммадов, Л. Бузургзода. – Сталинобод, 1941. – С. 23.
56. Новиков, А. И. Текст как объект исследования лингвopsиxологии / А. И. Новиков. – Методология современной психолингвистики. – Баранул, 2003. – 98 с.
57. Пешковский, А. М. Избранные труды / А. М. Пешковский. – М.: Просвещение, 1959. – 223 с.
58. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – Т. I–II. – М., 1958. – 534 с.
59. Разинкина, Н. М. Функциональная стилистика: на материале англ. и рус. яз. / Н. М. Разинкина. – М.: Учеб. пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки дипломир. специалистов "Лингвистика и межкультур. коммуникация", 2004. – 269 с.
60. Серио, П. Анализ дискурса во Французской школе (Дискурс и интердискурс) / П. Серио. – Семиотика: Антология. – М.-Екатеринбург, 2001. – 549 с.
61. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – М.: СССР, 2023. – 256 с.

62. Флёге, Г. Логика-философские труды / Г. Флёге. – Новосибирск: Просвещение, 2008. – 288 с.
63. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 424 с.
64. Adamzik, K. Textsorten: Reflexionen und Analysen / K. Adamzik. – Tübingen: Stauffenburg Verl., 2000. – 229 s.
65. Bateman, S. T., Zeithaml, P. C. Management: Function and Strategy / S. T. Bateman, P. C. Zeithaml. – Irwin: Indiana, 1993. – 515 p.
66. Beaugrande, R. de., Dressler, W. Introduction to Text Linguistics / R. de. Beaugrande, W. Dressler. – London: Longman, 1981. – 190 p.
67. Brinker, K. Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. 4. Aufl. / K. Brinker. – Berlin: Erich Schmidt Verlag GmbH & Co., 1997. – 150 s.
68. Brinker, K., Cölfen, H., Pappert, H. Linguistische Textanalyse / K. Brinker, H. Cölfen, H. Pappert. – Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden, 2014. – 146 S.
69. Dijk, T. van. Textwissenschaft. Eine interdisziplinäre Einführung / T. van Dijk. – München: DTV, 1980. – 147 s.
70. Dijk, T. A. van (ed.). Handbook of Discourse Analysis / T. A. van Dijk. – Orlando: Academic Press, 1985. – 246 p.
71. Drescher, M. Zur Konstitution von Selbst- und Fremdbildern in der interkulturellen Kommunikation. In: Report Nr. 9 der Forschungsgruppe 'Nationale und Fremdbilder' / M. Drescher. – Bielefeld: Zentrum für interdisziplinäre Forschung, 1994. – 123 s.
72. Engel, U. Deutsche Grammatik / U. Engel. – Heidelberg: Julius Groos, 1996. – 888 S.
73. Fox, R. Wort-für-Wort-Kommunikation / R. Fox. – Zagreb: HSN Pučko-Studien, 2006. – 58 s.
74. Grochla, E. Organisationstheorie. 2 Bände. Brochiert / E. Grochla. – Stuttgart: Schäffer-Poeschel Verlag, 1975. – 631 s.

75. Havelka, M. Typologie / Typus. In: Sandkühler, H. J. (Ed.). Europäische Enzyklopädie zu Philosophie und Wissen / M. Havelka. – Hamburg, 1990. – 626 S.
76. Heinemann, M. Textsorten des Alltags. In: Brinker, K. et al. (Eds.). Text- und Gesprächslinguistik. 1. Halbband / M. Heinemann. – Berlin: Walter de Gruyter, 2000. – 614 s.
77. Helbig, G. Entwicklung der Sprachwissenschaft / G. Helbig. – Leipzig: Bibliographisches Institut, 1986. – 1970 s.
78. Hoffmann, L., Kahlverkämper, H., Wiegand, E. Fachsprachen. Ein internationales Handbuch zur Fachsprachenforschung und Terminologiewissenschaft / L. Hoffmann. – Berlin, New York, 1999. – 480 S.
79. Ivanetić, N. Struktura i jezik oporuke / N. Ivanetić. In: Badurina, L. et al. (Eds.), 2000. – 576 s.
80. Jurin, S. Tekstne vrste u menadžmentu / S. Jurin. – Unpublished doctoral dissertation, University of Zadar, Faculty of Humanities and Social Sciences: Zadar, 2010. – 151 S.
81. Katnić-Bakaršić, M. Stilistika / M. Katnić-Bakaršić. – Sarajevo: Ljiljan, 2007. – 388 S.
82. Kotler, Ph., Keller, K. L., Brady, M., Goodman, M., Hansen, T. Marketing Management / Ph. Kotler, K. L. Keller, M. Brady, M. Goodman, T. Hansen. – Harlow, Essex: Pearson Education Limited, 2009. – 1022 p.
83. Methfessel, W. Vertragsrecht. Bd. 1: Allgemeine Grundlagen / W. Methfessel. – Heidelberg: Akademischer Verlag Spektrum, 1990. – 534 S.
84. Müller, S., Gelbrich, K. Interkulturelle Kommunikation: Lehrbuch Studienliteratur / S. Müller, K. Gelbrich. – Wiesbaden: Springer Gabler, 2013. – 515 S.
85. Rouse, M. J., Rouse, S. Poslovne komunikacije / M. J. Rouse, S. Rouse. – Zagreb: Masmedia, 2005. – 221 S.

86. Sager, J. C., Dungworth, D., McDonald, P. F. English Special Languages: Principles and Practice in Science and Technology / J. C. Sager, D. Dungworth, P. F. McDonald. – Wiesbaden: Brandstetter, 1980. – 368 p.
87. Samuelson, P. A., Nordhaus, W. D. Economics / P. A. Samuelson, W. D. Nordhaus. – New Delhi: McGraw-Hill, 2010. – 744 p.
88. Searle, J. R. Speech Acts / J. R. Searle. – Cambridge: CUP, 1972. – 155 p.
89. Searle, J. R., Vanderveken, D. Foundations of Illokutionary Logic / J. R. Searle, D. Vanderveken. – 1985. – 237 p.
90. Silić, J. Funkcionalni stilovi hrvatskog jezika / J. Silić. – Zagreb: Disput, 2006. – 300 s.

Диссертации

91. Атомуллоева, М. А. Язык и стиль научного текста. дис. канд. филол. наук: 10.02.22 / Атомуллоева Мунзифахон Абдулладжановна. – Душанбе, 2009. – 162 с.
92. Касимова, М. Н. Синтаксис простого предложения таджикской прозы XI века: дисс. док. фил. наук: 10.02.02. / Касимова Мукаррама Набиевна. – Душанбе, 1979. – 406 с.

Авторефераты

93. Зикриёев, Фарход. К. Структурно-семантические особенности сложносочиненных предложений в современном таджикском литературном языке: автореф. дисс. ... док. филол. наук: 10.02.12 / Зикриёев Фарход Кобилович. – Душанбе, 1986. – 40 с.

Статьи

94. Бахтин, М. М. К философским основам гуманитарных наук (в сокращении) / М. М. Бахтин // Собр. соч. – М.: 1996. – Т. 5. – С. 7-10.
95. Боас, Ф. Методы этнологии / Ф. Боас // Антология исследований культуры: Интерпретация культуры. – М.; СПб., 1997. – Т. 1. – С. 343–345.
96. Виноградов, В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – М., 1955. – № 1. – С. 60 - 87.

97. Герцен, А. И. Художественное своеобразие публицистики. Приемы контраста и метафоры / А. И. Герцен // Вестник РГГУ: научный журнал. – № 6 (68), Серия: "Журналистика. Литературная критика", Апрель 2011. – С. 10–15.
98. Даркулова К.Н., Рыскулова А.А. Лексические средства связи // Материалы VI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: <https://scienceforum.ru/2014/article/2014005324> (дата обращения: 14.07.2026).
99. Мухторов, З. М. О синтаксисе текста в таджикском и русском языках / З. М. Мухторов // Лингвистические проблемы перевода (Сб. науч. статей). – Душанбе, 2003. С. 47- 50
100. Романова Т.В., Хоменко, А.Ю. Функционирование элементов семантического поля социальная значимость в русском и английском языках по данным словарных и корпусных источников / Т.В. Романова, А.Ю. Хоменко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2020. – № 17 (1). – С. 49-73.
101. Таджиев, Д. Т. Проблемы изучения сложноподчиненного предложения / Д. Т. Таджиев // Вопросы языкознания. – 1977. – № 5. – С. 35–39.
102. Balmer, J. M., Gray, E. R. Corporate identity and corporate communications: creating a competitive advantage / J. M. Balmer, E. R. Gray // Industrial and Commercial Training. – 2000. – Vol. 32, No. 7. – P. 256–262.
103. Beaugrande, R. de. Textlinguistik: Zu neuen Ufern? In: G. Antos & H. Tietz (Eds.) / R. de. Beaugrande. – Tübingen: Niemeyer, 1997. – S. 1–12.
104. Brandt, M.; Rosengren, I. *Zur Handlungsstruktur des Textes*. — Sprache und Pragmatik, Bd. 24. — Lund: Gleerup, 1991. — S. 3–46.
105. Brinker, K. Textsortenbeschreibung auf handlungstheoretischer Grundlage (am Beispiel des Erpresserbriefs) / K. Brinker // Texte, Diskurse,

Interaktionsrollen: Analysen zur Kommunikation im öffentlichen Raum / Hrsg. K. Adamzik. — Tübingen: Stauffenburg, 2002. — S. 41–59.

106. Brinker, K. Textstrukturanalyse / K. Brinker // Text- und Gesprächslinguistik / hrsg. von K. Brinker et al. – Berlin: Walter de Gruyter, 2014. – Bd. 1. – S. 133–175.

107. Dijk, T. van. The Study of Discourse. In: Giles, H. & W. P. Robinson (Eds.). Discourse as Structure and Process. Vol. 1 / T. van Dijk. – London: Sage, 1997. – P. 1–34.

108. Dressler, W. U. Textlinguistik und Semiotik. In: Brinker, K. et al. (Eds.). Text- und Gesprächslinguistik. 1. Halbband / W. U. Dressler. – Berlin: Walter de Gruyter, 2000. – S. 45–62.

109. Engel, U. Der Text // Grammatik der deutschen Sprache / U. Engel. – Heidelberg: Groos, 1988. – S. 306–315.

110. Feilke, H. Die pragmatische Wende in der Linguistik. In: Brinker, K. et al. (Eds.) / H. Feilke. – 2000. – S. 64–83.

111. Fix, U. Die erklärende Kraft von Textsorten. In: Orešnik et al. (Eds.) / U. Fix. – 1998. – S. 15–27.

112. Franke, W. Texttypen – Textsorten – Textexemplare. Ein Ansatz zu ihrer Klassifikation und Beschreibung / W. Franke // Zeitschrift für germanistische Linguistik. – 1987. – Vol. 15, No. 3. – S. 257–281.

113. Gansel, Ch. Grammatik und Stil. In: Habermann, M. (Ed.). Grammatik wozu? / Ch. Gansel. – Mannheim: Dudenverlag, 2010. – S. 287–308.

114. Hartung, W. D. Kommunikation sorientierte und handlungstheoretisch ausgerichtete Ansätze. In: Brinker, K. et al. (Eds.) / W. D. Hartung. – 2000. – Bd. 1. – S. 93–112.

115. Harris, Z. S. Discourse Analysis / Z. S. Harris // Language. – 1952. – Vol. 28, No. 1. – P. 1–30.

116. Harweg, R. Text Grammar and Literary Texts: Remarks on a Grammatical Science of Literature / R. Harweg // Poetics. – 1973. – Vol. 2, No. 9. – P. 81–93.

117. Heinemann, M. Aspekte der Textsortendifferenzierung / M. Heinemann // Text- und Gesprächslinguistik / hrsg. von K. Brinker, G. Antos, W. Heinemann, S. F. Sager. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2000. – Bd. 1. – S. 523–546.
118. Hoffmann, L. Austauschprozesse zwischen fachlichen und anderen Kommunikationsbereichen: Theoretische und methodische Probleme / L. Hoffmann // Fachsprachen: Languages for Special Purposes / hrsg. von L. Hoffmann, H. Kalverkämper, H. E. Wiegand. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1998. – Bd. 1. – S. 561–579.
119. Hoffmann, L. Sorten fachbezogener Vermittlungstexte II: Die Bedienungsanleitung für fachexterne Adressaten / L. Hoffmann // Fachsprachen: Languages for Special Purposes / hrsg. von L. Hoffmann, H. Kalverkämper, H. E. Wiegand. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1998. – Bd. 2. – S. 852–867.
120. Hundt, M. Textsorten des Bereichs Wirtschaft und Handel / M. Hundt // Text- und Gesprächslinguistik / hrsg. von K. Brinker, G. Antos, W. Heinemann, S. F. Sager. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2001. – Bd. 2. – S. 1578–1598.
121. Isenberg, H. Grundfragen der Texttypologie / H. Isenberg // Ebenen der Textstruktur / hrsg. von F. Daneš, D. Viehweger. – Berlin: Akademie der Wissenschaften der DDR, Zentralinstitut für Sprachwissenschaft, 1983. – S. 303–342.
122. Mann W. C., Thompson, S. A. *Rhetorical Structure Theory: Toward a Functional Theory of Text Organization* Journal: Text – Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse, 1988. P. 243-281
123. Schilling, M. A. Seiner Zeit um Jahrzehnte voraus: Weiterentwicklung der Stakeholder-Theorie durch die Ideen von Mary Parker Follett / M. A. Schilling // Management History. – 2000. – H. 6–7. – S. 242–251.
124. Schiffrin, D. Discourse as utterances // Approaches to Discourse / D. Schiffrin. – Cambridge, MA; Oxford: Blackwell, 1994. – P. 39–41.
125. Schröder, H. Textuelle Aspekte internationaler Produktvermarktung / H. Schröder // Konzepte zur Unternehmenskommunikation, Unternehmenskultur

und Unternehmensidentität / hrsg. von Th. Bungarten. – Tostedt: Attikon, 1991. – S. 269–289.

126. Searle, J. R. A Taxonomy of Illocutionary Acts / J. R. Searle // Language, Mind, and Knowledge / ed. by K. Gunderson. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1975. – Vol. 7. – P. 344–369.

127. Searle, J. R. A Classification of Illocutionary Acts / J. R. Searle // Language in Society. – 1976. – Vol. 5, No. 1. – P. 1–23.

128. Škiljan, D. Granice teksta / D. Škiljan // Tekst i diskurs. – Zagreb: Hrvatsko društvo za primijenjenu lingvistiku, 1997. – P. 15–24.

129. Weinrich, H. Textlinguistik: Zur Syntax des Artikels in der deutschen Sprache / H. Weinrich // Jahrbuch für Internationale Germanistik. – 1969. – Bd. 1. – S. 74–79.

130. Weinrich, H. Thesen zur Textsortenlinguistik / H. Weinrich // Textsorten: Differenzierungskriterien aus linguistischer Sicht / hrsg. von E. Gülich, W. Raible. – Frankfurt am Main: Athenäum, 1972. – S. 97–104.

131. Weinrich, H. Linguistik der Lüge / H. Weinrich // Sprache und Modellierung sozialer Interaktion. – Moscow: Progress, 1987. – S. 44–54.

Художественная литература

132. Айнӣ, С. Одина повест / С. Айнӣ; муҳ. масъул. М. Нурматов. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1938. – 226 с.

133. Айнӣ, С. Ғуломон / С. Айнӣ. – Сталинобод: Нашриёти Ирфон, 1954. – 404 с.

134. Айнӣ, С. Дохунда / С. Айнӣ. – Қуллиёт, т. 2. – Сталинобод, 1960. – 475 с.

135. Айнӣ, С. Забони адабии ҳозираи тоҷик / С. Айнӣ. – Қисми 1. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 450 с.

136. Айнӣ, С. Қаҳрамони халқи тоҷик Темурмалик. Исёни Муқаннаъ: очеркҳои адабӣ-таърихӣ / С. Айнӣ. — Душанбе: Маориф, 1978. — 168 с. Тарҷума ба забони англисӣ / А. Мамадназаров. – Душанбе: ЭР-граф, 2022. – 156 с.

137. Айнӣ, С. Марги судхӯр / С. Айнӣ. – Адабиёти бачагона, Душанбе, 2019. – 199 с.
138. Восеъ, Қ. Чаҳор китоби насри чавонмардӣ / Восеъ Қурбон. – Душанбе: Адиб, 2002. – 240 с.
139. Кошифӣ Ҳусайн Воизи. Футувотномаи султонӣ. Ахлоқи мӯҳсинӣ, рисолаи “Ҳотамия”/Ҳусайн Воизи Кошифӣ. – Душанбе:Адиб, 1991. – 319 с.
140. Маъсуми, Н. Очеркҳо доир ба инкишофи забони адабии тоҷик / Н. Маъсуми. – Сталинобод: Нашрдавтоҷ, 1959. – 172 с.
141. Муҳаммадиев, М. Лексикаи забони адабии тоҷик (маводи таълим) / М. Муҳаммадиев. – Душанбе, 1997. – 191 с.
142. Свифт, Дж. Саёҳати Гулливер / Дж. Свифт; пер. на тадж. яз. – Душанбе: Маориф, 1981. – 71 с.
143. Austen, J. “Pride and Prejudice” / J. Austen. – Moscow, 2003. – 568 p.
144. Bates, H. E. “How Vainly Men Themselves Amaze” / H. E. Bates. – In: Making It All Right: Modern English Short Stories / ed. by Stan Barstow. – Moscow: Progress Publishers, 1978. – 460 p.
145. Dickens, C. “A Tale of Two Cities” / C. Dickens. – London, 2017. – 404 p.
146. Elliott C., Quinn F. Contract Law. — 11th ed. — Harlow: Pearson Education Limited, 2017. — 432 p.
147. Gaskell, E. C. Cranford. Chapter I / E. C. Gaskell. – Arcturus, 2020. – 176 p.
148. Orwell, G. “Animal Farm” / G. Orwell. – Zagreb, 1996. – 112 p.
149. Hemingway, E. Farewell to Arms / E. Hemingway. – South Dakota Review, 1993. – Vol. XXII. – P. 231.
150. Shakespeare, W. Romeo and Juliet / W. Shakespeare. – In: Four Early Stories of Star-crossed Love. – Toronto: Centre for Reformation and Renaissance Studies, 2000. – 140 p.
151. Taylor, S. Love / S. Taylor. – Devonshire, England, 2009. – 224 p.

152. Tolkien, J. R. R. The Lord of the Rings. The Fellowship of the Ring / J. R. R. Tolkien. – New York, 2012. – 166 p.
153. Twain, M. The Prince and Pauper / M. Twain. – Puffin, 2009. – 111 с.
154. Twain, M. The Adventures of Tom Sawyer / M. Twain. – London, Toronto, 2014. – 106 p.
155. Voynich, E. L. The Gadfly / E. L. Voynich. – M., 1954. – 240 p.
156. Wilde, O. “The Picture of Dorian Gray” / O. Wilde. – Oxford, 2008. – 272 p.

Периодическая печать (газеты, пресса)

157. Садои халқ. – 2025. – № 4 (802), 25 январ
158. Ҷумҳурият. – 2024. – № 249 (25112), 26 декабр.
159. Morning Star. – Advertising. – January 2023.